

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

SLAVIANSKII Sbornik

3

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ТРЕТЬИЙ

ИЗДАНИЕ

ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Члена Славянскаго Комитета

П. А. Сильсборанда

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

И. И. ЧЕРНОВА

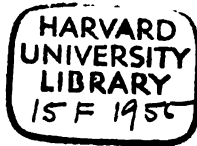
BIBLIOTHEQUE RUSSE

CONSTANTINOPLE PERE

ПЕТЕРБУРГЪ — 1876

△
P Slav 646.25
↓

Kram Per.

~~Slavic Division~~

~~43080~~

32

Типография брат. Пантелеевичъ Казанская ул. д. № 33

БИБЛИОТЕКА
 „РУССКАЯ МЫСЛЬ“
 А. И. ЧЕРНОВА
 BIBLIOTHÈQUE RUSSE
 „Rousskaia Mysl“
 CONSTANTINOPLE 1914

О Г Л А В Л Е Н И Е

Отдѣлъ первый.

I. Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ)—профессора В. В. Макушева.	1
II. Общественные и государственные вопросы въ Польской литературѣ XVI вѣка—профессора В. В. Макушева	27
Введение.—I. Шляхта: 1) паны и шляхта; 2) воспитаніе и общественныя школы; 3) домашняя жизнь шляхты.	
III. Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ—профессора А. Н. Веселовскаго	122
Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (текстъ и объясненія).	
IV. Слѣды Русскаго вліянія на старо-Польскую письменность—профессора В. В. Макушева.	166
V. Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ въ XIV и XV вѣкахъ—В. В. Квачановскаго	183
VI. Резья и Резьяне—профессора И. А. Бодуэна де-Куртена.	223
VII. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ—профессора В. Г. Васильевскаго.	372
Южно-Итальянская война (1156—1157).	

Отдѣлъ второй.

VIII. Браковская академія наукъ—А. Б. Киркора.	1
Историко-библіографическій очеркъ.	
IX. Институтъ Осолинскихъ во Львовѣ—А. Б.	41

Х. Библиографическія Замѣтки—П. А. Червяковскаго . 44

Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ.—Элизэ Реклю о Босніи и Герцеговинцахъ.—Еще о Турецкихъ Сербсахъ.—Воспоминанія о Бѣградѣ.—Отзывъ Поляка о Болгарахъ.—Древняя республика Дубровницкая.—Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсенъ.—Новый трудъ: «Введеніе въ исторію Славянской литературы».—Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей.—Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ.—Латинно-Польскій словарь реченій Магдебургскаго права.—Черты общественной жизни въ современной Чехіи.—Карлъ Либельтъ.—О современномъ состояніи языковѣднія у Поляковъ.

Отдѣлъ третій.

ХІ. Каница, Этнографическій очеркъ Болгарь въ переводѣ Е. П. Барсовой	1
ХІІ. Войтеха Кентржинскаго, О Мазурахъ—въ переводѣ В. Недзвецкаго	48
ХІІІ. Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла—въ переводѣ П. А. Червяковскаго	69
ХІV. Указатель	1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

XVI ВѢКА.

Ни одно изъ Славянскихъ племенъ не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ Польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ; а между тѣмъ, при всей ограниченности свѣдѣній нашихъ о Славянахъ вообще, Поляковъ мы знаемъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Герцеговинцевъ или Сербовъ-Лужичанъ. Сольются-ли когда-нибудь Славянскіе ручьи въ Русскомъ морѣ—это еще вопросъ, который, по всей вѣроятности, рѣшится отрицательно, такъ какъ положительное его рѣшеніе не представляется возможнымъ и желаннымъ ни Славянскимъ нашимъ братьямъ, ни намъ самимъ; а Польскій ручей (по крайности, значительнѣйшая его часть) уже давно влился въ наше море, и есть надежда, что въ ближайшемъ будущемъ окончательно съ нимъ сольется.

Мы слишкомъ мало знали и знаемъ Поляковъ, и потому, при всякомъ столкновеніи съ ними, дѣлали непростительные промахи и ошибки. Поляки, съ своей стороны, также не знали, или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и Русскихъ въ ихъ настоящемъ, а не извращенномъ видѣ, и потому часто дѣйствовали безразсудно, безтактно и безтолково; но они уже сознали свою ошибку, и даже самые ярые защитники польщизны совѣтуютъ имъ всесторонне изучать Россію—съ цѣлью эксплуатировать ее въ свою пользу, какъ это ясно высказано въ брошюрѣ Крашевскаго «Programm Polski. 1872». И они достигнуть предполагаемой цѣли, если мы, по-прежнему, будемъ относиться апатично ко всему Польскому и не будемъ

стараться поближе ознакомиться съ Польскимъ народомъ въ его прошломъ и настоящемъ. Вотъ почему было бы желательнo, чтобы наши периодическія изданія почаще помѣщали на своихъ страницахъ серьезныя и безпристрастныя статьи по Польской этнографіи и исторіи политической и литературной. Съ своей стороны мы предлагаемъ читателямъ «Славянскаго Сборника» свой скромный трудъ, касающійся золотого вѣка Польской литературы.

ВВЕДЕНІЕ.

Не даромъ XVI вѣкъ называется «золотымъ вѣкомъ» Польскаго государства и Польской литературы: никогда—ни прежде, ни послѣ—Польша не достигала такой славы и такого могущества; никогда Польская литература не имѣла такого важнаго значенія, общественаго и государственнаго! Кто хочетъ знать Польшу и Поляковъ, тотъ долженъ обратиться къ изученію XVI вѣка, къ его исторіи, политической и литературной, тѣсно связанныхъ между собою и немислимыхъ одна безъ другой. Тотъ не пойметъ смысла и значенія Польской литературы XVI вѣка, кто незнакомъ съ Польскою исторіей не только этого, но и предшествовавшихъ вѣковъ.

Никогда Польша не обнимала такой обширной территоріи, какъ въ XVI вѣкѣ. Кромѣ земель К о р о н н ы хъ (Великая и Малая Польша, Червоная Русь, Мазовше и Королевская Пруссія), ей принадлежали Литовская и по-Днѣпровская Русь до Чернаго моря и Лифляндія (1582 г.). Верховенство Польскаго короля признавали надъ собою княжества Прусское и Курляндское, Кашубское Поморье, Молдавія и Валахія. Народонаселеніе двухъ главныхъ составныхъ частей Польскаго государства, К о р о н ы и Л и т в ы, было самаго разнообразнаго происхожденія: кромѣ Поляковъ, тутъ жили Нѣмцы, Литовцы, Евреи, Цыгане, Армяне, Румыны, Мадыяры, Татары и Итальянцы; но большинство народонаселенія составляли Русскіе. Обладаніе обширными равнинами Западной Руси было вопросомъ жизни для Польскаго государства. Это понималъ уже Волеславъ Храбрый, побывавшій въ Кіевѣ, въ качествѣ союзника Святополка Окаяннаго (1018); на память по себѣ, по словамъ поэта ¹⁾, онъ вбилъ въ Днѣпръ желѣзные столпы:

¹⁾ J. U. Niemcewicza, «Śpiewy historyczne», XIII.

Na pamięć gdzie się Polacy zagnali
 Jakie z Czech, Niemiec odnosili żupy,
 Bije na Dnieprze, i Ossie, i w Sali
 Żelazne ślupy.

Такое вкочлачиваніе Польскихъ желѣзныхъ столповъ въ Русскихъ водахъ приостановилось при преемникахъ Болеслава Храбраго на триста лѣтъ. При Владиславѣ Локоткѣ, союзникѣ Гедимина, появляются первыя Польскія поселенія въ Литовско-Русскихъ земляхъ. Сынъ его, Казиміръ Великій, чтобы закрѣпить за Польшею вновь приобрѣтенную имъ (1339—1340) Червонную Русь (она уже принадлежала Полякамъ при Болеславахъ Храбромъ и Смѣломъ), сталъ усердно ее ополячивать, обращая бояръ въ католицизмъ, преслѣдуя православіе, распространяя Латинскую вѣру и поощряя Польскую въ ней колонизацію²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ онъ взялъ Луцкъ, Владиміръ-Волинскій и Брестъ-Литовскъ. Ягайло, возвративъ отъ Угровъ Червонную Русь (1388), поручилъ управленіе ею Польскимъ панамъ и роздалъ имъ обширныя Русскія земли: въ своихъ помѣстьяхъ паны строили Латинскіе костѣлы и каплицы и, соболѣзнуя о малочисленности «правовѣрныхъ», т. е. католиковъ, призвали изъ Мазовша, для заселенія Русскихъ земель, хлоповъ и бѣдную шляхту. И эти огромными толпами шли на ихъ призывъ, преимущественно въ Русь Бельскую, которая, по словамъ Польскаго историка, совсѣмъ «омазурѣла» (cała Ruś Bełzka zmazurzała). Тоже было и на Украинѣ. Подольскую землю король пожаловалъ Краковскому воеводѣ Спыткѣ, который заселилъ ее Поляками; Волинскимъ старостою былъ назначенъ каштелянъ Судомірскій, Кржеславъ Курожвенцкій — ревностный католикъ³⁾. Крестивъ въ католическую вѣру (1387) присоединенную къ Польшѣ Литву, Ягайло настроилъ въ ней Латинскихъ костѣловъ, при которыхъ поселилъ множество Польскихъ ксендзовъ. Въ ревности

²⁾ Этого не скрываетъ добросовѣстный Польскій историкъ Андрей Мораचेвскій, («Dzieje zrzeczypospolitej Polskiej», I, 195): «Skoro Kazimierz Ruś do Korony przyłączył, duchowieństwo Polskie zaczęło tępić kościoł Ruski, a zaprowadzać łaciński. Który bojar dał na sobie chrzest pokatolicku poprawić, ten zaraz znaczenia i wpływu nabierał, człowiekiem do wszystkiego się stawał». Напротивъ того К. Шаиноха («Jadwiga i Jagiello», wyd. 2, t. III, str. 269) старается уверять, что Казиміръ не только не преслѣдовалъ, но даже покровительствовалъ православной церкви въ Червонной Руси, хотя и заботился объ учрежденіи католическаго бискупства во Львовѣ — «dla coraz liczniejszej nadpływającej tu katolików łacińskich». Лучшимъ опроверженіемъ Шаинохи служить то, что Русскіе обратились за помощью противъ мнимаго своего благодѣтеля къ Татарамъ, которые и не замедлили явиться на ихъ призывъ (1344 г.).

³⁾ К. Шаиноха, «Jadwiga i Jagiello», III, 295—310.

къ католицизму онъ дошелъ до того, что издалъ указъ, которымъ воспрещалось католикамъ вступать бракъ съ православными. Униженные и оскорбленные кородемъ, православные-Русскіе, составлявше большинство народонаселенія Литвы, возстали подъ предводительствомъ Витовта. Съ помощью Меченосцевъ, Витовтъ опустошилъ Литву, сжегъ всѣ костѣлы, построенные Ягайломъ, и предавалъ жестокимъ истязаніямъ приверженцевъ католицизма ¹⁾. Назначенный правителемъ Литвы Вигундъ Александръ подражалъ въ одеждѣ, языкѣ, обычаяхъ и образѣ жизни Полякамъ, такъ-что казался «стародавнѣмъ Полякомъ и шляхтичемъ». Виленскимъ воеводою былъ Малополянинеъ Ясько Олесъниціи ²⁾. Вѣнцемъ дѣятельности Ягайлы въ Литвѣ былъ знаменитый съѣздъ въ Городлѣ (1413), называемый Польскимъ историкомъ «uzupełnieniem katolicizmu na Litwie, uzupełnieniem wiary i swobód katolickich» ³⁾. На немъ 47 Литовскихъ бояръ, принявшихъ католицизмъ, получили права Польскаго шляхетства. На немъ же были установлены на Польскій ладъ: воеводства, каштеляніи и другія должности, которыя могли быть замѣщаемы только Римско-католиками, но отнюдь не православными ⁴⁾. Вмѣстѣ съ Ягайлой присутствовалъ на этомъ съѣздѣ Витовтъ, ознаменовавшій уже себя казнью Жмуди, прогнавшей бискупа и каплановъ Латинскихъ. Оба задумали обращеніе православныхъ-Русскихъ въ католицизмъ, и съ этою цѣлью Витовтъ отправилъ на Констанцскій соборъ православныхъ епископовъ и священниковъ для принятія униі, а Ягайло писалъ, что «онъ уже давно бы привелъ Русскій народъ къ послушанію святой Римской церкви, если бы не мѣшали тому безпрестанныя войны» ⁵⁾. Съ переходомъ Витовта въ лагерь Поляковъ и католиковъ, во главѣ православныхъ-Русскихъ сталъ князь Иванъ Чорторыйскій, приобрѣвшій извѣстность убійствомъ жестокаго и подозрительнаго Сигизмунда Кейстutowича, правителя Литвы. Тяжелая зависимость отъ Польши и преслѣдованіе православія довели Литовцевъ и Русскихъ до того, что на съѣздѣ въ Люблинѣ (1448) они открыто

¹⁾ J. Moraczewski, I, 288—294. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Ягайло и въ Червонной Руси, какъ видно изъ словъ Шайнохи (IV, 333). (Jagiełło) dla uzyskania poklasku cudzoziemców rozkazał, aby uboga dotąd katedra Rzymska w Przemyślu zajęła miejsce okazalszej cerkwi stołecznej Ruskiej. Wyrzucono więc duchowieństwo Greckie z dotychczasowej głównej świątyni w zamku, która dla naocznego przekonania uradowanych gości zachodnich poświęcona została natychmiast na katedrę łacińską. W zapale rugowania ołtarzów Ruskich nie przebaczone żadnemu z zakonów cerkwi, narażając się na słuszną niechęć krajowców, której żadne pochwały zagraniczne nie wynagrodziły chwalebnym». ²⁾ Ibid. 39. ³⁾ Ibid. 326. ⁴⁾ Moraczewski, II 81—83. ⁵⁾ Schajnocha, IV, 334.

заявили о своемъ желаніи отложиться отъ Польши, и съ тѣхъ поръ не участвовали на сеймахъ. Нѣсколько позже призванные ими Татаре стали грабить пограничныя Польскія области и толпами вводили жителей въ плѣнъ. Начало правленія Сигизмунда I, было ознаменовано возстаніемъ князя Михаила Глинскаго, Русскаго и православнаго, заклятаго врага Польскихъ порядковъ на Литвѣ. Съ двумя тысячами всадниковъ онъ разъѣзжалъ по Литвѣ, преслѣдуя Поляковъ и ихъ приверженцевъ. При помощи Василія II Ивановича, онъ надѣялся стать независимымъ Литовско-Русскимъ княземъ съ столицею въ Кіевѣ, поднять на Литвѣ и по-Днѣпровской Руси Русскую народность и православіе, уничтожить Польскіе порядки и истребить католицизмъ. Но замысламъ его не было суждено осуществиться, хотя онъ и овладѣлъ большею частью Литовско-Русскихъ земель. При Сигизмундѣ-Августѣ ненависть къ Польскому католицизму выразилась сочувствіемъ Литовской Руси къ новому ученію лютеранъ, Кальвинистовъ и анабаптистовъ, которымъ открыто покровительствовалъ знаменитый князь Николай Ивановичъ Радивилъ. Для противоудѣйствія имъ, были вызваны въ Литву іезуиты, основавшіе коллегіи въ Вильнѣ и Полоцкѣ. Они были вѣрными союзниками Стефана Баторія и Сигизмунда III.

Втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ Поляки ясно сознавали, что ихъ политическое существованіе тѣсно связано съ обладаніемъ Литовско-Русскими землями; а въ половинѣ XVI вѣка стали уже опасаться, что постоянно возрастающая въ силѣ и могущество, православная Россія не только возвратитъ себѣ утраченныя Литовско-Русскія земли, но даже поглотитъ саму Польшу. Тревожимый такими опасеніями, Сигизмундъ-Августъ созвалъ представителей Литвы и Польши въ Люблинъ (1569). На этомъ съѣздѣ было постановлено, что впредь Литва и Польша будутъ имѣть одинъ общій сеймъ и сообща будутъ выбирать короля. Люблинская унія не вводила ничего новаго въ политическія отношенія Польши и Литвы, а только закрѣпляла за первою господство надъ послѣднею въ томъ видѣ, какой создали вѣка.

Какъ на Руси Червонной и по-Днѣпровской, такъ и въ собственной Литвѣ, гдѣ господствовали Русскій языкъ и православная вѣра, Польша преслѣдовала одну и ту же политику — ополченія посредствомъ католицизма. Преслѣдуя и унижая православныхъ, Поляки разными приманками старались совращать ихъ въ католицизмъ: бояре, принявшіе Латинскую вѣру, получили права Польскаго шляхетства; всѣ доходныя должности отдавались

только католикамъ; даже мѣщаниномъ Польскаго города могъ быть только католикъ. Вслѣдствіе этого принимали католицизмъ и полячилились не только бояре, но и мѣщане. Католическія школы были также средствомъ къ ополченію. Съ другой стороны, твердыхъ въ православіи и Русской народности старались вслѣдствіи унизить. Такъ, въ коренномъ Русскомъ городѣ Львовѣ Русскіе (православные) могли покупать и строить дома только на Русской улицѣ, могли вступать только въ Русскія братства и вести только мелочную торговлю. Оттого такіе быстрые успѣхи оказалъ католицизмъ во Львовѣ: въ XV вѣкѣ въ немъ считалось 5 костеловъ и только одна православная и одна Армянская церковь. Не лучше было на Литвѣ и на Украинѣ: на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Русскіе бояре жаловались на притѣсненія со стороны Польскихъ воеводъ, которые заставляли ихъ даже работать на себя. Еще хуже было положеніе Русскаго духовенства—не шляхетнаго, хлопскаго (samego tylko chłopstwa): не только сеймы отягощали его всякими поборами, но каждый шляхтичъ считалъ Русскаго священника своимъ слугою, верѣдко гонялъ его на барщину и подвергалъ тѣлесному наказанію. И православное духовенство, по сознанию самихъ Поляковъ, вполне терпѣливо переносило всю тяжесть неволи. Короче: положеніе Русскихъ въ Польшѣ XV и XVI вѣковъ было нисколько не лучше положенія Словаковъ въ Венгріи въ наше время.

Совершенно въ иномъ положеніи находились Нѣмцы, жившіе въ Пруссіи и Лифляндіи и разсѣянные по городамъ и селамъ всей Польши и Червонной Руси. Извѣстно, что во второй половинѣ X вѣка Польша подпала двойной зависимости отъ Нѣмцевъ—церковной черезъ Познанскаго епископа, подчиненнаго архіепископу Магдебургскому, и свѣтской черезъ Мечислава, признавашаго надъ собою верховенство императора. Оттого былъ такъ легокъ Нѣмцамъ доступъ въ Польшу, путь куда первый указалъ имъ Болеславъ Храбрый (†1025), надѣлившій Нѣмецкихъ поселенцевъ разными льготами и преимуществами. Королю подражали шляхта и духовенство. Малонаселенность Польши и политическія обстоятельства содѣйствовали быстрому распространенію въ ней Нѣмцевъ, особенно въ XIII вѣкѣ. Нѣмецкіе поселенцы не только пользовались самоуправленіемъ, но даже были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Нѣмецкія общины составляли

¹⁾ Moraczewski, VI, 197: «znosiło duchowieństwo kościoła wschodniego wszelkie dolegliwości niewoli zupełnie cierpliwie».

statum in statu. Въ XIII вѣкѣ Нѣмецкіе ремесленники проникають въ Польскіе города, а что еще важнѣе—на Польской землѣ возникаютъ Нѣмецкіе города. Въ 1230—1240 годахъ Нѣмцы поселяются въ Краковѣ и Судомірѣ съ правомъ самоуправленія по Магдебургскимъ законамъ. Въ 1252 году, они основываютъ чисто-Нѣмецкій городъ Neumarkt. Въ 1264 году они заселяютъ Корчинъ, и на мѣстѣ монастырскаго селенія Skarzessowia возникаетъ Нѣмецкій городъ. Въ Познани на-супротивъ стараго Польскаго города былъ построенъ новый Нѣмецкій (1252). Во второй половинѣ XIII вѣка нѣмчатся многіе города въ Великой и Малой Польшѣ: Сѣрадзь, Люблинъ, Лубница, Побѣдишка, Слупца и др., а въ концѣ этого вѣка Нѣмцы заселяютъ въ Куявіи города Иновроцлавъ и Брестъ. Въ Мазовшѣ они появляются еще ранѣе (въ 1254 г. они поселились въ Плоцеой епархіи). Города, основанные Нѣмцами, получали въ собственность окрестныя поля близъ-лежащій лѣсъ, деревни,—пользовались свободой рыбной ловли, освобождались на много лѣтъ отъ податей, пошлинь, повинностей и т. п., что всего важнѣе, были изъяты изъ вѣдомства каштеляновъ и составляли свободныя общины, управлѣвшіяся Нѣмецкими законами. Во главѣ этихъ общинъ стояли наследственные войты (*Woyt* съ Нѣмецкаго *Vogt*), изъ локаторовъ (*locatores*), т. е. основателей города. Они были высшими судьями во всемъ городскомъ округѣ и получали $\frac{1}{3}$ судебныхъ доходовъ. Въ ихъ рукахъ была также полицейская власть; но гражданскія дѣла были въ вѣдѣніи бургомистра (*proconsul*) и его совѣтниковъ (*consules jurati*). Такъ было до XV вѣка, когда произошла реформа въ городскомъ управленіи, во главѣ которой стояли бургомистры (въ Познани 2, во Львовѣ 3) съ совѣтниками, а за войтами (*advocati*) и ратманами (*райцами*, лавниками, *scabini*) была оставлена только судебная власть.

Займствованное отъ Нѣмцевъ, городское право (*jus municipale Maideburgense, speculum Saxonum, jus Teutonicum, jus Sredense s. Novifori*—Neumarkt въ Силезіи, *jus Culmense*) окончательно выработалось XVI вѣкѣ, хотя на Польской почвѣ оно подверглось вліянію мѣстныхъ обычаевъ, каноническаго и Римскаго права, но по своему духу осталось чужимъ: такъ, напримѣръ, въ немъ мѣсто Польской глумизны (пени за убійство) занимаетъ смертная казнь, независимо отъ вергельта; такъ, въ городскомъ судѣ употреблялись пытки (огонь и желѣзомъ) и т. п. По Нѣмецкому образцу, въ Польскихъ городахъ были купеческія и ремесленныя братства или цехи. Во главѣ cadaго цеха стоялъ старшина или цехмистръ

съ столовыми: они завѣдывали дѣлами братства и были его представителями передъ городскими властями. Членомъ братства могъ быть только мастеръ и притомъ мѣстный житель. Благодаря своему исключительному положенію въ государствѣ, Нѣмецкіе и онѣ-меченные города быстро развивались и богатѣли. XV вѣкъ составляетъ эпоху ихъ процвѣтанія. Въ XVI они приходятъ въ упадокъ вслѣдствіе притѣсненій со стороны шляхты, которая не только подрывала городское самоуправленіе и унижала мѣщанъ, но даже буквально грабила города. Тѣмъ не менѣе и въ XVI вѣкѣ торговля и промышленность были въ рукахъ преимущественно Нѣмцевъ—этихъ паразитовъ Польши. Въ XVI вѣкѣ Польскій элементъ въ городахъ усиливается и польщизна начинаетъ вытѣснять нѣмецину, пустившую столь глубокіе корни, что еще въ началѣ этого вѣка въ такихъ городахъ, какъ Львовъ, говорились проповѣди по-Нѣмецки, и городскія дѣла велись на Нѣмецкомъ языкѣ, а Нѣмецкіе обычаи и одежда продолжали господствовать въ городахъ втеченіе всего этого вѣка.

Еще вреднѣе Нѣмцевъ для Польскаго государства были Евреи, жившіе по городамъ и селамъ и занимавшіеся торговлею, державшіе на откупахъ шинки и таможи и ссужавшіе деньги за большіе проценты. О нихъ упоминается уже въ X вѣкѣ: тогда они торговали рабами и были извѣстны, какъ ростовщики. Имъ покровительствовалъ Мечиславъ Старшій. Позже, во времена крестовыхъ походовъ, они массами бѣжали изъ Германіи въ гостеприимную Польшу, гдѣ стали эксплуатировать слишкомъ довѣрчивый народъ. Въ XVI вѣкѣ имъ покровительствовала расточительная шляхта, постоянно нуждавшаяся въ деньгахъ, а Степанъ Баторій сравнялъ ихъ во многихъ правахъ съ христіанами, отъ которыхъ они не отличались даже одеждою. Въ первой половинѣ этого вѣка они проникли въ Литву, гдѣ пользовались полною свободою.

Вмѣстѣ съ Нѣмцами и Евреями, торговлею занимались въ Польшѣ Армяне (съ XIII вѣка, если не ранѣе, преимущественно во Львовѣ, Луцкѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Кіевѣ), Румыны и Мадьяры (на Подолѣ), Итальянцы (въ большихъ городахъ) и Татары (на Литвѣ со временъ Витовта, во Львовѣ и на Подолѣ). Сами же Поляки имѣли отвращеніе отъ занятій торговлею и промышленностью, а шляхтѣ это было даже возбранено закономъ, подъ страхомъ утраты шляхетства.

Любимое занятіе Поляка—сельское хозяйство. Но и оно было въ XVI вѣкѣ въ упадкѣ, такъ какъ шляхтичъ рѣдко имъ зани-

мался, а чужіе люди, работавшіе за него, думали только о личной корысти. Можетъ показаться страннымъ, что хлѣбородная Польша, считавшаяся житницею Западной Европы, нерѣдко сама голодала. Это происходило оттого, что чрезмѣрное количество хлѣба отпускалось за границу—ради барышей. Успѣхамъ сельскаго хозяйства препятствовали ненормальныя отношенія шляхты къ хлопамъ. Это были безправные рабы, прикрѣпленные къ панской землѣ; надъ ними панъ имѣлъ даже право жизни и смерти¹⁾. Какъ панъ, такъ и фермеры (войты или солтысы) безнаказанно разоряли и угнетали хлоповъ, а потому они были, конечно, плохими работниками²⁾. Войты же или солтысы, вполне зависѣвшіе отъ произвола пана, который имѣлъ надъ ними право суда, думали только объ одномъ—какъ-бы поскорѣе нажитъ.

Съ конца XV вѣка законъ и право въ Польшѣ существовали только для шляхты: все, что было ниже шляхтича, было лишено всякихъ гражданскихъ и политическихъ правъ; вся государственная власть—законодательная, судебная и административная—была сосредоточена въ рукахъ шляхты. Избираемый ею, король вполне зависѣлъ отъ сената и сейма, которые вмѣшивались даже въ его частныя дѣла. Хотя въ принципѣ признавалось шляхетское равенство (извѣстная поговорка: *szlachcic na zagrodzie rówien wojewodzie*), но на дѣлѣ всѣмъ заправляли сильные и богатые паны; мелкая же шляхта спасалась отъ ихъ насилія и своеволія по деревнямъ или находилась у нихъ на службѣ. Польскій панъ любилъ хвастаться, что ему прислуживаютъ равные ему шляхтичи; но шляхтичъ, служившій при панскомъ дворѣ, зналъ, что онъ не болѣе, какъ слуга пана: для него панъ былъ, по словамъ одного современнаго Польскаго писателя, «земнымъ богомъ». Чѣмъ былъ знатнѣе панъ, тѣмъ былъ многочисленнѣе его дворъ—подражаніе королевскому двору: при дворѣ князя Константина Острожскаго было до двухъ тысячъ пановъ и шляхты. Пана сопровождали его дворяне повсюду; а на сеймъ онъ являлся не иначе, какъ со своимъ придворнымъ войскомъ, съ большимъ обозомъ и множествомъ преданной ему шляхты. Меньшіе дворы примыкали къ большимъ, такъ-что на сеймахъ бывали только двѣ или три партіи. Чья партія побѣждала, тотъ властвовалъ въ Польшѣ. Свое-

¹⁾ Mart. Cromerus, «Polonia» (Coloniae, 1576, p. 91): «Habent sane in eos domini vitae necisque potestatem».

²⁾ Свободные земледѣльцы, кметы уже въ XV вѣкѣ обратились въ крѣпостныхъ; между ними и хлопами исчезло всякое различіе.

волю шляхты не было предѣловъ; она безнаказанно разбойничала по дорогамъ и грабила городà, а паны нападали даже на иностранныя земли, хотя, по закону 1447 года de guegkis, полагалась за это смертная казнь и вознагражденіе убытковъ. Также безнаказанно оставались убійства, совершаемыя шляхтою, хотя, по закону, она обязывалась платить г л у в ч и з н у (въ началѣ XVI вѣка 120 гривенъ ¹⁾), а съ 1588 вдвое больше; изъ огнестрѣльнаго же оружія (четверо) и сидѣть въ тюрьмѣ годъ и 6 недѣль ²⁾). Законъ бездѣйствовалъ, потому что шляхтича могъ судить только король на сеймѣ, а сеймы собирались рѣдко, и то—на короткое время; судебныхъ же дѣлъ было такъ много, что они откладывались съ одного сейма до другого—до безконечности.

Своевольная и буйная шляхта отличалась пьянствомъ, обжорствомъ, развратомъ и страстью къ роскоши, для удовлетворенія которой считала всѣ средства позволенными. Поэтому каждый думалъ только о личной корысти, а не о пользѣ отечества. Сутяжничество и погоня за доходными должностями составляютъ характеристическія черты Польской шляхты XVI вѣка, и она исключительно занимаетъ всѣ должности, не только государственныя, но и церковныя. Поэтому не удивительно, что шляхетское происхожденію духовенство было вѣрнымъ союзникомъ шляхты. Высшія духовныя званія и выгоднѣйшія церковныя должности были раздаваемы шляхтѣ не за заслуги и образованіе, а по протекціи. Для полученія такихъ званій и должностей, не требовалось и личнаго призванія, не было даже нужно, чтобы конкурентъ былъ изъ духовенства. Были примѣры, что король не только жаловалъ церковныя *beneficia* свѣтскимъ людямъ (Янъ Кохановскій, Судивой Чарневскій), но даже назначалъ въ епископы мірянъ (такъ, Сигизмундъ Старшій назначилъ на Познанскую епархію коронаго канцлера Павла Вольскаго). Закономъ 1538 года было постановлено, что аббатомъ монастыря могъ быть только Польскій шляхтичъ; если братія не находила такого между духовными, то выбирала между свѣтскими шляхтичами и представляла избраннаго ею на утвержденіе короля и посвященіе епископа. Понятно, что такіе импровизованные епископы, прелаты, каноники и аббаты менѣе всего думали о церкви и паствѣ: воспитаніемъ дѣтей они не занимались, защищать ученіе свой церкви были не въ состоя-

¹⁾ Гривна равнялась суммѣ около 10 рублей на нынѣшнія деньги.

²⁾ Простой народъ за убійство подвергался смертной казни.

ни (для этого нужна и особая подготовка, и особое призваніе); они умѣли — только жить по-шляхетски, т. е. утопать въ роскоши, нѣгѣ, развратѣ, пьянствѣ и обжорствѣ. Если чѣмъ занимались они, то—политикой: ѣздили по сеймамъ, интриговали, составляли партіи. Вотъ почему такъ низко пала Польская церковь въ XVI вѣкѣ: шляхта не хотѣла подчиняться церковному суду и смѣялась надъ церковнымъ проклятіемъ, а новыя вѣроученія, благодаря провозглашенному принципу вѣротерпимости, свободно ширились по огромному Польскому государству.

Съ 1520 года начинается распространяться Лютеранское ученіе въ Польшѣ, откуда въ 1539 оно проникло въ Литву, гдѣ нашло защиту и покровительство у князя Николая Ивановича Радивиля, по прозванію Чернаго, двоюроднаго брата королевы Варвары, маршала, а потомъ канцлера великаго княжества Литовскаго и воеводы Виленскаго. Къ послѣдователямъ Лютеранскаго ученія, принадлежали такіе знаменитые Польскіе писатели, какъ Андрей Фричь Модржевскій (секретарь Сигизмунда Старшаго), Станиславъ Орzechовскій, Николай Рей изъ-Нагловицъ. Лютеране поддерживали Чешскихъ Братьевъ, которые изъ Великой Польши распространились въ Малую, подъ покровительствомъ Якова Остророга. Кальвинисты или Социніане (такъ названныя по проповѣднику этого ученія въ Польшѣ, Lelius Socinus) склонили на свою сторону даже короля Сигизмунда-Августа. Ни духовенство, ни шляхта не принимали никакихъ мѣръ для противодѣйствія нововѣрцамъ, а инквизиторская дѣятельность папскаго нунція Леонтія Липомана побудила ихъ только крѣпче сплотиться и дѣйствовать сообща. Съ этою цѣлью, они устрояютъ сѣзды, сначала въ Пинчовѣ, потомъ въ Хрженцицахъ и, наконецъ, въ Козьминѣ (1555). Эти сѣзды окончились слитіемъ Кальвинистовъ съ Чешскими Братъями. Тоже случилось съ Аріанами и анабаптистами, поддерживаемыми въ Литвѣ Радивилями, сначала Николаемъ Ивановичемъ, а по смерти его въ 1565 г. его двоюроднымъ братомъ Николаемъ Юрьевичемъ: они слились въ одно вѣроисповѣданіе. Въ Пруссіи большинство народонаселенія исповѣдывало Лютеранскую вѣру, признанную королемъ равноправною съ католическою, вопреки епископу Варминскому Гозію. Не находя въ королѣ опоры для поддержанія католицизма, кардиналъ Гозій вызвалъ іезуитовъ и поселилъ ихъ въ Эльблонгѣ (1564). Въ слѣдующемъ году они основали свои коллегіи сначала въ Браунсбергѣ, а потомъ въ Пултускѣ и Познани. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ они распространились по Польшѣ и Литвѣ: ихъ

коллегіи находились въ Вильнѣ (1569), въ Ярославлѣ на Руси Червонной (1571), въ Полоцкѣ (1580), Ригѣ (1582), Люблинѣ, Несвижѣ, Гданскѣ, Калишѣ и Львовѣ. Большая часть этихъ коллегій была основана Степаномъ Баторіемъ, покровителемъ іезуитовъ. Въ 1572 году онъ преобразовалъ Виленскую іезуитскую коллегію въ академію, сравнивъ ее въ правахъ съ Краковскою. Первымъ ректоромъ этой академіи былъ знаменитый проповѣдникъ Петръ Сварга. При Сигизмундѣ III, воспитанникѣ іезуитовъ, этотъ орденъ распространился по всему Польскому государству, захватилъ въ свои руки воспитаніе дѣтей и приобрѣлъ большія богатства и политическое значеніе. Подъ видомъ благочестія и ревности къ католицизму, іезуиты преслѣдовали науки и литературу и воспитывали въ своихъ школахъ юношей въ духѣ своего ордена, приучая ихъ къ ханжеству и лицемерію, наполняя ихъ головы кухонною латынью и богословскими трактатами, но, пуще всего, стараясь богатыхъ шляхтичей втянуть въ свой орденъ или, по крайности, сдѣлать ихъ своими адептами и благотворителями. Благодаря такой дѣятельности іезуитовъ, не только науки и литература въ Польшѣ, но и само Польское государство пришли въ упадокъ.

Какъ духовенство мало заботилось о защитѣ вѣры и церкви, такъ-же шляхта мало думала объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ непріятелей. По закону, каждый шляхтичъ былъ обязанъ не только лично идти на войну, но также вести съ собою опредѣленное число воиновъ (въ XV вѣкѣ шляхтичъ, имѣвшій сто гривень дохода, долженъ былъ поставить одного копейщика и трехъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ). Но его обязанностью было только защищать границы государства; походы-же заграничные были предпринимаемы насчетъ короля, что было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ въ королевской кассѣ былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ. Паны ходили на войну съ своимъ придворнымъ войскомъ; но обыкновенно ограничивались защитою своихъ староствъ, державъ въ королевскихъ имѣній и своихъ собственныхъ помѣстьевъ. Шляхта составляла конницу. Пѣхота состояла изъ мѣщанъ и иностранныхъ наемниковъ (большею частью Нѣмцевъ, а при Степанѣ Баторіѣ — Венгерскихъ гайдуковъ; въ концѣ XVI вѣка было много Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ). До второй половины XVI вѣка въ Польшѣ не было постоянного войска, а на такъ называемое *rospolite ruszenie* шляхта собиралась неохотно, не исправно и медленно. Въ походы она забирала съ собою складныя постели, разную посуду и цѣлыя сундуки съ дорожнымъ платьемъ,

которымъ щеголяла, какъ на смотру: разноцвѣтныя шелковыя и атласныя одежды, — панцири, блиставшіе золотомъ и серебромъ, съ коршуновыми крыльями, — леопардовыя и медвѣжьи шубы. За шляхтою шла цѣлая толпа слугъ, исполнявшая всѣ панскія прихоти. Отъ такого войска было мало пользы государству; а потому на сеймѣ 1562 года было учреждено для защиты отъ Турокъ, Татаръ и козаковъ, безнаказанно грабившихъ Польскія области, постоянное войско (*obroga potoczna, wojsko kwarciane*). На его содержаніе была назначена четвертая часть королевскихъ доходовъ. Подъ командою польнаго гетмана оно стояло лагеремъ около Днѣстра и Днѣпра. Въ 1576 году Степанъ Баторій учредилъ конную гвардію (*wojsko nadworne jezdne*) изъ тысячи охотниковъ, одѣтыхъ по-Венгерски или гусарски и тяжело-вооруженныхъ; а въ 1578 году онъ организовалъ Польскую пѣхоту изъ жителей городовъ, мѣстечекъ и селъ (20 кметовъ поставляли одного рекрута). По ея образцу была впоследствии (1595) организована Литовская пѣхота. Число Польскаго войска (считая Запорожскихъ и Низовскихъ козаковъ, панскія и городскія войска, а также значительную артиллерію) простиралось въ XVI вѣкѣ до 200,000. Главнокомандующимъ былъ коронный или великій гетманъ; ему былъ подчиненъ польный гетманъ. Войско получало незначительное жалованье, притомъ неисправно платимое, а потому дозволяло себѣ всякаго рода своеволие и насиліе въ деревняхъ, черезъ которыя проходило. Жалобы на недостатокъ дисциплины въ войскѣ часто повторялись; но дѣла поправить было нельзя, потому что Польскіе финансы находились въ плохомъ состояніи, благодаря упадку торговли и промышленности и дурной системѣ податей и повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на мѣщанъ и хлопковъ. Многочисленная и богатая шляхта виѣстѣ съ духовенствомъ не платила ни гроша въ государственную казну.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Польскаго государства въ XVI вѣкѣ, — извнѣ блестящаго, внутри гнилага. Польскій Златоустъ, Петръ Скарга сравнивалъ его съ гниющимъ внутри яблокомъ, для спасенія котораго нѣтъ никакого средства ¹⁾. Но напрасно онъ указывалъ на болѣзни Польши, предвѣщающія близкую ея смерть ²⁾; напрасно онъ предсказывалъ ей грозную будущность; напрасно всѣ передовые люди того времени требовали для

¹⁾ «Kazania sejmowe», wyd. Turowskiego, str. 37.

²⁾ Ibid. 16: «A jeśliście ostrożni i mądry lekarze, najdziecie kilas szkoldiwych chorób jej, które jej bliska śmierć ukazują».

спасенія Польши немедленныхъ коренныхъ реформъ въ обществѣ и государствѣ... Ихъ голосу не внимали правившіе Польшею своекорыстные паны, и предсказаніе Скарги исполнилось: она распалась, досталась въ чужія руки, стала предметомъ насмѣшекъ и поруганій, а сыны ея стали влечить бѣдственную и презрѣнную жизнь на чужбинѣ ¹⁾.

Не одинъ Скарга, а всѣ сколько-нибудь замѣчательные Польскіе писатели XVI вѣка ясно сознавали, въ какомъ опасномъ состояніи находилась больная Польша. Историки, публицисты, ораторы, проповѣдники, поэты изображаютъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и, въ тоже время, предлагаютъ мѣры для ея спасенія. Рядомъ съ неприятными, иногда отвратительными картинами дѣйствительности, передъ нами рисуются свѣтлые идеалы, въ которыхъ стремились передовые люди Польши того времени. Такимъ образомъ, Польская литература XVI вѣка знакомитъ насъ не только съ внутреннимъ состояніемъ Польши, но и съ возрѣніями на различные вопросы, общественные и государственные, лучшихъ ея представителей.

Мы рассмотримъ рядъ такихъ вопросовъ, начиная съ самаго важнаго о положеніи шляхты въ Польскомъ обществѣ и государствѣ. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится нѣсколько другихъ: о воспитаніи, о государственномъ управленіи, о законахъ и судахъ, о военной оборонѣ. Затѣмъ постепенно мы перейдемъ къ вопросамъ о духовенствѣ, о королевской власти, о мѣщанахъ и, наконецъ, о простомъ народѣ. Говоря о мѣщанахъ, коснемся вопроса о положеніи иностранцевъ и иновѣрцевъ въ Польскомъ государствѣ. Разсматривая эти вопросы, мы будемъ сначала изображать дѣйствительность, на основаніи современныхъ сказаній Польскихъ и иностранныхъ, а за тѣмъ будемъ указывать, какъ относились къ этой дѣйствительности Польскіе писатели и какія реформы они предлагали.

¹⁾ Ibid. 35—36: «I ta niezgoda przywiedzie na was niewolą, w której wolności wasze utoną i w smiech się obroczą... Ziemie i księstwa wielkie, które się z Koroną ziednoczyły i w jedno ciało zrosły, odpadną i rozerwać się dla waszej niezgody muszą... Odbieżą was, jako chałupki przy jabłkach, gdy owoce pozbiierają, którą lada wiatr rozwieje; będziecie, jako wdowa osierociła, wy, coście drugie narody rzadzili, i będziecie ku pośmiechu i wraganium nieprzyjaciołom swoim. — Język swój i naród swój pogubicie, i ostatki tego narodu... potracicie, i w obcy sie naród... obrócicie.... Będziecie nie tylko bez pana krwi swojej i bez wybierania jego, ale też bez ojczyzny i królestwa swego, wygnañcy wszędzie nędzni, wzgardzeni, ubodzy, włóczegowie, które popychać nogami tam, gdzie was pierwiej ważono, będą....»

I. Ш Л Я Х Т А.

1. Паны и шляхта.

Освященное закономъ, шляхетское равенство никогда въ Польшѣ не существовало: оно было такимъ-же идеаломъ, какъ единоегласіе ²⁾. Съ тѣхъ поръ какъ начинается достовѣрная исторія Польши, паны отличались отъ шляхтичей: однихъ лѣтописи титулуютъ *barones, primates, nobiles, domini*, другихъ—*fratres* ³⁾; позже, въ XVI вѣкѣ, пановъ называютъ *proceres, optimates, ordo senatorius*, а шляхтичей—*nobiles, ordo equester* ⁴⁾. При Пастахъ только паны принимали участіе въ государственномъ управленіи, а шляхта служила лишь въ войскѣ; паны въ это время располагаютъ Польскимъ престоломъ. Внѣшнимъ образомъ паны отличались отъ шляхты золотыми цѣпями, а потомъ, по примѣру Нѣмцевъ, гербами (вся шляхта получила гербы только въ XVI вѣкѣ). Когда былъ учрежденъ сенатъ (въ концѣ XII вѣка), въ немъ засѣдали только паны и епископы. Шляхта принимаетъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ только съ сейма въ Хенцинахъ (1331). Присоединеніе къ Польшѣ Литвы при Ягайлѣ способствовало еще большому возвышенію пановъ надъ шляхтою; по рѣшенію Городельскаго съѣзда 1413 года, въ ряды Польскихъ пановъ стали Литовско-Русскіе княжескіе роды Слуцкихъ или Олельковичей, Острожскихъ, Вишневецкихъ, Провскихъ, Масальскихъ, Збаржскихъ, Корецкихъ, Корачевскихъ, Чорторыйскихъ, Лукомльскихъ, Сангушекъ, Рожинскихъ, Порыцкихъ. За ними признается княжескій титулъ, несуществовавшій въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ, мало-по-малу вводятся въ Польскомъ государствѣ иностранные титулы: Тенчинскіе, Гурей, Тарновскіе и нѣкоторые другіе получаютъ титулы графовъ, а Радивилы—князей Римской имперіи; папа Климентъ VIII пожаловалъ Мышевскихъ въ маркизы. Въ началѣ XVI вѣка паны пытались утвердить свое преимущество передъ шляхтою путемъ законодательнымъ, но встрѣтили грозное

²⁾ D-r Siegfried Hüppe («Verfassung der Republik Polen», s. 71) говоритъ, что «die Gleichheit des Adels in Polen niemals mehr als ein Ideal war. Ebenso wie die Einstimmigkeit!»

³⁾ W. A. Maciejowski, «Historia prawodawstw Słowiańskich», wyd. 2, t. II, str. 101—103, 107—108. — J. Lelewel, «Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne» (Paris, 1844), p. 15. ⁴⁾ Hüppe, 72.

сопротивленіе со стороны безчисленныхъ шляхтичей, собравшихся въ Львовѣ (1537). Хотя закономъ и не было признано разграниченіе между панами и шляхтою, тѣмъ не менѣе въ обществѣ оно существовало. Въ общественномъ мнѣніи старая, родовитая шляхта стояла несравненно выше новой, пожалованной кородемъ¹⁾; а богатые паны содержали при своемъ дворѣ цѣлыя толпы мелкопомѣстной шляхты и, чтобы поддержать блескъ своего рода, учреждали ординаціи или майораты (Николай Ивановичъ Радивиль въ 1589 г., Янъ Замойскій въ 1590 г.). Такимъ учрежденіемъ они обезпечивали будущность своего потомства, которое, въ противномъ случаѣ, при раздробленіи родового имущества, могло снизойти въ ряды простой шляхты, подобно тому, какъ шляхта уже въ это время съ утратою земельной собственности стала терять права шляхетства: безземельная шляхта (*gołota, odartus, improsessionatus*) въ Польскихъ законахъ XVI вѣка рѣзко отличается отъ шляхтичей, которые были не только *beneficati*, но и *possessionati*. Голота подлежала гродскому суду, а не земскому, не могла занимать государственныхъ должностей и участвовать на сеймахъ. Своимъ происхожденіемъ она обязана развившемуся въ Польшѣ въ XV и XVI вѣкахъ принципу: каждый шляхтичъ долженъ быть помѣщикомъ. Вслѣдствіе этого принципа шляхетскія помѣстья дробились до безконечности, помѣръ увеличенія потомства, что порождало науперизмъ. «Восемь шляхтичей изъ Опшяны ведутъ одну козу на торгъ», говоритъ Польская поговорка. Въ Мазовшѣ, гдѣ шляхта составляла половину народонаселенія, были нерѣдки помѣстья объемомъ въ одинъ Магдебургскій моргъ, и шляхтичъ самъ обрабатывалъ свою землю босикомъ, но при шпорахъ (!) и саблѣ. О такихъ шляхтичахъ помѣщикахъ говаривали Русскіе мужики: «Если собака сядетъ на землю шляхтича, то хвостомъ достанетъ земли его сосѣда»²⁾. Въ особыхъ отношеніяхъ къ панамъ находилась чиншбвая и ленная шляхта: первая (на Руси Червонной и въ Литвѣ) платила имъ чиншъ, вторая-же (въ Польшѣ) находилась въ вассальныхъ къ нимъ отношеніяхъ (напр. Горайскимъ, по привилегіи 1583 г., была

¹⁾ Вислицкій статутъ 1347 года отличаетъ уже отъ старой шляхты (*equites*) новую (*scartabellus, świegczak*), которая до послѣднихъ временъ не пользовалась равноправностью съ нею, какъ говоритъ Нёрре (s. 74): «Und bis auf die spätesten Zeiten hatte nicht der Neugeadelte die volle Berechtigung des Freien, sondern erst seine Urenkel, wenn nicht in der Nobilitationsurkunde ausdrücklich gesagt war praeciso scartabellatus».

²⁾ Нёрре, s. 73.

подчинена шляхта въ окрестностях Щебржещина ³⁾). Такимъ образомъ, и въ общезитіи, и въ законодательствѣ дѣлалось различіе между старою, родовитою шляхтою и новопожалованною, между шляхтою-помѣщиками и безземельною голотою, между панамъ и ихъ вассалами; а слѣдовательно—шляхетскаго равенства не существовало. Если-же обратимся къ исторіи, то она намъ скажетъ, что надъ шляхтою, составлявшею десятую часть всего народонаселенія Польши и простиравшеюся до милліона людей ⁴⁾, господствовало нѣсколько сильныхъ и богатыхъ пановъ.

Какъ-же смотрѣли Польскіе писатели XVI вѣка на такое нарушение шляхетскаго равенства?

Одни изъ нихъ слѣдовали общественному мнѣнію и учили любить и чтить пановъ, какъ земныхъ боговъ (*pana swego prawdziwie milować i we czci, jako ziemskiego boga, mieć*), Представителемъ ихъ можно считать Луку Гурницкаго. Другіе-же, какъ Андрей Фричь Модржевскій, Николай Рей изъ Нагловиць и Себастьянъ Клѣновичъ, возставали противъ родовитой шляхты, гордившейся гербами и подвигами предковъ, и проповѣдывали новое ученіе о превосходствѣ личныхъ заслугъ передъ знатностью происхождения.

Понятно, что такой писатель, какъ Лука Гурницкій, который почти всю жизнь свою провелъ при панскихъ дворахъ ⁵⁾,

³⁾ *Mogacze wski*, «*Dzieje Rzeczypospol. Polsk.*», VI, 96—97.

⁴⁾ По вычисленію Гюппе (стр. 79). — Геронимъ Липомано, Венеціанскій посолъ при Польскомъ дворѣ, въ реляціи отъ 1575 г., насчитываетъ только 200,000 шляхты («*relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomani l'anno 1575*»). Рукопись библ. св. Марка въ Венеціи № 917 Cl. VII, Ital. По моей копіи л. 18 об. По Польскому переводу Рыкачевскаго («*Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*», t. I) стр. 257. — Фульвій Руджери, папскій нунцій въ Польшѣ, въ реляціи отъ 1565 г., говоритъ, что жителей въ Польскомъ королевствѣ, безъ шляхты, было 3,500,000, именно 2,500,000 хлопковъ и 1,000,000 мѣщанъ. «Шляхта живетъ большею частью по деревнямъ, и число ея весьма значительно; говорятъ даже, что изъ трехъ сословій—шляхты, мѣщанъ и хлопковъ—шляхта самая многочисленная (!), и притомъ такъ убога, что сама по большей части обрабатываетъ землю, именно въ Мавовшѣ, гдѣ не болѣе 20 замѣтныхъ шляхтичей, а остальные ходятъ за плугомъ» («*Relacye nuncyusz.*», t. I, str. 125).

⁵⁾ Возвратившись изъ Италіи, гдѣ учился въ Падуанскомъ университетѣ, Гурницкій поступилъ ко двору славившагося гостепримствомъ и ученостію Самуила Мацѣвскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по смерти котораго (1545) пошелъ въ дворяне его преемника Андрея Зебридовскаго († 1550 г.); затѣмъ онъ служилъ при дворахъ Приремебскаго (впослѣдствіи архіепископа Гвѣзенскаго) и Филиппа Падневскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по рекомендаціи котораго получилъ мѣсто секретаря и библіотекаря короля Сигизмунда-Августа. Гурницкій занималъ эту должность до 1565 года, когда былъ назначенъ старо-

не могъ относиться къ панамъ иначе, какъ съ раболѣпнымъ подобо-страстіемъ. Въ сочиненіи «Dworzanin Polski» (Польскій придворный) онъ представилъ апологію родовитой шляхты.

«Придворный, образовать котораго я хочу», говоритъ Гурницкій ¹⁾, «долженъ происходить изъ знатнаго шляхетскаго дома; ибо не такъ стыдно нешляхтичу не поступать честно и благородно, какъ шляхтичу: если онъ хоть немного своротитъ съ того пути, по которому шли его предки, то оставить пятно на своемъ домѣ, и не только ничего не прибавитъ, но утратить и то, что было приобретено. Шляхетство подобно возженному свѣточу, который освѣщаетъ и дѣлаетъ очевидными добрыя и злыя поступки людей, возбуждаетъ, воспаляетъ къ доблести, какъ боязнью хулы, такъ и надеждою на честь и славу ²⁾. Но этотъ свѣточъ не освѣщаетъ дѣлъ подлыхъ людей (низкаго происхожденія), а потому они не имѣютъ ни побужденія къ доблести, ни боязни хулы; напротивъ, имъ сдается, что они не обязаны стараться о томъ, чтобъ превзойти въ чемъ-нибудь своихъ предковъ; а шляхтичу кажется непристойнымъ не подойти хоть сколько-нибудь къ тому предѣлу, къ которому пришелъ его предокъ. А потому почти всегда бываетъ, что въ битвѣ или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди добываютъ почести, шляхтичъ лучше поступаетъ и болѣе отличается, чѣмъ нешляхтичъ; ибо природа повсюду посѣяла сокровенныя зерна, которыя способность и силу, полученныя отъ своего предка, перваго зерна, передаютъ тѣмъ зернамъ, которыя выпустили изъ себя, и уподобляютъ ихъ самимъ себѣ. Это мы видимъ не только на табунахъ лошадей и у иныхъ животныхъ, но также на растеніяхъ, отрасли которыхъ всегда подобны стволу:

стою Васильковскимъ и Тыкотинскимъ. Умеръ послѣ 1602 года. Знаменитѣйшее его произведеніе—«Dworzanin Polski» (1-е изд. Краковъ, 1566). Образцомъ для него послужило «Il libro del Cortegiano» графа Вальтасара Кастильони (Венеція, 1528 г.); но содержаніе взято изъ высшаго Польскаго общества, половины XVI вѣка. Оно написано въ формѣ пріятельскихъ бесѣдъ при дворѣ Самуила Мацѣевского о томъ, каковымъ долженъ быть придворный; раздѣлено на 4 книги; отличается образцовымъ языкомъ.—Гурницкій писалъ также политическія брошюры и записки о своемъ времени («Dzieje w koronie Polskiej», 1538 — 1572). См. о немъ монографію Владислава Трембицкаго («Zbiór wiadomości o życiu i pismach L. Górnickiego», въ «Bibl. Warsz.», 1843, III, 77 sqq.).

¹⁾ «Rozmowy o dworzaninie», изд. Варш., 1761, кн. I, стр. 17 (по изд. Туровскаго, стр. 24—25).

²⁾ «Szlachectwo jest jako rozpalona pochodnia, która objaśnia i kładzie przed oczy dobre i złe człowiecze sprawy, i pobudza, zapala ku cnocie, tam bojaznią niesławny, jako też nadzieją czci a chwaly».

если-же случится выродежь, то вина въ томъ не природы, а небрежнаго садовника. Тоже бываетъ и съ людьми: при хорошемъ воспитаніи они почти всегда подобны своимъ родителямъ, а часто и лучше ихъ. Если не будетъ хорошаго садовника или воспитателя, то, какъ садовое дерево обращается въ дѣсное, а домашнее животное въ дикое, такъ и человекъ скоро одичаетъ и никогда не подымется изъ таковаго состоянія, развѣ если *naturae benignitas* рассыплетъ на него свои дары....»

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Гурницкій отдавалъ предпочтеніе старой, родовитой шляхтѣ передъ новою, подобно тому, какъ древніе Римляне считали патрицевъ выше, чѣмъ *homines novi*; отъ Римлянъ-же онъ заимствовалъ и свои доводы. Извѣстно, что, по ученію Горация,

*Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvenis, est in equis patrum
Virtus. Nec imbellem feroces
Progenerant aquilae columbam.*

Какъ увидимъ впоследствии, Гурницкій въ своемъ «Придворномъ» проповѣдывалъ не только приращенность шляхтѣ гражданскихъ доблестей, но даже обоготвореніе пановъ.

Еще яснѣе Гурницкій выразилъ свой взглядъ на отношенія шляхты къ панамъ въ двухъ политическихъ брошюрахъ, въ которыхъ совѣтовалъ учредить въ Польшѣ аристократическое правленіе, по Венеціанскому образцу. Въ одной изъ нихъ («*Rozmowa o elekcji, o wolności, o prawie u obywatelach Polskich, podczas elekcji króla jego mości Zygmunta III szyniona*») онъ говоритъ, что «трудно быть порядку тамъ, гдѣ всѣ управляютъ: демократія (*rospolstwo*)—звѣрь многоголовый, а не объ одной головѣ, а потому не легко ее укротить»—демократія (*populus*) ведетъ къ тираніи, единодержавію; единственное средство для ея обузданія—возвышеніе сенаторскаго сословія и образованіе изъ него постояннаго сейма (*sejm ustawiczny*), который бы находился при особѣ короля³⁾.

Въ другой брошюрѣ, изданной уже по смерти автора его сыномъ (въ Эльблонгѣ 1650 г.) подъ заглавіемъ «*Droga do zupełney wolności*», Гурницкій подробнѣе развиваетъ свой проэктъ преобразованія Польш-

³⁾ Мы пользовались 2-мъ изданіемъ 1616 года (Краковъ). Первое изданіе, неизвѣстно гдѣ и когда вышедшее, озаглавлено такъ: «*Rozmowa Polaka z Włochem o wolnościach i prawach Polskich*». Эта брошюра раздѣлена на три разговора: 1—объ избраніи короля, 2—о Польскихъ законахъ и 3—о необходимости реформъ въ Польскомъ государствѣ. Подъ выраженіями *rospolstwo*, *populus* Гурницкій понимаетъ шляхту.

скаго правительства: кромѣ постояннаго сейма, члены котораго выбираются ежегодно и который былъ-бы тѣмъ-же, чѣмъ былъ въ Венеціи Большой Совѣтъ (Consiglio Maggiore), онъ предлагаетъ учрежденіе еще двухъ новыхъ Управленій или Совѣтовъ: Верховнаго (Rada или Urząd Gogny), изъ 17-ти членовъ, выбираемыхъ на полгода, и Совѣта Двѣнадцати (Urząd dwunastu mężów), ежегодно избираемыхъ, по образцу и съ атрибутами Венеціанскихъ Consiglio Minore і Consiglio Dieci. По проэкту Гурницкаго, король былъ-бы только предсѣдателемъ этихъ двухъ совѣтовъ съ правомъ голоса, а Польшею управляли-бы 28 пановъ. «Самъ по себѣ онъ не имѣлъ-бы никакой власти, а правилъ-бы вмѣстѣ съ ними. Что-же касается его неволи, то это святая неволя — жить хорошо, имѣть большіе доходы, прекрасный дворъ, потѣшаться охотою, быть у всѣхъ въ почетѣ, быть избирателемъ на высшія государственныя должности и не тратиться по дорогамъ»¹⁾.

Совѣты Гурницкаго приписались какъ нельзя болѣе по сердцу Польскимъ панамъ, которымъ хотѣлось имѣть de jure ту власть, которою они пользовались de facto²⁾.

Иначе смотрѣлъ на отношенія пановъ къ шляхтѣ, иной взглядъ на шляхетство имѣлъ другой Польскій писатель XVI вѣка, Николай Рей изъ-Нагловицъ³⁾. Хотя онъ и воспитался при

¹⁾ «Sam (Król) nie będzie nic mógł, ale ze wszystkimi władać wszystkim będzie. A co się tej niewoli tycze, święta to niewola — mieć się dobrze, mieć wielkie dochody, dwór ozdobny, używać przejazdów w łowy, być we czci u wszystkich, elektorem być wszystkich dostojenstw a nie kołatać się po drogach» (по изд. 1650 г. G. II; эта брошюра перепечатана Туровскимъ: «Piśma prozaiczne Łukasza Górnickiego»).

²⁾ Впоследствии мы подробнѣе разсмотримъ проектъ государственныхъ реформъ Польши, представленный Гурницкимъ.

³⁾ Сохранилась любопытная его біографія, написанная другомъ его А. Ядремъ Тржецескимъ (она перепечатана Туровскимъ въ приложеніи къ сочиненію Рея «Żywot człowieka rozszejwego»). Новѣйшее изслѣдованіе о немъ Бронислава Завадскаго вышло въ Львовѣ въ 1875 году: «Mikolaj Rej z Nagłowic». Рецензія на это изслѣдованіе, написанная П. Хмѣлевскимъ, помѣщена въ выходящемъ въ Варшавѣ журналѣ «Niwa» (январь 1875). Характеристику Рея изъ-Нагловицъ представляетъ I. И. Брашевскій въ сочиненіи «Dziś i lat temu trzysta» (Вильна, 1863): авторъ сопоставляетъ современную ему шляхту съ шляхтою времени Рея. Для сравненія съ Ресмъ любопытно также извѣстное сочиненіе Игнатія Брашицкаго, «Rap podstoli», въ которомъ представленъ идеалъ шляхтича конца прошлаго вѣка. О жизни Рея (1505—1568) извѣстно очень мало. Онъ происходилъ изъ стараго Чешскаго рода Вершовцевъ, назвавшихся впоследствии Опшичами. Отецъ его былъ зажиточный шляхтичъ и жилъ въ своемъ мѣстечкѣ Журавнѣ на Двѣстрѣ. Заботясь о воспитаніи своего сына, онъ отдалъ его въ школу сначала въ Краковѣ, а потомъ въ Львовѣ; но Николай, ничему не научившись, вернулся домой, гдѣ, по словамъ его біографа, до 18 лѣтъ билъ баклуши (baki strzelał). Отданный на 20-мъ году ко двору Тенчинскаго, онъ мало-по-малу привыкалъ къ чтенію Латинскихъ классич-

дворѣ пана Андрея Тенчинскаго, воеводы Судомірскаго, но, какъ человекъ самостоятельный, обязанный образованіемъ самому себѣ, онъ не таскался по панскимъ дворамъ, не искалъ милостей знатныхъ и богатыхъ пановъ, а жилъ независимо въ своихъ имѣніяхъ, изрѣдка появляясь при королевскомъ дворѣ и на сеймахъ. Въ знаменитѣйшемъ своемъ произведеніи «Żywot człowieka poczciwego» онъ представляетъ идеаль шляхтича по своему образцу. «Не тотъ, говорить онъ ⁴⁾, правый шляхтичъ, кто не украсенъ доблестями, а такъ только титулуется или печать съ гербомъ носить на пальцѣ, или повѣсивъ ее на шнурѣ на шеѣ, или кто печатаетъ краснымъ или зеленымъ воскомъ, или кто на красивыхъ воротахъ навѣшалъ или прибилъ таблицы съ гербами, или кто хвалится дѣдами, прадѣдами и иными своими предками. Это еще мало. Напротивъ, если ты выродился изъ нихъ, отличаясь только распутными нравами, то лучше бы и не вспоминалъ ихъ, потому что ты ихъ унижилъ, и если бы они были живы, то очень бы гнѣвались, что ты называешься ихъ потомкомъ. Если ты и подобенъ имъ лицомъ или ростомъ, то обычаями далеко отъ нихъ различенъ. И не знаю, не отказались-ли бы они отъ отъ тебя. Правое шляхетство есть нѣкая чудная сила и настоящее гнѣздо доблести, славы, достоинства и чести ⁵⁾. Кто столь почтенное гнѣздо добровольно самъ оскверняетъ, тотъ уподобляется смердящему удоу, который и самъ смердитъ, и гнѣздо свое пакоститъ, чего ни одна птица не дѣлаетъ, напротивъ—каждая чиститъ его. Ибо это благороднѣйшее сокровище основывается на трехъ

ковъ, на которыхъ и образовалъ себя. Женившись, поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ и чтеніемъ. Николай государственной должности не хотѣлъ принять, но на сеймахъ изрѣдка бывалъ и даже говорилъ рѣчи, (на Петровскомъ сеймѣ 1558—9 г. о правахъ шляхты, о неповиновеніи Прусскихъ городовъ и о папскихъ аннатахъ, которыя совѣтовалъ употребить на оборону государства). Выдвинутый на литературное поприще своими единовѣрцами—Кальвинистами, онъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ нападалъ на католицизмъ, но потомъ сталъ вѣротерпимѣе. Писалъ много въ стихахъ и прозѣ. Для насъ особенно важны: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» (1560), «Zwierzytniec» (1562) и «Zwierciadło» (1567), главную часть котораго составляетъ «Żywot człowieka poczciwego».

⁴⁾ «Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam jako we zwierciadle przypatrzeć (Краковъ, 1568). Księgi wtore Żywota poczciwego człowieka, list 52 (въ изд. Туровекаго, стр. 108—109). — Въ составъ второй книги вошли: «Żywot człowieka poczciwego», «Aporhtegmata», «Narzekańia wazey Korony» и «Zbroia rycerza». — «Ż y o t», по тремъ возрастамъ человѣческимъ, раздѣленъ на 3 книги: въ 1-й говорится о воспитаніи ювоншества, во 2-й—о жизни домашней и общественной шляхты, въ 3-й—о томъ, какъ слѣдуетъ проводить старость.

⁵⁾ «Albowiem szlachectwo prawie iest iakaś moc dziwna a prawie gniazdo cnoty, slawy, kaźdej powagi y poczciwości».

вещахъ: на благородномъ происхожденіи благородныхъ предковъ, на благоразумномъ воспитаніи и, болѣе всего, на приличномъ и пристойномъ поведеніи». Примѣрами изъ Греческой и Римской исторіи авторъ старается доказать, что челоѵка возвышаютъ личныя его доблести, а не вѣншній блескъ или знатное происхожденіе, и заключаетъ словами: «Шляхетство заключается не въ благородствѣ происхожденія, не въ красотѣ лица, не въ гордой осанкѣ, не въ выставленныхъ на показъ гербахъ: все это какъ-бы ягоды на шиповникѣ—съ-виду красны, но вкусу никакого, а шипы колятъ-себѣ! Но кто украсится доблестью, воздержаніемъ, благородными поступками, прекрасными дѣлами,—тотъ подобенъ хорошо привитому деревцу, которое приноситъ красивые и вкусные плоды ¹⁾».

Рей представляетъ намъ идеаль челоѵка-шляхтича: въ его головѣ, непривыкшей къ строгому мышленію, понятія о шляхетствѣ и доблести смѣшались, и его розсѣіу *szłowiek* есть идеаль шляхтича. Подсмѣиваясь надъ панами, хвалящимися славою своихъ предковъ, гордящимися гербами, онъ, по воззрѣніямъ своимъ на другія, низшія сословія остался шляхтичемъ: онъ признавалъ челоѵческія достоинства только въ шляхтѣ, а потому признавалъ важность шляхетскаго происхожденія, но не въ такой степени, какъ Гурницкій. Много въ его глазахъ значило шляхетское происхожденіе, но далеко не все: чтобъ быть шляхтичемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ, необходимо было еще получить хорошее воспитаніе и отличаться безуворизненною жизнью. Личныя качества, личныя заслуги возвышаютъ одного шляхтича надъ другимъ, а не древность рода, не слава предковъ, не богатство.

Шляхетское происхожденіе и недостатокъ образованія не позволили Рею выше подняться надъ сословными предрасудками своего вѣка: это удалось жившему нѣсколько позже его, замѣчательному эпическому и сатирическому поэту, Себастьяну Фабіану Клѣновичу ²⁾, и это удалось ему, благодаря преимущественно

¹⁾ «A tak nie toć iest szlachectwo zasność narodu, piękna uroda, wspaniała postawa, wywieszzone herby, wszystko to są iako jagody na głogu, chociaź się pięknie czyrweneią, ale smaku w nich żadnego nie masz, a głog przedsię drapie. Ale ktho się nie ozdobi cnotą, pięknym na wszem umiarkowaniem, poćciwemi postępki, nadobnemi a ozdobnemi sprawami, ten iest iako szczer pięknie uszczepiony, któryś siebie nadobne jagodki a wdzięczne owoce zawsze podawać może» (по изд. 1568 г. л. 52 об., по изд. Туровскаго стр. 110).

²⁾ Клѣновичъ (по Латини *Acerpius*) родился въ 1551 году въ Сульмержичахъ (въ нынѣшнемъ великомъ княжествѣ Познанскомъ), гдѣ отецъ

тому, что онъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія и получилъ основательное образованіе въ Краковской академіи. «Мудрецы, говоритъ онъ въ поэмѣ «Victoria deorum»³⁾, поставили шляхетство съ его титулами на высокой скалѣ доблести, подобно тому, какъ искусный архитекторъ построилъ среди мраморныхъ утесовъ замокъ, высѣченный изъ твердаго алмаза. Если мать природа возжеть счастливую звѣзду, то шляхетство будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ снисходительнѣе посмотритъ на тебя царственное свѣтило, и если небо броситъ на тебя дружественный лучъ и при твоёмъ рожденіи не зажжется злая звѣзда. Но природу и звѣзды побѣждаетъ трудъ и постоянство: ими достигаются божественные чертоги Пифагора, его положили боги на границѣ доблести». Далѣе поэтъ описываетъ гордый замокъ добродѣтели на неприступной скалѣ. Путь къ нему затрудняетъ судьба, несправедливая къ доблестнымъ; но трудомъ, постоянствомъ и терпѣніемъ побѣдишь и Юнону, и мачиху-природу. «Богъ-же могущественнѣе всѣхъ геніевъ: онъ управляетъ звѣздами; его святая воля движетъ невидимыми силами и людьми. Онъ обуздываетъ страсти людей, онъ побуждаетъ ихъ къ доблести—матери шляхетства. Отожествляя шляхетство (nobilitas) съ доблестью (virtus), Клёновичъ вѣритъ въ прирожденныя человѣку качества и во влияніе на него звѣзды, появляющейся на небѣ при его рожденіи; но природа

его былъ войтомъ; изучалъ въ Краковской академіи право, филологію и философію и, по окончаніи курса, получилъ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ; съ 1576 по 1580 годъ служилъ при магистратѣ во Львовѣ, откуда переселился въ Люблинъ, гдѣ съ 1583 г. былъ писаремъ и лавникомъ, а потомъ райцею—до своей смерти (1608 г.). Писалъ по-Польски и по-Латыни. Въ поэмѣ «Flis» (1595 г.) онъ описалъ берега Вислы отъ Варшавы до Гданска и нравы и обычаи прибрежныхъ жителей. Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ—«Worek Iudazow» (1600)—онъ изобразилъ пороки современной ему Польши. Изъ двухъ его поэмъ на Латинскомъ языкѣ—«Roxolania» описываетъ Червонную Русь и ея жителей, а «Victoria deorum» (1595—1605) представляетъ этнику въ стихахъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Польскаго общества и государства: за эту ѣдкую сатиру на шляхту и духовенство поэтъ подвергся пресѣдованію преимущественно со стороны иезуитовъ. О немъ А. Міегзуйскіи написалъ монографію: «De vita, moribus scriptis que latinis S. Z. Acerni» (Берлинъ, 1857). При ней приложенъ текстъ «Роксоланія».

³⁾ Sebastiani Sulmircensis Acerni, «Victoria deorum, ubi continetur veri herois educatio» (безъ обозначенія мѣста и года изданія), сар. II, pp. 12—12. Это обширная дидактико-сатирическая поэма въ 44 главахъ (683 страницы), основанная на изреченіи: bene nasci, bene vivere et bene mori,—переполненная заимствованіями изъ Латинскихъ классиковъ, особенно Ювенала и Виргилія. Въ посвященіи Адаму Горайскому поэтъ такъ опредѣляетъ свою цѣль: «Movit nos igitur et incitavit ad hoc opus aggreddendum morum nostri saeculi superba, invidiosa et insignis depravatio, qua propter haec scripta nostra multis in locis accedunt ad satyricam petulantiam».

«Славянскій Сборникъ», томъ III, отд. I.

и звѣзды побѣждаются упорнымъ трудомъ надъ самимъ собою. Онѣ вѣрять также въ судьбу и въ предопредѣленіе Божіе.

Эта смѣсь языческихъ съ христіанскими вѣрованіями была свойственна его вѣку. Эти вѣрованія раздѣлялъ и Рей. Онѣ говоритъ: «одинъ родится злымъ, другой—добрымъ, одинъ—гордымъ, другой—покорнымъ, одинъ—щедрымъ, другой—скупымъ, одинъ—пьяницею, другой—трезвымъ, одинъ—мудрымъ и разсудительнымъ, другой—глупымъ, тупымъ и прирожденно-беззаботливымъ.... Это называется по-Латыни *fatum*....» ¹⁾ И онѣ также вѣрилъ во вліяніе на человѣка звѣздъ и въ предопредѣленіе (*praedestinatio* ²⁾). Для борьбы съ прирожденными склонностями, по его словамъ, Богъ далъ человѣку разумъ, указывающій ему путь къ добру и правдѣ ³⁾.

Шляхетство, продолжаетъ Клёновичъ ⁴⁾, столь-же древне какъ родъ человѣческій: оно столь-же естественное вознагражденіе за доблести, какъ за пороки—наказаніе. Какъ въ древности награждали доблестныхъ людей конями, щитами и золотыми цѣпями, такъ въ Польшѣ въ награду жаловали ихъ шляхетствомъ (*rasowanie* на *guscerstwo*). Высшею наградою за доблести были царскіе корона и скипетръ. Шляхта отъ хлопства отличается между людьми такъ-же, какъ между богами *Dii majores et minores*, какъ солнце отличается отъ звѣздъ, левъ отъ прочихъ животныхъ, орелъ отъ остальныхъ птицъ. Даже въ республикѣ пчелъ есть свой царь.

Война была первымъ случаемъ къ проявленію доблести и къ награждѣ шляхетствомъ. Но одной храбрости на войнѣ еще недостаточно, чтобъ заслужить званіе шляхтича. Тотъ только настоящій шляхтичъ, достойно носящій свой гербъ, кто угоденъ богамъ, кто защищаетъ и украшаетъ отечество, кто съ доблестью соединяетъ умъ, кто счастливо выполняетъ замыслы ума, кто своими талантами побѣждаетъ природу и звѣзды.... Тотъ шляхтичъ, кого вѣнчаютъ его благодѣянія, кого милуютъ небесные боги.... Тотъ только достоинъ званія шляхтича, кто возвышается надъ чернью славою своихъ подвиговъ.... Все равно изъ древняго или новаго рода происходитъ тотъ мужъ, что сіяетъ собственною славою, прибрѣтенною блистательными дѣлами. Если онѣ желаетъ хвалы отъ отдаленныхъ потомковъ, пусть достойно служить современникамъ. Если кто такъ поступаетъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать объ его предкахъ? Доблесть есть един-

¹⁾ «*Żyw. słow. polszew.*», кн. I, сар. I, f. 2 (1568,—по изд. Туровскаго, стр. 6). ²⁾ *Ibid.* f. 2 (у Туровскаго, стр. 7). ³⁾ *Ibid.*, сар. II, f. 4 (у Туровскаго, стр. 9). ⁴⁾ «*Victoria deorum*», сар. III, pp. 12—16.

ственное украшение шляхтича ⁵⁾). Примѣрами изъ исторіи поэтъ доказываетъ, что многіе знаменитые люди были низкаго происхожденія; а слѣдовательно, основаніе шляхты—не происхожденіе, а доблесть ⁶⁾).

Но зачѣмъ обращаться къ исторіи другихъ народовъ, продолжаетъ поэтъ ⁷⁾, если собственная наша исторія свидѣтельствуетъ:

*Nobilitatis opes modicis exurgere rivis
Virtutemque sacram nil stemmata prisca morari.*

И въ примѣръ приводитъ Пяста и Лешка II. Даже не отъ законнаго брака, говоритъ онъ далѣе ⁸⁾, происходили знаменитые люди (Ахиллъ, Александръ Македонскій, Ромуль и Ремъ), но славою подвиговъ они стерли съ себя пятно своего происхожденія. Потомъ Клѣновичъ приводитъ *argumenta e contrario* ⁹⁾, у знаменитыхъ людей бываютъ негодныя дѣти. Наконецъ, переходитъ къ *argumentum ad minus*: подобно царствамъ, погибаютъ и вымираютъ знатные роды, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть вѣчнымъ; а слѣдовательно, самый принципъ родовой шляхты непочтенъ; старые шляхетскіе роды раньше или позже должны уступить мѣсто новымъ ¹⁰⁾. Возраженіе защитниковъ старой шляхты, опирающееся на вышеприведенномъ изреченіи Горація, поэтъ находитъ тупымъ, потому что отъ животныхъ нельзя заключать о людяхъ: качества животныхъ—матеріальныя, качества людей—духовныя ¹¹⁾.

Съ такою силою и послѣдовательностью Клѣновичъ опровергалъ теорію общественныхъ преимуществъ, даруемыхъ рожденіемъ. Теорія личныхъ заслугъ нашла въ немъ ревностнаго поборника, незараженнаго, подобно Рею, шляхетскими предрасудками: онъ не только не отрицалъ человѣческихъ достоинствъ въ среднемъ и низшемъ сословіи, но, напротивъ, старался доказать, что пятно самаго низкаго происхожденія смывается личными заслугами, а знатность происхожденія унижается и оскверняется личными недостатками и пороками. Онъ проповѣдуетъ равенство не одной шляхты, а всѣхъ сословій: по его теоріи, законъ долженъ одинаково карать и награждать всѣхъ гражданъ, не взирая на ихъ происхожденіе. И эту теорію онъ проводитъ во всей своей обширной поэмѣ, какъ будемъ имѣть случай убѣдиться впослѣдствіи. Клѣновичъ выше Рея, не только по своей теоріи, но и по впечатлѣнію, которое онъ производитъ на читателя; самоучка Рей, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ опыта

⁵⁾ Ibid. cap. IV, pp. 16—18. ⁶⁾ Ibid. cap. V—XI. ⁷⁾ Ibid. cap. XII, pp. 64 sqq. ⁸⁾ Ibid. cap. XIII, pp. 69 sqq. ⁹⁾ Ibid. cap. XIV—XVII. ¹⁰⁾ Ibid. cap. XVII, p. 82. ¹¹⁾ Ibid. cap. XVIII—XIX.

жизни, дѣйствуетъ на сердце; Клѣновичъ силою науки дѣйствуетъ на умъ. Отъ того современники смотрѣли на Рея, какъ на забавнаго шутника и остряка, а на Клѣновича, какъ на опаснаго новатора; надъ однимъ трунили, другого преслѣдовали.

Тѣже доводы противъ общественныхъ преимуществъ родовитой шляхты представилъ почти за полвѣка до Клѣновича, знаменитый Польскій политикъ, Андрей Фричъ Модржевскій (Modrevius) ¹⁾. Въ сочиненіи «De republica emendanda» ²⁾ онъ говоритъ: «Вижу, что, по нашимъ обычаямъ и законамъ, высшія государственныя должности отдаются только шляхтѣ. И, по-видимому, такъ и слѣдуетъ: ибо одни почти шляхтичи имѣютъ у насъ постоянныя мѣста жительства и вѣрные доходы: они не занимаются грязными ремеслами или прибыльными операціями, поселяющими въ людяхъ отвращеніе, а обрабатываютъ землю, плоды которой составляютъ ихъ доходъ. Для государства-же важно, чтобы начальники (praefecti) были людьми зажиточными; ибо люди черезъ-чуръ бѣдные или слишкомъ богатые, занимая высшія государственныя должности, обыкновенно эксплуатируютъ государство, по бѣдности или другой причинѣ. Слѣдуетъ въ пользу шляхты припомнить еще то важное обстоятельство, что она происходитъ отъ тѣхъ, которые храбро защищали государство и часто жертвовали за него своею жизнію; а почти всегда случается, что сыновья всегда стараются походить на своихъ отцевъ и предковъ, а потому государство ожидаетъ отъ потомковъ тѣхъ-же результатовъ доблести, какіе оно получило отъ предковъ. Но слѣдуетъ, чтобы всѣ шляхтичи были того мнѣнія, что государство удостоиваетъ ихъ почестей не столько за ихъ происхожденіе, сколько за доблесть ихъ предковъ: кто изъ нихъ выродился, тотъ ихъ недостойнъ. Должно-бы войти въ обычай, что-

¹⁾ Отвѣчая на пасквиль Станислава Оржеховскаго («Tricius sive de majestate sedis Apostolicae»), Модржевскій сообщаетъ краткія свѣдѣнія о своей государственной службѣ: «разъ я былъ посломъ къ Альберту, князю Прусскому, два раза секретаремъ посольства къ императору Карлу V и къ брату его Римскому королю Фердинанду и разъ къ Генриху Младшему, князю Брауншвейгскому; при жевѣ его королевнѣ исправлялъ должность канцлера». Онъ происходилъ изъ небогатыхъ шляхтичей; родился около 1500, умеръ около 1590 года.

²⁾ A. Fr. Modrevii, «Commentariorum de republica emendanda» libri V, Basileae 1554, lib. I, cap. XVIII, pp. 60—63.—Первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1551 году. Это сочиненіе раздѣлено на 5 книгъ: I—de moribus, II—de legibus, III—de bello, IV—de Ecclesia, V—de schola.—4 книги (за исключениемъ 4-й о церкви) были изданы въ Польскомъ переводѣ Кипр. Наринша въ Лейпцигѣ въ 1577 г. (есть и новыя изданія: Виленское 1770, Перемышльское 1857). Изображая современную ему Польшу, авторъ предлагаетъ разныя реформы. Мы неоднократно будемъ обращаться къ этому замѣчательному произведенію Польскаго ума XVI вѣка.

бы, при отличеніи почестями, болѣе всего обращалось вниманіе на доблесть. Да не попустить король или тотъ, кому подобаеъ, чтобы хвалились передъ нимъ законѣлыми изображеніями предковъ; но пусть узнаеъ умъ и характеръ того, кого намѣренъ удостоить почестей, — пусть услышитъ его голосъ въ сенатѣ или въ судѣ, пусть истребуеъ его совѣта, пусть узнаеъ его дѣятельность на войнѣ и въ мирное время. Ибо кто не привыкъ къ подобнымъ дѣламъ ума и науки, кто не знаетъ и не терпитъ честнаго труда, кто обыкновенно проводитъ большую часть времени въ игрѣ и на пирахъ, едва-ли будетъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Тому, кто соединяеъ съ лѣнностью порочность, развѣ государственная служба не даеъ случая произвольно нарушать законъ и несправедливо оскорблять? Такой человѣкъ будетъ пристрастенъ какъ въ выборѣ, такъ и въ обхожденіи съ подчиненными. Такие люди ненавидятъ честныхъ, храбрыхъ и умныхъ, усматривая въ ихъ молчаніи дурное о себѣ мнѣніе, зная, что ихъ болѣе уважаютъ и считаютъ болѣе достойными, чѣмъ ихъ самихъ. Итакъ, слѣдуетъ знать познанія и поведеніе того, кого назначаютъ на государственную службу. Пусть предстанутъ его заслуги для государства или церкви, пусть будутъ на лицѣ доказательства его доблести и способности. А такимъ образомъ почестями будутъ вонаграждаемы не праѣдовскіе гербы, а доблести, съ ними соединенныя. Но такъ какъ многіе полагаютъ, что при назначеніи на почетныя должности слѣдуетъ болѣе обращать вниманіе на шляхетское происхожденіе чѣмъ на доблесть, то слѣдуетъ изобличить это заблужденіе и постановить, что истинное шляхетство состоитъ не столько въ знаменитости предковъ или въ древности гербовъ, сколько въ доблести (*veram nobilitatem non tam in majorum claritate, aut stemmatum vetus tatepositam esse, quam in virtute*). Ибо кто не знаетъ, что никто не таковъ, какъ его предки, и что какъ имѣнія, такъ и родители не въ насъ, а въ насъ. Если у меня больше средствъ, чѣмъ у тебя, то я богаче тебя, если мои предки оказали государству больше услугъ, чѣмъ твои, то они выше твоихъ; но какъ богатства не дѣлаютъ меня доблестнымъ, такъ и шляхетство предковъ не дѣлаеъ меня шляхетнымъ... На столько-же кровь твоихъ шляхетныхъ предковъ дѣлаеъ тебя шляхетнымъ, на сколько кровь отцевъ-ремесленниковъ дѣлаеъ сыновей ремесленниками, кровь атлетовъ атлетами, кровь медиковъ медиками. Если отъ медиковъ не родятся медики, отъ ремесленниковъ ремесленники, отъ атлетовъ

атлеты, то по сходству слѣдуетъ заключить, что отъ шляхтичей также не родятся шляхтичи; ибо часто сыновья не походятъ на родителей, иногда отъ хорошихъ рождаются дурные, какъ отъ дурныхъ хорошіе».

Подтвердивъ это положеніе примѣрами изъ Римской и Польской исторіи, авторъ продолжаетъ: «Кто-же думаетъ, что шляхетство предковъ можетъ чрезъ посредство крови (*sanguinis communiōe*) перейти къ потомкамъ? Гербы свидѣтельствуютъ только о доблести и подвигахъ нашихъ предковъ. Ихъ побѣды и триумфы должны насъ побуждать къ подражанію ихъ дѣяніямъ; но они не могутъ возвысить насъ надъ другими, пользующимися равными съ нами правами, точно также какъ надпись или изображеніе не придаетъ вѣсу сосуду. Дуракъ, пожалуй, этому и повѣритъ, но не человекъ знающій и разсудительный. Гербы не могутъ имѣть инаго вліянія, какъ только возбуждать насъ къ подражанію доблестямъ предковъ, которыми они приобрѣли важные титулы и славное имя. Если-же мы не стремимся походить на нашихъ родителей, то, по справедливости, считаютъ насъ вырожденками, стоящими ниже тѣхъ, у кого нѣтъ такихъ славныхъ семейныхъ преданій. Доблесть не можетъ передаваться по наслѣдству отъ предковъ потомкамъ, какъ имущество по завѣщанію: она приобретается собственными дѣлами и трудомъ. Кому болѣе нравится бездѣйствіе и нѣга, кто поступаетъ неблагородно, кто безчеститъ своими пороками себя, родителей и друзей, да знаетъ тотъ, что онъ выродился изъ шляхетности предковъ и ни къ чему не послужитъ ему древнія изображенія и славныя дѣянія дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ слѣпому самый яркій свѣтъ, какъ глухому самыя пріятныя звуки. Но большая часть нашей шляхты заражена превратными мнѣніями; ибо они придаютъ происхожденію большее значеніе въ государствѣ, чѣмъ чему-нибудь иному, а потому весьма многіе не заботятся о томъ, чтобъ блистать нравами, ученостью, славными дѣяніями: неприличные къ труду, они проводятъ долгія ночи въ игрѣ въ кости и въ возліяніяхъ Бахху; ни о чемъ они столько не заботятся, какъ о томъ, чтобъ блистать драгоценными камнями, серебромъ и золотомъ, дорогими одеждами и многочисленною дворнею».

Сравнивая Модржевскаго съ Клѣновичемъ, находимъ большое между ними сходство: и тотъ, и другой представляютъ тѣже самыя доводы противъ ненормальнаго положенія въ Польскомъ государствѣ знатныхъ пановъ, захватившихъ въ свои руки всю власть. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Клѣновичъ копиро-

валъ Модржевскаго; скорѣе, оба они были отголоскомъ мнѣнія передовыхъ людей Польши XVI вѣка, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ, а потому неимѣвшихъ рѣшительнаго вліянія на общественное мнѣніе, которое отдавало предпочтеніе знатности происхожденія передъ личными заслугами. Такіе единичные представители правды и разума, какъ Модржевскій, Клѣновичъ и Рей, не могли повліять на массу шляхты, жившей на панскомъ хлѣбѣ и видѣвшей въ своихъ панахъ земныхъ боговъ; а исторически развивавшаяся впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ власть пановъ не могла быть такъ легко и такъ скоро поколеблена усиліями нѣсколькихъ людей, хотя бы они были одушевлены самыми благородными стремленіями.

2. Воспитаніе и общественныя школы.

Даже такіе писатели, какъ Рей, Гурницкій и Клѣновичъ, которые вѣрили во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и во врожденные ему пороки и доблести, не отрицаютъ важности воспитанія; другіе-же писатели, стоявшіе выше ихъ по своему уму и образованію, считаютъ вопросъ о воспитаніи однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Многіе изъ Польскихъ писателей XVI вѣка оставили намъ свои воззрѣнія на этотъ вопросъ: признавая единогласно дурное состояніе школъ и дурную систему воспитанія въ современной имъ Польшѣ, они предлагаютъ, каждый по своему разумѣнію, необходимыя реформы.

На недостатокъ школъ нельзя было жаловаться: ихъ было довольно много, и число ихъ в теченіе XVI вѣка постоянно увеличивалось; но многочисленныя школы католическія и иновѣрческія болѣе вредили государству и отдѣльнымъ гражданамъ, чѣмъ приносили пользу: онѣ были въ рукахъ духовенства, которое преслѣдовало своекорыстныя цѣли, вовсе не заботясь о томъ, чтобы его воспитанники получили образованіе сколько-нибудь пригодное для ихъ самихъ и для государства.

Во главѣ общественныхъ школъ стояла Краковская академія, учрежденная Казиміромъ Великимъ (1364) и возобновленная Владиславомъ Ягайлой (1397 — 1400); но, находясь въ рукахъ духовенства, она стала исключительно католическою духовною семинаріею (по постановленію Пётрковскаго синода 1542 года, ея воспитанники должны были даже носить «habitum clericalem»), которая,

по словамъ Польскаго писателя ¹⁾, заботилась болѣе о царствѣ небесномъ, чѣмъ о пользѣ государства. «Богословіе и схоластическая философія Ѳомистовъ (послѣдователей и толкователей Ѳомы Аквинскаго) и Дунсъ-Скота (съ начала XVI вѣка), диспуты, астрологическія бредни занимали ее болѣе всего; необходимыя-же для края науки, каковы: право, даже каноническое, и медицина, были въ полнѣйшемъ пренебреженіи». Поэтому Польская молодежь искала образованія за границею — въ университетахъ Пражскомъ, Парижскомъ, Итальянскихъ (въ Падуѣ, Болонѣ и Римѣ) и Нѣмецкихъ (католики ѣздили въ Вѣну, Ингольштадтъ и Стразбургъ, — протестанты въ Виттенбергъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ-надъ-Одрою, Крулевецъ и Лейденъ). Изъ нихъ выходили люди, дѣйствительно, замѣчательные по уму и образованію, а Краковская академія породила только золотую посредственность: изъ среды своихъ профессоровъ она поставляла епископовъ и архіепископовъ, а своими воспитанниками переполняла монастыри, отнимая у государства тысячи рукъ и головъ. Въмѣсто истиннаго просвѣщенія, она распространяла суевѣрія; не давая необходимыхъ въ жизни познаній, она посредствомъ пустыхъ богословско-схоластическихъ препираній причала своихъ учениковъ къ фразѣрству; возбуждая ихъ къ насилію надъ единовѣрцами и позже надъ іезуитами и защищая ихъ отъ заслуженной за это кары, она развивала въ нихъ своеволіе и пренебреженіе закона. Даже такіе защитники Краковской академіи, какъ ректоръ ея, Яковъ Гурскій ²⁾, сознавались, что ея профессеры думали только о личной корысти, а не о наукѣ, и что своимъ безнравственнымъ поведеніемъ привели ее въ упадокъ ³⁾.

Какъ было велико число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ XVI вѣкѣ, опредѣлить невозможно по недостатку источниковъ. Къ среднимъ принадлежали школы въ Пултускѣ, Познані (основана епископомъ Любранскимъ въ 1502 г.), Львовѣ, Эльблонгѣ, Торунѣ и Гданскѣ. Низшихъ (элементарныхъ) школъ было болѣе въ городахъ и мѣстечкахъ, чѣмъ въ деревняхъ, хотя со времени Сигизмунда Старшаго рѣдко при какомъ деревенскомъ костелѣ не было школы. Всѣ католическія школы находились подъ непосред-

¹⁾ J. Łukasiewicz, «Historja szkół w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794». Т. I. (Познань, 1849), стран. 49.

²⁾ «Apologetica D. Jacobi Gorscii pro academia Cracoviensi, publice in renunciandis novis magistris dicta A. D. 1581 die 11 mensis Martii». Cracoviae, 1581.

³⁾ J. Łukasiewicz, op. cit. I, 49—66.—Cnf. J. Sołtykowiec'a «O stanie akademii Krakowskiej od założenia jej w roku 1347 aż do teraźniejszego czasu». W Krakowie 1810 (панегирикъ академіи и ея профессорамъ).

ственнымъ надзоромъ духовенства. Въ низшихъ школахъ учили читать и писать, арифметикѣ, катихизису, церковному цѣнью и Латини по грамматикѣ Доната и по Катоновымъ «*Disticha moralia*»; въ среднихъ-же школахъ обучали также Греческому языку и риторикѣ. Школы протестантскія стояли выше католическихъ: въ нихъ обучали преимущественно классическимъ языкамъ по новой системѣ, заимствованной у иностранцевъ, и по лучшимъ Латинскимъ и Греческимъ писателямъ (читали и переводили на Польскій языкъ Теренція, Цицерона, Юстина, Виргилиа, Горація, — Ксенофонта, Лукіана и Демосѣена); учили также немного риторикѣ, арифметикѣ и музыкѣ, а позже и Нѣмецкому языку; но болѣе всего занимались Лютеранскимъ катихизисомъ и объясненіемъ обрядовъ Лютеранской церкви. Такимъ образомъ, хотя методъ преподаванія и учебныя пособія въ протестантскихъ школахъ были лучше, чѣмъ въ католическихъ, направленіе ихъ было одинаково: на первомъ планѣ были интересы вѣроисповѣданія, а не народа и государства ⁴⁾.

Со второй половины XVI вѣка появляются въ Польшѣ новыя школы—іезуитскія, съ новымъ направленіемъ, отъ котораго ожидали въ началѣ такъ много пользы для церкви и государства, но которое впоследствии погубило Польскій народъ. Кардиналь Станиславъ Гозій, епископъ Варминскій, находясь на Тридентскомъ соборѣ, познакомился съ нѣкоторыми членами только-что созданнаго ордена іезуитовъ, занимавшагося воспитаніемъ дѣтей, и вскорѣ убѣдился, что они могутъ оказать ему большую услугу въ противодѣйствіи быстро ширившейся по Польшѣ реформаціи. Съ этою цѣлью онъ успѣшилъ вызвать іезуитовъ изъ Рима и Германіи въ Брунсбергъ въ Варми, отдалъ имъ повинутый Францисканцами монастырь и доставилъ необходимыя средства для открытія школы: въ 1565 году была открыта первая въ Польшѣ іезуитская школа въ Брунсбергѣ. Ревнитель католицизма Гозій содержалъ въ этой школѣ на свой счетъ много дѣтей бѣдной шляхты съ разныхъ концовъ Польши. Въ то же время онъ письменно увѣщевалъ пановъ отдавать своихъ сыновей на воспитаніе ученымъ іезуитамъ, а епископовъ побуждалъ къ открытію іезуитскихъ коллегій, — и съ легкой руки Гозія іезуиты быстро распространились по всей Польшѣ: втеченіе 20 лѣтъ, благодаря ревности кардинала и покровительству Степана Баторія, іезуиты открыли свои школы въ Пултускѣ, Вильнѣ, Ярославлѣ (на Руси Червонной), Познани, Полоцкѣ, Ригѣ,

⁴⁾ J. Łukasiewicz, op. cit. I, 66—73.

Люблинѣ, Несвижѣ, Гданскѣ, Калинѣ и Львовѣ. По просьбѣ Виленскаго епископа Протасевича, Степанъ Баторій преобразовалъ іезуитскую коллегію въ Вильнѣ въ академію (1578 г.), сравнивъ ее въ правахъ съ Краковскою. Хотя для начала были открыты два факультета—богословскій и филологическій, но программа ея была обширнѣе программы Краковской академіи, и предметы преподаванія были разнообразнѣе: кромѣ богословскихъ и философскихъ наукъ, въ ней преподавались: шпѣтка, риторика, математика, физика, и языки: Еврейскій, Греческій, Латинскій, Французскій, Англійскій и Итальянскій ¹⁾. При Сигизмундѣ III, воспитанникъ іезуитовъ, число іезуитскихъ школъ сильно увеличилось, а орденъ чрезвычайно разбогатѣлъ и приобрѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла ²⁾. Единственными предметами обученія въ іезуитскихъ школахъ были Латинъ и богословіе; много времени тратилось на риторическія упражненія и театральныя представленія. Объ образованіи ума и сердца своихъ воспитанниковъ іезуиты не заботились: напротивъ того, они старались заглушить въ нихъ добрые зародыши, убить въ нихъ волю и сдѣлать ихъ автоматами, которыхъ они сами приводили въ движеніе, когда хотѣли. Если воспитанникъ былъ богатъ и знатенъ, то изъ него они дѣлали своего поклонника и благотворителя; если-же онъ былъ бѣденъ, но даровитъ, то они вербовали его на службу своему ордену ³⁾.

Для противодѣйствія развращающему вліянію іезуитовъ, гетманъ Янъ Замойскій основалъ въ 1595 году въ своемъ городѣ Замостьѣ академію по образцу Итальянскихъ университетовъ съ тремя факультетами юридическимъ, филологическимъ и медицинскимъ; но, не смотря на всѣ его пожертвованія и заботы, академія не могла процвѣтать и находила безпрерывно препятствія въ своей полезной дѣятельности, то со стороны Сигизмунда III, нелюбившаго Замойскаго, то со стороны іезуитовъ ⁴⁾.

Дѣвушки воспитывались въ монастыряхъ Францисканскихъ, Доминиканскихъ, Цистерскихъ и т. п.: ихъ учили грамотѣ и рукодѣлю. Съ 1550 года протестанты стали заводить женскія школы, въ которыхъ стали также обучать догматамъ своей церкви. Вообще на воспитаніе дѣвушекъ обращали мало вниманія, неохотно ихъ отдавали въ школы, и грамотная шляхтянка еще рѣдкость въ XVI вѣкѣ ⁵⁾.

¹⁾ Исторію Виленской академіи написалъ Михаилъ Балтинскій: «Dawna akademija Wileńska». Pб. 1862. ²⁾ J. Łukaszewicz, o. c. I, 116—126.

³⁾ Mogaćzewski, Dzieje Rzeczyposp. Polsk. V, 185. ⁴⁾ J. Łukaszewicz, I, 127 — 129. ⁵⁾ Mogaćzewski, ibid. VI, 211. Łukaszewicz, o. c. I, 80.

Удивительно, что вопросъ о воспитаніи такъ мало занималъ какъ Поляковъ, такъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу въ XVI вѣкѣ: какъ тѣ, такъ и другіе или совершенно о немъ умалчиваютъ, или же сообщаютъ самыя поверхностныя свѣдѣнія. Янъ Красинскій въ своемъ описаніи Польши (1574 г.) ⁶⁾ не говорить ни слова о школахъ и воспитаніи своихъ соотечественниковъ. Писавшій тремя годами позже его, Мартынъ Кромеръ ⁷⁾, свидѣтельствуетъ, что воспитаніе юношества было въ небреженіи, несмотря на то, что школы были посѣщаемы какъ богатыми, такъ и бѣдными, какъ шляхтою, такъ и мѣщанами и хлопами; въ нихъ съ малолѣтства обучали не только мальчиковъ, но и дѣвушекъ Латинскому языку, который поѣтому былъ въ большемъ употребленіи въ Польшѣ, чѣмъ въ самой Итали. Знаніе иностранныхъ языковъ и «*humanitatis studia*» были также въ ней распространены. Не пренебрегали и изученіемъ медицины. Что знаніе иностранныхъ языковъ было весьма распространено въ Польшѣ, свидѣтельствуеъ также Александръ Гваньини ⁸⁾: по его словамъ, Поляки

⁶⁾ «*Ioannis Crassinii Polonia. Ad sereniss. et potentiss. Henricum I Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem*». Bononiae 1574. — Польскій переводъ съ комментаріями Станислава Будзинскаго вышелъ въ Варшавѣ въ 1852 году: «*Jana Krasinskiego Polaka czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materyały do panowania Henryka Walezjusza*».

⁷⁾ «*Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae libri duo. Authore Martino Cromero*». Coloniae 1577, lib. I, pp. 67—72: «*Juventutis laxior est paulo et neglectior educatio... Ad scholas quidem et magistros mittere mares liberos et latinis litteris teneram aetulam imbuere omnibus, pauperibus juxta ac divitibus, nobilitati ac plebi, oppidanæ praesertim studium est. Multi paedagogos domi alunt. Itaque ne in medio quidem Latio quis reperiat tam multos vulgo, cum quibus latine tamen loqui possit. Puellae quoque nobiles et urbanae vel domi, vel in monasteriis vernacula imo et latina lingua legere et scribere discunt... Nunc certe, posteaquam animadvertum est in praecio esse linguarum, eloquentiae, humanitatisque studia, cupide ea quoque nostrates amplexi sunt, sed ad usum civilem et vulgarem magis, quam ad gloriam... Nec medicinam posthabent, postea quam ea vulgatis delicatior et laxiore victus ratione morbis, in praecio esse coepit. In aliis minus elaborant, propterea quod minus ea conducere videntur ad commoda et ornamenta vitae comparanda*».

⁸⁾ «*Sarmatiae Europae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moscoviae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Guagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligentia conscriptae. Typis Matthiae Wirzbięte*». (Cracoviae 1578). «*Poloniae descriptio*» f. 77: «*Viri sunt excellentissima industria praediti, variarumque gentium idiomata callent, imprimis vero linguae Latinae peritissimi, qua ut vulgari majori ex parte in civitatibus et pagis passim utuntur, idque omnibus divitibus ac pauperibus peculiare est, quod imprimis pueros litteris imbuendos apprimeque ad consumptionem sedecim plusve annorum in pulveribus scholasticis committunt, sumptibus pro magistris indulgendo, unde linguam Latinam omnes fere congrue callent... Qua de re Polonia omnium fere gentium studia vicissae videtur, quod rarus esset, qui Latinas litteras non cal-*

не щадили средств (?) на содержаніе школъ, въ которыхъ дѣти до 16 лѣтъ и болѣе учились Латинскому языку, а потому почти всѣ говорили по-Латыни: занимались также изученіемъ Нѣмецкаго, Мадьярскаго, Итальянскаго, Французскаго и Испанскаго языковъ. Павелъ Муканте, секретарь кардинала Генриха Гаetano, отправленнаго папою Климентомъ VIII къ Сигизмунду III для заключенія союза противъ Турокъ въ 1596 году ¹⁾, говоритъ, что въ Польшѣ нѣтъ недостатка въ школахъ, въ которыхъ дѣти не только бѣдной шляхты, но также мѣщанъ и хлопковъ учатся Латинскому языку и музыкѣ; хотя для бѣдныхъ учениковъ существуетъ много бурсъ и приютовъ, однако какъ въ Краковѣ, такъ и въ другихъ городахъ можно встрѣтить учениковъ, собирающихся по улицамъ и живущихъ подачкою.

На разсматриваемый нами вопросъ гораздо болѣе обращали вниманіе Польскіе поэты и публицисты. Особнякомъ между ними стоитъ Рей изъ -Нагловиць: школы не только ничему его не научили, но даже поселили въ немъ и отвращеніе къ школьному ученію, и онъ не только порицаетъ господствовавшій въ нихъ методъ преподаванія, но и самыя науки, которыя въ нихъ преподавались. Въ своей передѣлкѣ поэмы Марка Полигенія Стеллата ²⁾, вышедшей въ Краковѣ въ 1558 году подъ заглавіемъ «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» ³⁾, онъ выражается съ пренебреженіемъ о наукахъ вообще ⁴⁾, жалуется, что малолѣтнимъ дѣ-

leret, deinde Germanicum, Hungaricum, ac passim Italicum et magna ex parte Gallicum, Hispanicumque extravulgare suum Sarmaticum idiomata nesciret.

¹⁾ Польскій переводъ его дневника въ изданіи Нѣмцевича: «Zbiór pamiętników historycznych o dawnéj Polsce», t. II, str. 141.

²⁾ Вышла въ свѣтъ въ 1531 году.

³⁾ Полное заглавіе этой длинной и скучной поэмы: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego, w ktorym jako we zwierciadle snadnie każdy swe sprawy oglądać może: zebrany y z filozofow y z rożnych obyczajow swiata tego». Раздѣлена на 12 пѣсень. Содержанія морально-сатирическаго: вѣрный ученикъ философа Гиппократа, послушавшись его ученія о правдѣ, отправляется отыскивать ее по свѣту; онъ путешествуетъ отъ одного философа къ другому (отъ Гиппократа къ Диогену, Эпикуру, Анаксагору, Сократу, Теофрасту, Сократу, Платону, Зороастру (!), Ксенократу, Солону и, наконецъ, къ Аристотелю) и каждый изъ нихъ излагаетъ ему свою систему этики (какъ почиіе іудѣ). Примѣры взяты изъ жизни Польскаго народа. Въ началѣ предисловія авторъ жалуется, что Поляки не любятъ своего языка и не читають Польскихъ книгъ.

⁴⁾ Rozdział szosty, list 80 (изд. Матвѣя Вирженты 1558 г.).

Baw' sie więcej mądrością niżli naukami,
Stłuczysz dyabła by szermierz prostemi sztukami.
Boć nauka iest by kwiat co na drzewie roście,
Ale mądrość za owoc stanie wszystkim proście.

тямъ вбиваютъ въ голову грамматику посредствомъ побоевъ и сѣченія розгами ⁵⁾, смѣется надъ Овидіемъ и Виргиліемъ ⁶⁾, и надъ Греческою и Римскою мѣологіею ⁷⁾, отъ которыхъ нѣтъ никакого проку, — считаетъ бесполезными логику, грамматику и риторику ⁸⁾, порицаетъ страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, которыя приучаютъ молодёжь къ иностраннымъ обычаямъ и къ порочной жизни: «одинъ стремится въ Римъ, другой во Францію; было бы, вѣдь, дурно миновать Падю и Венецію; Феррара, Неаполь, Миланъ и Парижъ, все это, можно сказать, по дорогѣ» ⁹⁾. Осмѣивая изнѣженное домашнее воспитаніе, Рей совѣтуетъ родителямъ держать дѣтей въ страхъ и съ малолѣтства приучать ихъ къ добродѣтельной жизни ¹⁰⁾; это, по его мнѣнію, конечная цѣль воспитанія ¹¹⁾. Разбросанныя въ этой поэмѣ отрывочныя замѣчанія о воспитаніи Рей собралъ, дополнилъ и привелъ въ систему въ позднѣйшемъ, уже извѣстномъ читателямъ, трудѣ «*Żywot człowieka rozsziwego*». По его мнѣнію, воспитаніе должно быть основано на началахъ религіи, которыя слѣдуетъ черпать изъ св. писанія, а не изъ общераспространенныхъ книгъ, переполненныхъ разными вымыслами и удивительными заблужденіями ¹²⁾. Когда дитя научится познавать Бога, къ злымъ строгаго, къ добрымъ милосерднаго, тогда легче будетъ приступить къ другимъ наукамъ; но пусть съ малолѣтства не учатъ его грамматикѣ, логикѣ, ариѳметикѣ, труднымъ и для болѣе взрослыхъ, ни запутаннымъ поэтическимъ

⁵⁾ Rozdz. VII, l. 88:

A nasz pan aż ledwo w rok, y tho aż z nauki,
A przy tey Grammatice częste będą puki.
Potrze sobie koliana a potłucze czoło,
Bo się musi satoczyć przytym nieraz w koło.
A gdy mało podroście, wnet woyt nad nim stoi
Z brzeziny, a pan młody barzo sie go boi.
Siecze ociec, siecze żak, więc też pani matka
Chce też uczyć swoich praw, dobije ostatka.

⁶⁾ Rozdz. I, l. 6:

Łasność z Owidyuszem kiedy o miłości
Przeczytasz jego błędne swieckie wszeteczności.
Albo y Wirgiliusz gdy wie dzie s przełaie
Ony dziwne fabuły czo ie baba baie.

Изъ Римскихъ поэтовъ Рей хвалитъ одного Горация (Rozdz. V, l. 55):

Nadobnie Horaciusz roskosz swiata thego
Wypisał, a napirwey zaczął ią od tego,
Gdy kto rownego dobra szczęściem przypadłego
Używa s poczciwością wedle stanu swego.

⁷⁾ Ibid. l. 5. ⁸⁾ Rozdz. VII, l. 86—87. ⁹⁾ Ibid. l. 89—90. ¹⁰⁾ Rozdz. V, l. 57; rozdz. VII, l. 88. ¹¹⁾ Rozdz. VII, l. 90.

¹²⁾ Кс. I, cap. IV, list 8 (ed. 1568, по изд. Туровск. стр. 17).

баснямъ; ибо какая ему польза отъ того, что онъ будетъ знать, какъ Цирцея переиѣняла людямъ головы, какъ странствовалъ Улисъ, какъ прогазничала Елена или что дѣлала Пенелопя: эти басни не мѣшаютъ ему прочесть для развлечения впоследствии, когда онъ научится чему иному. Но пусть читаетъ житія знаменитыхъ людей древности, прославившихся умомъ и доблестью ¹⁾.

Чему же слѣдуетъ учить? спрашиваетъ авторъ далѣе ²⁾. Конечно, не грамматикѣ, которая учить только щебетать и выкручивать обольстительныя слова, и то не съ малымъ затрудненіемъ молодыхъ головокъ: ей онъ охотно научится потомъ, когда привыкнетъ къ дивнымъ выраженіямъ и прекраснымъ словамъ Латинскимъ, которымъ и конца нѣтъ. И безъ грамматики Полякъ такъ легко научается Итальянскому, Нѣмецкому, Турецкому и Татарскому языкамъ, какъ будто это были его природныя языки. Не знаю также, какая бы была польза Поляку отъ логики, которая учить только хитросплетенными словами изъ правды дѣлать неправду, изъ неправды правду: кого Богъ не обидѣлъ умомъ, тому не зачѣмъ этому учиться. Найдется у насъ иной, съ виду простачекъ, который съумѣетъ такъ ловко вывернуться, какъ самый ученый магистръ въ коллегіи. Такъ называемыя свободныя науки — грамматика, логика, риторика, музыка, ариметика, геометрія и астрономія — суть науки важныя и трудныя. Есть еще другія яко-бы людьми вымышленныя: живопись, рѣзьба, фехтованіе и т. п. Кто къ чему готовится, кому что нравится, тотъ тому и учится. Но для добродѣтельной жизни нѣтъ наукъ важнѣе тѣхъ, которыя украшены разумомъ и добродѣтелью, какъ-то: справедливость, постоянство, разсудительность, воздержаніе, милосердіе, степенность и самосознаніе. Ибо къ чему послужать, продолжаетъ Рей ³⁾, пышныя и разукрашенныя слова, заимствованныя изъ грамматики, если онѣ далеко расходятся съ правдою и дѣйствительностью? Не все-ли это равно, что одѣть прекрасное платье и потомъ запачкать его грязью или засыпать пухомъ? Или что поможетъ геометрія, учащая измѣрять свѣты и чужія земли, тому, кто не умѣетъ размѣрить на самого себя того клочка земли, который Богъ ему даровалъ, такъ чтобы жить благочестиво воздержно и спокойно, какъ слѣдуетъ христіанину? Или какая польза отъ астрономіи, которая учить по движенію небесныхъ свѣтилъ узнавать будущее, если ты не умѣешь разузнать и того,

¹⁾ Ibid. f. 12. (Туровск. стр. 25). ²⁾ Ibid. cap. V, f. 13 r°. (Туровск. стр. 28).

³⁾ Ibid. ff. 13 r°—14 r°. (Туровск. стр. 29—30).

что совершается передъ твоими глазами?... Къ чему учиться пѣть по музыкѣ, когда другой передъ тобою сверно верещить? Къ чему учиться изъ арифметики считать чужія тысячи, когда ты не умѣешь справиться и съ тѣмъ немногимъ, что у тебя есть?» Выше всѣхъ наукъ и искусствъ Рей ставитъ науку жить, какъ слѣдуетъ (*zuc rozsciwe*).

Такое возрѣніе на науки, напоминающее извѣстныя слова Простаковой въ комедіи Фонвизина «Недоросль», могъ имѣть только человѣкъ, самъ ни чему неучившійся, а такимъ и былъ Рей, по свидѣтельству его біографа Тржецесваго. Имѣя весьма смутное понятіе о наукахъ, преподававшихся въ школахъ, образовавъ самъ себя чтеніемъ книгъ Латинскихъ и Польскихъ безъ системы, безъ надлежащаго выбора, метаясь отъ богослововъ къ классикамъ, прислушиваясь къ разговору людей образованныхъ,—самоучка Рей въ самоиѣнни считалъ себя идеаломъ того шляхтича, котораго онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ произведеніи, а потому свое самовоспитаніе ставилъ образцомъ для другихъ: отсюда отрицаніе пользы школьнаго ученія, отсюда своеобразная система практическаго воспитанія, основаннаго на хорошихъ примѣрахъ образованнаго и неиспорченнаго общества. Хорошее общество — вотъ та школа, въ которой долженъ учиться юноша. Бесѣда въ такомъ обществѣ, по его мнѣнію, полезнѣе чтенія книгъ, или, выражаясь его словами, живой голосъ лучше здохлой шкуры, изъ которой выдѣлываютъ пергамень ⁴⁾. О слышанномъ слѣдуетъ размышлять и хорошее удерживать въ памяти ⁵⁾.

Хотя самъ Рей никогда не выѣзжалъ за границу Польши ⁶⁾, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ заграничное путешествіе полезнымъ дополненіемъ домашняго воспитанія: онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ присмотрѣться къ образу жизни, нравамъ и обычаямъ другихъ народовъ и усвоить себѣ то, что есть у нихъ хорошаго ⁷⁾. Цѣль и результатъ заграничнаго путешествія онъ представляетъ такъ ⁸⁾: «Поѣзжай въ чужіе края не за тѣмъ, чтобы удивляться роскошнымъ палатцамъ или невиданнымъ видамъ, а за тѣмъ, чтобы присмотрѣться къ иностраннымъ обычаямъ и нравамъ, особенно къ

⁴⁾ Ibid. f. 15 r° (Тур. 32): «Lepszy iest zawsze żywy głos niż zdechła skóra sio ią na pergamin wyprawiają». ⁵⁾ Ibid. ff. 15 r°—16 (Тур. 33).

⁶⁾ Рей писалъ о себѣ:

Bom ja też prosty Polak, nigdzie nie jeżdżając,
Tum sie pasł na dziedzinie, iako lesie zaiąc.
Z granicy Polskiej millim nigdzie nie wyiechał,
Lecz co widzieć przystoi, przedsiem nie zaniechał.

⁷⁾ Ibid. cap. VI—VII. ⁸⁾ Ibid. cap. VIII, ff. 23 r°—24 (Туров. стр. 49).

такимъ, съ которыхъ ты могъ бы взять примѣръ для себя.... Не трать времени по-пустому, ибо его никогда не воротить, но будь постоянно занятъ: или читай, или учись чему-нибудь, или приглядывайся къ окружающему тебя и разсуждай, что хорошо и что дурно. Старайся своимъ поведеніемъ въ чужихъ краяхъ снискать себѣ общее расположеніе.... Старайся вернуться домой не только съ танцами, съ надушенными перчатками, съ разноцвѣтными жилетами, но съ умомъ, украшеннымъ добродѣтелью и наукою, дабы ты могъ служить примѣромъ для другихъ и утѣшеніемъ для твоихъ родственниковъ».

Когда молодой человѣкъ достигнетъ зрѣлаго возраста, женится и станетъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ имѣніи, пусть онъ свободные часы посвящаетъ чтенію ¹⁾. «Не нужно большихъ средствъ, чтобъ наговориться съ философами и рыцарями, объѣхать весь свѣтъ, сидя на мѣстѣ, не подвергаясь при томъ опасностямъ путешествія.... Хорошо знать природу каждаго звѣрька, каждой птички, каждаго деревца, каждой травки, что можетъ пригодиться тебѣ въ хозяйствѣ и сдѣлать тебя человѣкомъ пріятнымъ въ обществѣ. Но не читай все, что попало: какая тебѣ польза отъ Овидія и Горация, писателей для тебя трудныхъ и переполненныхъ баснями? Читай такія книги, изъ которыхъ ты могъ бы научиться добродѣтельной жизни, а не пустымъ сказкамъ».... Врагъ школьнаго воспитанія и классическаго образованія, Рей проповѣдуетъ житейскую мудрость, которой слѣдуетъ учиться не столько изъ книгъ, сколько изъ обращенія съ людьми въ его смыслѣ образованными и добродѣтельными, какъ у себя дома, такъ и за границую.

Замѣчательно, что поэтъ, стоявшій несравненно выше Рея по образованію и дарованіямъ, и при томъ самъ учившійся за границею, — Янъ Кохановскій ²⁾, возставалъ противъ заграничныхъ

¹⁾ Ibid. lib. II, cap. XVII f. 112 r°. (Туров. стр. 238—239).

²⁾ Янъ Кохановскій (1530 — 1584) учился въ Германіи и Италіи; въ Парижѣ познакомился съ поэтомъ Ронсаромъ; по возвращеніи на родину, былъ нѣкоторое время (1560—1566 гг.) королевскимъ секретаремъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ Чернолѣсье. О немъ Осипъ Пржиборовскій издалъ въ Познани въ 1857 г. хорошую монографію: «Wiadomość o życiu i rymach Jana Kochanowskiego». Это былъ замѣчательный лирическій поэтъ. Лучшія его произведенія: «Псалтырь Давыдовъ», «Тренны» на смерть малолѣтней его дочери Урсулы (въ подражаніе Овидію) и «Пѣсни». «Псалмами» Кохановскаго восхищался Мицкевичъ. По его словамъ, ни на одномъ изъ новыхъ языковъ нѣтъ такого вдохновеннаго, высокопоэтическаго перевода псалмовъ; но это не переводъ, а подражаніе. Иногда у Кохановскаго сквозь спокойный лиризмъ пробивается сатира на современные нравы и политическія ошибки Поляковъ (таковы: «Satyr», «Fraszki» и прозово «Wgóżki»).

путешествій: въ своемъ «Сатиры»³⁾ онъ говоритъ, что иностранное воспитаніе (*postronne ćwiczenie*) испортило Поляковъ. Въ уста Сатира онъ влагасть такую рѣчь: «Не понимаю, почему вы посылаете дѣтей въ Италію или Германію, когда у васъ есть свои школы, куда прежде пріѣзжали учиться иностранцы. Вамъ кажутся простаками ваши учителя; да, если вы у нихъ отнимете и то немногое, что они имѣютъ, они вскорѣ станутъ и грегорианцами. На десять гривенъ, однако, они довольно измышляютъ; но вознаграждайте по заслугамъ, и скажу вамъ, школы ваши сравняются съ Сорбонами. Не жалѣйте только издержекъ на воспитаніе дѣтей дома (на родинѣ), и увидите, что вся Падуа пріѣдетъ къ вамъ. Если же вы посылаете ихъ (заграницу) ради обычаевъ, то, повѣрьте мнѣ, найдете тамъ и добрые, и злые, и не знаю, которые болѣе по вкусу молодѣжи. Понимайте по себѣ: что вамъ, то и ей (врагится). Я, глупый, такъ разумѣю и при томъ останусь, что Польшу такъ измѣнило только иностранное воспитаніе⁴⁾. О чемъ бы я болѣе говорилъ, если бы не было мнѣ противно. Каждое государство стойтъ своими порядками, къ которымъ слѣдуетъ приучать дѣтей съ-малодѣтства; если имъ понравится новизна, то по ней со-временемъ они будутъ перестраивать міръ». А въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній⁵⁾ Кохановскій такъ изображаетъ изнѣженную и испорченную молодѣжь: «Не умѣетъ сынъ шляхетскій сѣсть на коня; не любо ему ѣхать на охоту на дикаго звѣря съ копьемъ въ рукахъ: лучше онъ умѣетъ пить и играть въ писанныя карты или запрещенныя кости».

Странно, что Кохановскій, самъ путешествовавшій нѣсколько лѣтъ за границую и получившій образованіе въ иностранныхъ университетахъ, не только отвергаетъ пользу заграничнаго воспитанія, но даже приписываетъ ему упадокъ Польши; онъ видитъ только дурную сторону, а хорошую какъ бы преднамѣренно скрываетъ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ знать, что лучшие представители современной ему Польши (а въ томъ числѣ и онъ самъ) обра-

³⁾ «Dzieła Jana Kochanowskiego» (Warszawa, 1864), str. 173—174.

⁴⁾ Ja głupi tak rozumiem i przy tem zostanę,
Ze Polskę nie inszego o taką odmianę
Nie przyprawiło, jedno postronne ćwiczenie.

⁵⁾ Ibid. p. 56 (Pieśni, ks. II, № 10).

Nie umie syn szlachecki na koń wsięć, i w łowy
Na dziki zwierz z oszczepem jechać nie gotowy:
Lepiej kufla świadomy, albo kart pisanych,
Każezli dać i kostek, prawem zakazanych.

«Славянскій Сборникъ», томъ III, отд. I.

зовались за границу; если-же большинство не выносило никакой пользы изъ заграничнаго путешествія, а заражалось только страстью подражать иностранцамъ въ одеждѣ, экипажахъ, пищѣ, напиткахъ и увеселеніяхъ, то виновато было въ томъ первоначальное воспитаніе молодыхъ шляхтичей, неприготовленныхъ къ тому, чтобы воспользоваться плодами Европейской образованности, нравственно испорченныхъ уже дома. Еще страннѣе слышать изъ устъ Кохановскаго, воспитанника Краковской академіи, жалобу на то, что школы въ Польшѣ не находили достаточной поддержки со стороны общества и государства и, вслѣдствіе того, пришли въ упадокъ Краковская академія (такъ какъ ее преимущественно имѣлъ въ виду поэтъ) была болѣе обезпечена, чѣмъ многіе иностранные университеты, въ которыхъ науки процвѣтали ¹⁾; но она далеко отстала отъ Сорбонны и Падуи по другимъ причинамъ, выше упомянутымъ; что же касается среднихъ и низшихъ школъ, то въ упадкѣ ихъ виновато духовенство, въ рукахъ котораго онѣ находились: обязанное содержать школы на свои обширныя средства, оно думало только о томъ, какъ-бы перещеголять шляхту въ роскоши и развратѣ. Въ изнѣженности-же и испорченности молодѣжи были виноваты не столько школы, сколько сами родители, какъ это прекрасно изобразилъ Петръ Збылитовскій ²⁾ въ «Разговорѣ Польскаго шляхтича съ иностранцемъ» ³⁾: «Имѣя сына, шляхтичъ сиѣшитъ отдать его въ школу, что конечно хорошо: пусть будетъ изъ него сначала бѣдный школьникъ; я этого не хую. Это — хорошее дѣло, здравый совѣтъ настоящаго мудреца: пусть каждый учится, пока есть время, ибо потомъ не получишь его и за дорогое золото. Отвезши его въ школу, часто навѣщаетъ, чтобы знать, учится ли сынъ, или праздно проводить время; и всякій разъ, что прійдетъ, дарить его щедро: справляетъ ему башмаки, бѣлья перья, дорогое платье. А школьникъ въ довольствѣ, вмѣсто грамматики и риторики, учится въ корчмѣ танцамъ, попиваетъ вино — дорогую мальвазію, никого не боится, ни чьего не спрашиваетъ позволенія. Одѣвъ новые башмаки, атласную курточку, а поверхъ гранатовую Мадьярскую делію (широкій плащъ съ большими рукавами), ду-

¹⁾ J. Łukasiewicz, o. c. I, 62—64.—Ту-же жалобу столь-же несправедливо повторяетъ Я. Гурскій въ своей «Апологіи Краковской академіи».

²⁾ Онъ былъ воспитанникомъ Краковской академіи; много путешествовалъ; считался знаменитымъ юристомъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ; умеръ въ 1649 году. Прославился своими идиліями.

³⁾ «Rozmowa szlachcica Polskiego z cudzoziemcem» (первый разъ издана въ Краковѣ въ 1600 г.) стр. 32—34, по изд. Туровскаго.

маеть себѣ: «я-ли это, пышно убранный, буду ходить съ голою головою — не отпущу чуприны? Да что-же? всендзомъ, вѣдь, я не буду, — я хочу пожить на свѣтѣ, пойду ко двору, а между тѣмъ, пока отецъ замѣтитъ, весело буду проводить молодые свои годы». Бѣгаетъ изъ корчмы въ корчму, пируетъ: вѣдь, молодежь не слушаетъ совѣта старшихъ. Потомъ внимательный наставникъ даетъ знать отцу, что его сыночекъ рѣдко бываетъ въ школѣ. Отецъ встревожится, прїѣдетъ въ городъ, и чтобъ въ гнѣвѣ не прибилъ онъ сына, сопровождаетъ его жена. Прїѣхавши отецъ принимается бранить сына, а онъ, выросшій въ своеволи, мало боится его рѣчей или, вѣрнѣе, ни во что ихъ не ставитъ: «Такъ скажу тебѣ, батька рѣшительно, что не быть мнѣ отнынѣ школьникомъ: я хочу быть молодцомъ-дворяниномъ при дворѣ». И тотчасъ беретъ его домой немудрый отецъ и даетъ ему полную волю. И держать его при себѣ, а потомъ спросить: «какую службу, сыночекъ, хочешь себѣ выбрать? Хочешь, говорить, отвезу тебя въ городъ (do gradu)⁴); не печалься: еще на пару платья, а не то и на двѣ, возьму тебѣ у купца бархату, а на верхнюю делию дорогой баграницы». Найдется таковой, что сейчасъ-же согласится, чтобы по-прежнему обмануть отца и въ довольствѣ и распутствѣ проводить время, ничего не дѣлая, таскаясь по пирамъ. Не умѣетъ онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣетъ, — а прїѣдетъ домой, ему нужна ужъ шестерня, да карета разноцвѣтная съ дорогими коврами, для возачковъ тонкое Голландское сукно, а для кучеровъ Лондонское, да къ тому-жъ мѣдныя шоры и сбрую для лошадей. Наѣздитъ онъ шумно по своему уѣзду, и отцовское гумно хорошо объ этомъ знаетъ: скирды уже кланяются своему пану, а дѣны стоятъ безъ дѣла (т. е. гумно опустѣло и нечего уже болѣе молоть). Скажетъ отецъ ласково своему сыну: «нослушай, Оумушка, вотъ-то новость: всегда съ гумна сберегалъ я денежки (жена и всѣ объ этомъ знаютъ), а теперь, кланусь, нѣтъ у меня и полной копы (60) грошей въ кошелькѣ, и долженъ я поскорѣе затребовать у хлоповъ чиншъ (оброкъ). На тебя пошло все гумно: видно, съ руки тебѣ добрые гроши. Въ этомъ году, какъ ты знаешь, я купилъ себѣ только сбрую куртку (sajan) да карюю лошадку. Потерялъ ты масляницу — женою тебя въ маѣ. Хоть пора и трудная, не

⁴ Гродъ (по-Русски городъ) обозначалъ у Поляковъ укрѣпленный городъ въ отличіе отъ мѣста (мѣста, откуда мѣщанинъ) — торговаго и промышленнаго города. Грбды были военными и отчасти сулебными центрами. Грбдскому или старостинскому суду подлежали уголовныя дѣла шляхты; но, по преимуществу, это былъ судъ безземельной шляхты — голбы.

бойся, а только принарядись. Если нѣтъ у тебя въ шкатулкѣ, займу у сосѣда: такова моя воля, таковъ мой совѣтъ». И женить молодого человѣка—отчасти въ долгъ, отчасти на свои».

Еще Рей жаловался на изнѣженное воспитаніе, которое шляхтичи давали своимъ дѣтямъ: только родится ребенокъ, приставятъ къ нему нянюшекъ и мамушекъ, одѣваютъ его, какъ куклу, балуютъ, пичкаютъ всякою всячиною, и чѣмъ онъ больше растетъ, тѣмъ больше у него капризовъ: отецъ возьми, гдѣ хочешь, а подай милому сынку, что ему вздумается, и дереть онъ отца, какъ шерсть съ овцы: гумно пустѣетъ, псарня распускается ¹⁾).

Зная, какое вліяніе имѣетъ на дѣтей первоначальное домашнее воспитаніе, Клѣновичъ ²⁾ совѣтуетъ родителямъ заботиться о хорошемъ выборѣ кормилицъ и нянекъ и собственнымъ примѣромъ вліять на нравственное развитіе ребенка: вмѣстѣ съ испорченнымъ молокомъ, говоритъ онъ, всасываются зародыши разныхъ болѣзней; испорченная нравственность кормилицы и няньки, неприличныя игры и пѣсни, наполненные суевѣріями сказки, характеръ и образъ жизни родителей, наконецъ вся домашняя обстановка вліяютъ на сердце и умъ ребенка. Далѣе ³⁾ онъ оплачиваетъ изнѣженное воспитаніе, получаемое шляхтою, говоритъ о вредѣ изысканной и разнообразной пищи, порицаетъ обжорство и пьянство шляхты и восхваляетъ простую деревенскую жизнь съ ея тихими удовольствіями и разнородными, мѣняющимися по временамъ года, занятіями: среди такой обстановки вырастаютъ люди здоровые и тѣломъ, и духомъ.

«Ваша молодежь, говоритъ Гурницкій устами Итальянца въ своемъ «Диалогѣ по поводу избранія Сигизмунда III» ⁴⁾, получаетъ чрезвычайно дурное воспитаніе, ибо вы воспитываете своихъ дѣтей не въ трудѣ, а въ нѣгѣ; прежде-же, какъ я слышалъ, у васъ было воспитаніе весьма строгое. А какъ я уже говорилъ, тщетны законы, гдѣ нѣтъ хорошихъ обычаевъ; а хорошихъ обычаевъ не можетъ быть тамъ, гдѣ молодые люди растутъ въ распущенности. Иной, прежде чѣмъ придетъ въ возрастъ, умираетъ отъ пьянства и разврата. У васъ не считается стыдомъ жить распутно, проводить въ городахъ время въ развратѣ и пьянствѣ, никто не обуздываетъ молодежь, никто не приучаетъ ее къ труду. Ей позволяется

¹⁾ «Wizerunek» II. 57, 88. ²⁾ «Victoria deorum» cap. XX.

³⁾ Ibid. cap. XXI.

⁴⁾ «Rozmowa o elekcyi, o wolności, o prawie y obyczajach Polskich. Podczas elekcyi krola jego mei Zygmunta III czyniona». (Варшава 1761 г.).

забрать въ городѣ у купца товаровъ и не заплатить, скандалъ учинить, увести дѣвушку и потомъ отдать ее слугѣ, стрѣлять, напасть на домъ, увести изъ дому, избить, поранить, убить — все это шутки».

Въ другомъ, уже извѣстномъ читателямъ, сочиненіи ⁵⁾ Гурницкій говорить: «Мнѣ уже было двадцать лѣтъ, а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и долго еще послѣ того не зналъ, чтó такое женщина, а теперь дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время пожилые люди». Въ этомъ сочиненіи Гурницкаго разбросано много здравыхъ мыслей о воспитаніи: правда, онъ имѣетъ въ виду только дворянина (т. е. придворнаго, въ такомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять это слово); но такъ какъ шляхта обыкновенно начинала свою карьеру службою при дворахъ знатныхъ пановъ, то мысли Гурницкаго о воспитаніи дворянина можно отнести къ шляхтѣ вообще. Дворянинъ или, чтó то же, шляхтичъ—по призванію воинъ, а потому, прежде всего, долженъ обращать вниманіе на изученіе военнаго дѣла; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ ему исключительно посвящалъ себя, ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о войнѣ, ничего другого не говорилъ, какъ только, что оружіе для него самая мягкая постель и что ему пріятнѣе всего пить изъ шлема. Таковъ шляхтичъ, вѣчно съ нахмуренными бровями, съ суровою осанкою, съ закрученными усами, скоро каждому опротивить и заслужить слова, сказанныя одною почтенною барынею на вечерѣ подобному самохвалу. Всякій разъ, когда она приглашала его принять участіе въ танцахъ или въ разговорѣ съ дамами, онъ отвѣчалъ, что это не его ремесло. Наконецъ, барыня его спросила: «какое-же ваше ремесло?» Пріосанившись, онъ отвѣчалъ: «бродить въ непріятельской крови и своей не жалѣть». Возразила ему затѣмъ барыня: «такъ какъ теперь нѣтъ войны, то я совѣтовала бы вамъ хорошенько намазаться саломъ вмѣстѣ съ оружіемъ и со всѣмъ, чтó вы употребляете противъ непріятеля, и затѣмъ спрятаться въ шкафъ, чтобы до войны вы еще болѣе, чѣмъ теперь, не заржавѣли» ⁶⁾.

Гурницкій совѣтуетъ своему дворянину не только изучать все чтó нужно знать воинъ, но также заниматься гимнастическими упражненіями, развивающими и укрѣпляющими тѣло, музыкою, танцами и пѣніемъ, дѣлающими челоуѣка пріятнымъ въ обществѣ. Пусть также не пренебрегаетъ науками и иностранными языками

⁵⁾ «Dworzanin Polski» (пзл. Тугорск.) стр. 70. ⁶⁾ Ibid. 28—30.

и бережется во всемъ утрированіа, особенно въ разговорѣ. «Оно распространено въ Польшѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Полякъ, если хоть не далеко уѣхалъ за границу, не хочетъ иначе говорить, какъ на языкѣ той страны, въ которой онъ немного побывалъ: если онъ былъ въ Италіи, то къ каждому слову прибавляетъ *signor*, если во Франціи, то—*par ma foi*, если въ Испаніи, то—*por otro cavaglieros*; иной и не бывалъ въ Чехахъ, а переѣхалъ только Силезскую границу, и ужъ не хочетъ говорить иначе, какъ по-Чешски, а какая это будетъ чехизна, Богъ вѣдаетъ. Если ему скажешь, чтобъ говорилъ на своемъ языкѣ, то отвѣтитъ, что забылъ или что родной языкъ ему кажется грубымъ и въ доказательство вырветъ какое-нибудь старо-Польское слово изъ «Богородицы» ¹⁾ и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ словечкомъ Чешскимъ, чтобъ показать грубость своего и прелесть чужаго языка; наконецъ, онъ сошлетъ и на то, что почти каждый Польскій ораторъ пересыпаетъ свою рѣчь Чешскими словами, какъ будто-бы это было дѣйствительно хорошо» ²⁾.

Гурницкій съ жаромъ защищаетъ пользу наукъ, пренебрегаемыхъ шляхтою. Онъ уваживаетъ на знаменитыхъ героев древности, посвящавшихъ себя съ любовью научнымъ занятіямъ (Александръ Великій, Алкивиадъ, Сципионъ Африканскій, Лукуллъ, Силла, Помпей, Брутъ и др.). Знаніе иностранныхъ языковъ онъ считалъ также необходимымъ для шляхтича: «Я хочу, чтобы онъ зналъ не только Греческій и Латинскій языкъ, чтобы читать классиковъ, но также чтобы понималъ по-Нѣмецки, по-Итальянски, по-Французски и по-Испански. Необходимо, чтобы онъ перечиталъ и обдумалъ всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, чтобы ознакомился съ исторіею и географіею каждой страны. Пусть онъ умѣетъ писать и прозою, и стихами: это можетъ ему пригодиться при дворѣ для развлечения другихъ и для собственнаго удовольствія» ³⁾.

Защитникъ классическаго образованія, Гурницкій требуетъ положительнаго знанія и смѣется надъ всезнайками. Но что еще важнѣе, онъ проповѣдуетъ равноправность женщинъ съ мужчинами, въ чемъ опередилъ свой вѣкъ: по его словамъ, женщина по своимъ способностямъ нисколько не ниже мужчины; она можетъ съ

¹⁾ Польскій переводъ «Богородицы» приписываютъ св. Войтеху, проповѣднику Поляковъ. Сохранился въ позднѣйшихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій (Краковской академіи наукъ) относится къ 1408 году.

²⁾ «Dworz. Polski» 33—44. Сра. 46—50, гдѣ авторъ говоритъ объ отношеніи Польскаго языка къ иностраннымъ и, въ особенности, Славянскимъ.

³⁾ Ibid. 54—57.

такимъ-же успѣхомъ, какъ онъ, заниматься науками, поэзіею и государственными дѣлами. «Бывали женщины, которыя предпринимали войны и одерживали блистательныя побѣды, правили королевствами и дѣлали все то, что и мужчины, и подъ ихъ мудрымъ правленіемъ никто не терпѣлъ несправедливости, не былъ взятъ въ плѣнъ неприятелемъ, не былъ притѣсняемъ сосѣдомъ. Если обратиться къ наукамъ, то изъ лѣтописей узнаешь, что многія занимались философіею, другія писали отличные стихи, третьи изучали законы и своимъ краснорѣчіемъ спасали невинноосужденныхъ»⁴⁾.

Подобно Гурницеому, Станиславъ Оржеховскій⁵⁾ защищалъ классическое образованіе и совѣтовалъ королю серьезно заняться преобразованіемъ школъ. Въ поднесенномъ имъ въ 1549 году Сигизмунду-Августу сочиненіи «Вѣрный подданный»⁶⁾ онъ говоритъ: «Вышнія и низшія школы, эти жилища мудрости въ твоёмъ государствѣ, учреди, гдѣ ихъ нѣтъ, возстанови, гдѣ онѣ пришли въ упадокъ. Пусть въ нихъ юноши твоего государства учаются человеколюбію и мудрости,—пусть въ нихъ твои подданные съ малолѣтства приучаются къ полезной дѣятельности и къ повиновенію тебѣ, мудро правящему. Если, пренебрегая воспитаніемъ ты станешь побуждать твоихъ подданныхъ къ доблести законами и наказаніями, то уподобишься тому, который страхомъ наказанія заставляетъ попадать въ цѣль человека, неумѣвшаго стрѣлать. Поэтому, чтобъ поднять науки, прежде всего возстанови Краковскую академію, учрежденную твоимъ предкомъ: особымъ указомъ исправь безчисленные ея недостатки и изгони изъ нея писателей негодныхъ, варварскихъ и бесполезныхъ—Копулатовъ, Голкотовъ, Брикоттовъ и

⁴⁾ Ibid. 161—163.

⁵⁾ Станиславъ Оржеховскій, Русскій изъ Перемишля (1513—1567), получилъ образованіе въ Вѣнѣ и въ Италіи. Вернувшись на родину, не смотря на то что былъ каноникомъ, не только писалъ противъ безбрачія духовенства («De coelibatu»), но и самъ женился, что было причиною всѣхъ его несчастій. Отъ него осталось до 40 сочиненій по-Латини и по-Польски. Важнѣйшія: «Turcica», «Fidelis subditus», «Chimera» (противъ ереси Станкара), «Dyalog albo Rozmowa okolo exekucyi Polskiej Korony» (1563), «Quincunf to jest wzór Korony Polskiej na synku wystawiony», «Zemianin albo Rozmowa oysa z szupem o sprawie Polskiej», «Policya królestwa Polskiego» (по образцу Аристотелевой Политики). Обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ мы скажемъ впоследствии, а теперь укажемъ только на обширную монографію о Ст. Оржеховскомъ, занимающую весь III-й томъ известнаго труда графа Осольскаго: «Wiadomości historyczno-krytyczne do Dziejów literatury Polskiej» (Krakow, 1822).

⁶⁾ «Fidelis subditus sive de institutione Regia» (Cracoviae, 1584). Lib. II, pp. 53—54.

грязнаго Глоговиту ¹⁾, Предпиши, чтобы профессеры замѣнили эти грязнѣйшіе подонки классическими писателями какъ Греческими, такъ и Латинскими, дабы изъ этого чистаго и прозрачнаго источника тебѣ та царственная наука, которая сдѣлаетъ твоихъ подданныхъ мудрыми и твоему королевству полезными. Точно также съ величайшимъ стараніемъ преобразуй низшія школы и во главѣ ихъ поставь людей ученыхъ, а не царедворцевъ, блистающихъ пурпуромъ и самоцвѣтными камнями. Позаботься также, чтобы какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ достойные наставники приучали дѣтей съ нѣжнаго возраста къ добродѣтельной жизни и къ полезной дѣятельности».

О необходимости преобразования школы въ Польшѣ въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ предлагалъ Оржеховскій, писалъ двумя годами позже его Модржевскій въ извѣстномъ уже читателямъ сочиненіи «De republica emendanda», пятая и послѣдняя книга котораго посвящена этому вопросу. По стародавнему и исконному обычаю, каждое государство печется о школахъ, отъ процвѣтанія которыхъ зависитъ благосостояніе подданныхъ, говоритъ Модржевскій ²⁾; а потому люди, посвятившіе себя педагогической дѣятельности, освобождаются отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Какъ велики заслуги для государства педагоговъ, такъ-же должно быть почетно ихъ общественное положеніе. Слѣдуетъ помнить, что школа есть расадникъ добродѣтели, мать хорошихъ законовъ. Но не только для государства, а также и для церкви важна школа: она рѣшаетъ спорные вопросы въ ученіи церкви, она образуетъ проповѣдниковъ и наставниковъ народа, точно также, какъ она даетъ государству искусныхъ ораторовъ, мудрыхъ совѣтниковъ и нелицеприятныхъ судей. Школа во всѣхъ трудныхъ вопросахъ государственныхъ и церковныхъ есть верховный ареопагъ, приговоры котораго считаются непогрѣжимыми. Къ сожалѣнію, въ Польшѣ не умѣютъ цѣнить школъ, и люди, занимающіеся наукою и воспитаніемъ юношества, находятся въ незаслуженномъ пренебреженіи.

«Какими-же наградами, какими почестями слѣдуетъ поощрять къ занятіямъ науками какъ учителей, такъ и учениковъ»? спрашиваетъ далѣе Модржевскій ³⁾ и такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Епископы и государственные люди должны всѣми силами

¹⁾ По руководству Яна Глоговича («Minoris Donati de octo partibus orationis», 1503), написанному варварскою Латынью, учились Латинскому языку. Онъ написалъ также много иныхъ учебниковъ по разнымъ наукамъ.

²⁾ «De republ. emend.» (ed. Basil. 1554) Lib. V, cap. 1, pp. 351—356.

³⁾ Ibid. cap. II, pp. 356—361.

защищать и поддерживать школы: они должны доставлять необходимые средства существованія бѣднымъ ученикамъ и вознаграждать, какъ слѣдуетъ, учителей за ихъ труды. Ежедневно, какъ мы видимъ, издерживаются огромныя суммы денегъ на разную утварь, на роскошныя постройки, на изысканныя пиры и на другія ненужныя вещи. Почему-же нельзя найти средствъ для законныхъ издержекъ, которыя едва-ли на что иное могутъ быть съ большею пользою употреблены, какъ на возобновленіе и поддержаніе школъ? Ибо школы нужнѣ всего государству и церкви. Что касается средствъ, то они находятся преимущественно въ рукахъ богатаго духовенства. Много нуждъ учащейся молодежи можно было-бы удовлетворить изъ монастырскихъ доходовъ: часто въ монастыряхъ, имѣющихъ огромныя доходы, проживаетъ нѣсколько монаховъ, а потому слѣдовало-бы государству, приведя въ извѣстность монастырскіе доходы, опредѣлить, сколько учениковъ долженъ содержать каждый монастырь. Эти ученики могутъ быть или посылаемы въ академіи, или же обучаться въ самыхъ монастыряхъ приглашенными съ этою цѣлью наставниками. Ихъ можно-бы заставлять пѣть въ костѣлахъ по-очереди псалмы, или исправлять иныя обязанности, а потомъ за свое воспитаніе они были-бы обязаны служить государству или церкви. Тоже самое правило слѣдуетъ примѣнить и къ лицамъ, пользующимся большими церковными доходами: пусть и они дадутъ что-нибудь въ пользу учащагося юношества. Но едва-ли кто иной могъ-бы болѣе помочь учащимся, какъ тѣ, которые раздають церковныя должности, каковыя были предназначены предками нашими преимущественно для людей, занимающихся наукою, какъ видно изъ самихъ названій: *praepositi, scholastici, cantores, canonici*. Далѣе авторъ объясняетъ, что первоначально канониками называли духовныхъ лицъ, обязанностью которыхъ было, на основаніи каноническихъ книгъ, рѣшать спорные вопросы въ ученіи церкви, — *сх о л а с т и к а м и* — начальниковъ школъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками, — *к а н т о р а м и* — учителей церковной музыки и пѣнія, препозитами — экономовъ и т. д. «Конечно, нѣкто меня не увѣритъ, продолжаетъ Модржевскій, что наши предки, устанавливая эти церковныя должности, соединенныя съ большими доходами и почестями, предназначали ихъ для людей празднопшатающихся, а не для дѣятельныхъ и отличающихся отъ остальнаго духовенства познаніями и добродѣтелями. Кого-же слѣдуетъ избирать на столь священныя и столь полезныя для церкви должности, если не людей ученыхъ, которые-бы хотѣли и могли

достойно поучать, сомнительные вопросы рѣшать и ереси истреблять? Въ недавнее еще время высшія церковныя должности отдавались только шляхтѣ, какъ особыя привилегіи и милости, испрашиваемыя иногда въ самомъ Римѣ. Случалось даже, что въ самомъ сердцѣ Польши монастыри вручались иностранцамъ. Еще на нашей памяти богатныя аббатства переходили во власть шляхты, а о людяхъ ученыхъ никто не заботился. Было время, когда законъ обязывалъ епископовъ содержать при всѣхъ подобныхъ духовныхъ учрежденіяхъ (*contubernia sacerdotum*) по два ученыхъ (*binos literarum doctores*); но нашлись люди, которые, собравъ синодъ, освободили епископовъ отъ этой повинности и, вмѣсто двухъ ученыхъ, разрѣшили имѣть одного. И, увы! не было на этомъ синодѣ никого, кто-бы принялъ на себя защиту ученыхъ и воспротивился бы такому постановленію. Чтѣ вы тогда дѣлали, питомцы наукъ, власть имѣющіе? какъ вы отблагодарили вашихъ учителей, достоинство которыхъ такъ унижалось? Вы молчали; но и между чернью есть поклонники наукъ, и между рабами есть такіе, которые смѣло возражаютъ разгнѣваннымъ господамъ. Ужели такія были тогда времена, что все рѣшалось по волѣ одного, которому никто не смѣлъ противорѣчить? Хорошо, что они миновали. Дѣйствуйте-же вы, поклонники наукъ, имѣющіе власть: посмотрите на себя, порадайте съ епископами о наукахъ, уничтожьте это постановленіе и всѣми силами постарайтесь, чтобы вмѣсто одного, не два, а цѣлыя толпы ученыхъ (*integrae literatorum turmae*) были приведены.... Если когда, то теперь болѣе всего слѣдуетъ заботиться объ ученыхъ и церковныя *beneficia* раздавать тѣмъ, которые заслужили.... а не тунеядцамъ, которые, подобно саранчѣ, пожираютъ церковный хлѣбъ.... слѣдуетъ озаботиться, чтобы учителя получали заслуженное жалованье и не были принуждены искать иныхъ средствъ къ жизни, которыя-бы отрывали ихъ отъ науки, — чтобы какъ учителя, такъ и ученики были побуждаемы къ занятіямъ науками особыми наградами.... чтобы церковныя должности были отдаваемы только ученымъ....»

Переходя къ вопросу объ устройствѣ школъ ¹⁾, Модржевскій говоритъ, что, прежде всего, слѣдуетъ стараться, чтобы какъ учителя были способны къ преподаванію, такъ и ученики къ занятіямъ науками: неспособныхъ не принимать въ школу. О предметахъ обученія онъ говоритъ слѣдующее: по окончаніи элемен-

¹⁾ Ibid. cap. III, p. 361.

тарнаго курса (*artibus trivialibus perceptis*), каждый ученикъ выбираетъ себѣ одну изъ наукъ для специальныхъ занятій; преподаваться-же въ школѣ должны и философія, и всѣ науки, и въ особенности языки, безъ знанія коихъ нельзя съ успѣхомъ заниматься ни богословіемъ, ни иными науками. Необходимо также упражнять учениковъ въ сочиненіяхъ, диспутахъ и декламацияхъ. Во второмъ курсѣ въ школьнымъ упражненіямъ слѣдуетъ присоединить еще суды (*judicia*). Прежде-же всего, слѣдуетъ изгнать изъ школъ варварскую Латынь, чтеніе писателей пустыхъ и ничтожныхъ и безполезныя словопрепиранія.

Хотя наукою слѣдуетъ заниматься для науки, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, тѣмъ не менѣе Модржевскій скорбитъ²⁾, что, при раздачѣ почетныхъ и прибыльныхъ церковныхъ должностей, руководствуются не познаніями и способностями конкурентовъ, а знатностью происхожденія и родственными и всякими иными связями. Отъ того науки въ упадкѣ, отличные умы съ отчаянія занимаются прибыльными ремеслами, а люди безграмотные сидятъ на мѣстахъ, принадлежащихъ ученымъ, какъ праздные трутни на чужихъ поляхъ (*impunesque sedent aliena ad rabula fuci*).

Никто изъ Польскихъ писателей XVI вѣка не взглянулъ такъ глубоко на вопросъ о воспитаніи, какъ Модржевскій, что слѣдуетъ приписать не только его высокообразованному, государственному уму, но также тому, что онъ былъ протестантъ: католикъ не могъ-бы съ такимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ разсуждать о причинахъ упадка школъ въ Польшѣ, не могъ-бы предложить такихъ радикальныхъ средствъ для исправленія дѣла, испорченнаго католическимъ духовенствомъ. Оно было главнымъ виновникомъ паденія школъ, находившихся въ его рукахъ: утопавшее въ нѣгѣ и въ росеши, гнѣвное, большею частью необразованное, неруководившееся никакими возвышенными помыслами, недумавшее ни о церкви, ни о государствѣ, оно давно измѣнило своему призванію быть наставниками народа и погрязло въ себялюбивыхъ расчетахъ. Въ этой измѣнѣ церкви и государству Модржевскій громко его обвиняетъ и, не надѣясь на его исправленіе, требуетъ внимательства государства, которое могло и должно было заставить богатыхъ прелатовъ и гнѣвныхъ, развращенныхъ фратровъ удѣлять часть своихъ доходовъ на содержаніе школъ. Указавъ на средства, Модржевскій требуетъ преобразованія школъ: прежде всего, онъ совѣ-

²⁾ Ibid. cap. IV, pp. 362—363.

туеть озаботиться о выборѣ способныхъ и достаточно подготовлен-ныхъ наставниковъ, а затѣмъ изгнать изъ школъ варварскую Ла-тынъ и разный средневѣковый хламъ, а вмѣсто того ввести серьез-ное изученіе наукъ и иностранныхъ языковъ—этого ключа ко вся-кому знанію, положивъ въ основаніе классическія литературы.

Мы разсмотрѣли мнѣнія лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка о занимающемъ насъ вопросѣ: всѣ они признаютъ дурное со-стояніе школъ въ современной имъ Польшѣ и необходимость не-отлагательныхъ реформъ; но одни изъ нихъ (меньшинство, пред-ставителемъ котораго былъ Рей) желали реального, а другіе (большинство съ Модржевскимъ, Оржеховскимъ и Гур-ницкимъ во главѣ) классическаго образованія ¹⁾.

3. Домашняя жизнь шляхты.

Домашняя жизнь шляхты XVI вѣка возбуждала негодованіе со-временныхъ Польскихъ писателей: они жалуются, что никто не думаетъ объ отечествѣ, что личнымъ интересамъ приносится въ жертву все, что есть наиболѣе священнаго для человѣка и граж-данина. На государственную службу шляхта смотрѣла какъ на средство для удовлетворенія своей страсти къ непомерной роско-ши, ради которой она разоряла своихъ хлопковъ, грабила промыш-ленные города, разбойничала по дорогамъ, дѣлала наѣзды на сво-ихъ сосѣдей, сутяжничала. Гдѣ была пожива, тамъ не было для нея препятствій. Поскорѣе нажиться и поскорѣе прожить нажитес-было девизомъ Польской шляхты XVI вѣка.

«Скажите мнѣ, спрашиваетъ Андрей Збылитовскій ²⁾, на что обращаете вы свои доходы? На роскошь, на одежду, на дворню, на коней, на дорогіе экипажи, на кушанья, на вино: хо-рошо застроенные города, деревни и замки вы уже отдаете дру-гимъ, потому что не хватаетъ вашихъ доходовъ. У иного больше слугъ, чѣмъ крестьянъ въ деревнѣ, а иной и деревню заложить,

¹⁾ Любопытныя подробности о воспитаніи, нравахъ и обычаяхъ Польской молодежи въ XVI вѣкѣ читатель найдетъ въ сочиненіи Мацѣевского, «Polska aż do pierwszój połowy XVII wieku pod względem obyczajow i zwy-czajow», tom III, str. 1—58.

²⁾ «Żywot szlachcica we wsi» (идилія, въ первый разъ изданная въ Кра-ковѣ въ 1597 г.) по изд. Туровск. стр. 6 и 10.—Андрей Збылитовскій былъ придворнымъ поетомъ Степана Баторія и Сигизмунда III. Кромѣ «Жизни шляхтыча въ деревнѣ», онъ описалъ въ стихахъ путешествіе Сигизмунда III въ Швецію («Droga do Szwecyi króla j. mości w r. 1594»; съ перваго Кра-ковскаго изданія 1597 г. перепечатана Туровскимъ въ 1860 г.), въ которомъ самъ онъ принималъ участіе.

чтобъ подать на обѣдъ сто блюдъ. Кто полагаетъ все наслажденіе въ золотѣ, тотъ не задумается обмануть ближняго, лихою разорить бѣднаго человѣка, насиліемъ отнять чужое имущество или силою выгнать кого изъ собственнаго дома, продать при дворѣ отечество въ надеждѣ на невѣрную награду...»

Извѣстный Польскій историкъ и поэтъ, Мартынъ Бѣльскій ³⁾, въ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» ⁴⁾, называя современную ему шляхту «выродками доблестныхъ отцевъ», такъ описываетъ пережѣну, происшедшую въ его время въ Польшѣ: «Прежніе мужи стали бабами, какъ видно и по ихъ одеждѣ. Я вижу Испанцевъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ и даже Мадыаръ ⁵⁾: куда-же дѣлись Поляки съ древними Мазурами,—тѣ, что сядились на коня въ простой суконной курткѣ съ мечемъ въ рукахъ и ногу себѣ не подвязывали китайскою? И было хорошо, хотя и не по-Мадыарски; а теперь все далеко отъ нихъ удалилось: настали раздоры, вѣра раздрана, мѣсто умѣренности заступили надменность, любостыжаніе, корыстолюбіе, духовенство упало, король, ксендзь и всѣ вообще потеряли значеніе. Боже, избавь насъ отъ казни!» Словомъ, упадокъ во всемъ: пороки побѣждаютъ добродѣтели, глупцы первенствуютъ передъ умными, своевольная молодежь не боится наказанія, и кто посильнѣе, тотъ мылить другому шею: говорить сладкія слова, а въ сердцѣ ядъ кроетъ. «Какія убійства, клеветы, вражды, того и гляди, что одинъ бросится на другого. Бинулись люди на всѣ излишества свѣта, возстали другъ противъ друга. Часто дерутся отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ. Дѣти не слѣдуютъ обычаямъ отцевъ: если отецъ порядочный, то сынъ

³⁾ Мартынъ Бѣльскій (1496 — 1575) молодость провелъ при дворѣ Краковскаго воеводы, Петра Кмиаты, потомъ служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ походахъ въ Валахію и противъ Татаръ; на старости поселился въ своей деревнѣ Бѣлой въ Страдаскомъ повѣтѣ. Приобрѣлъ извѣстность своими историческими трудами, особенно же своею «Польскою хроникой», изданною съ дополненіями и измѣненіями сыномъ его Іоанномъ въ Краковѣ въ 1597 г. См. Нерннга, «O życiu i pismach Joach. Bielskiego» (Poznań 1860).—Отъ него остались также три весьма рѣдкія нынѣ сатиры: «Женскій сеймъ» (Sejm niewieści), «Майскій сонъ» (Sen majowy) и «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» (Rozmowa dwu baranów o jednej głowie). О первой см. статью Вейцацкаго въ «Archiwie domowym» 1856, о двухъ послѣднихъ Владислава Вислоцкаго: «Dwie rzadkości bibliograficzne» (Lwow, 1873).

⁴⁾ «Rozmowa nowych prorokow, dwu baranow o jedney głowie, starych obywatelow Krakowskich» (Krakow 1587)—у Вислоцкаго стр. 16—18, 23.—Въ Краковѣ до нашего времени на углу рынка и улицы св. Анны былъ домъ съ изображеніемъ двухъ барановъ объ одной головѣ. Домъ этотъ еще въ XVI вѣкѣ назывался «Pod Baranų». Въ уста этихъ барановъ авторъ вкладываетъ жалобу на испорченность современныхъ ему нравовъ.

⁵⁾ Здѣсь разумѣется страть Поляковъ носить иностранныя одежды, — о чемъ скажемъ впоследствии.

моть. Пріятель-опекунъ отдастъ его въ ксендзы, а другой самъ пойдетъ въ монахи, и, таскаясь по улицамъ въ сѣрой расѣ, проситъ милостыни. Всѣ вообще развратились, каждый ищетъ своей корысти, а объ отечествѣ никто не думаетъ. Границы государства оставлены безъ защиты, и некому объ этомъ заботиться. Москва трубитъ намъ подъ ухомъ, Шведъ бьетъ въ барабанъ и старается отнять у насъ ключи отъ Лифляндскихъ замковъ. Татары хотятъ отъ насъ дани, суена и козюковъ, Волохи помышляютъ объ измѣнѣ, Нѣзовскіе козаки охотно поссорили-бы насъ съ Туркомъ. А мы что дѣлаемъ? сидимъ спокойно за чарчами, оставляя непріятелю полную свободу грабить насъ». Указавъ на безправіе судовъ, пустую болтовню и пьянство на сеймахъ, поэтъ продолжаетъ: «Не достало-бы бумаги, если-бы я хотѣлъ описать, какая во всемъ роскошь, какія одежды у шляхтянокъ и молодыхъ людей, за которыя выманиваетъ деньги Жидъ и Итальянецъ, хитрый народъ, какъ дорого стоятъ напитки и кушанья, которыя потомъ приводятъ къ большой нуждѣ. Не могу смотрѣть на нынѣшній свѣтъ: съ каждымъ годомъ приходимъ къ худшему». Обманъ, вымогательство, взяточничество господствуютъ повсюду; вымышленныхъ пошлинъ требуютъ съ хлопа, съ котораго и безъ того каплетъ кровавый потъ. «Но возвратимся къ шляхтѣ. Какая расточительность! Одинъ другого старается перещеголять... хотя-бы пришлось заложить деревню съ усадьбою».

Съ подобными-же укорами обращается къ шляхтѣ даже беззлбный поэтъ чернолѣсскій—царь Польскихъ поэтовъ XVI вѣка¹⁾: «Укажите мнѣ, вы, люди денежные, что хорошаго вы сдѣлали. Не буду вспоминать старины: въ нѣсколько лѣтъ Татары пять разъ васъ обобрали, братью вашу продали Туркамъ въ неволю, — деспотъ, настоящій потомокъ тѣхъ давнихъ деспотовъ, на вѣчное ваше посрамленіе, дважды прошелъ всю вашу землю, Московитянинъ отнялъ у васъ Полоцкъ и въ грамотахъ пишетъ, что Галичъ его отчина. Шведы черезъ море протягиваютъ къ вамъ руки и изъ горсти вашей вырываютъ Лифляндію; наконецъ, если-бы не Висла, то у насъ были бы ужъ Нѣмцы, отъ которыхъ вы отступились Поморьемъ. Вотъ плодъ вашихъ богатствъ, вотъ что вы выиграли, оставивъ саблю и сядя за плугомъ. Но это еще только начало: не того еще дождетесь со-временемъ, милые братья, когда снимутъ съ васъ маску и узнаютъ люди, какъ Поляки отстали отъ

¹⁾ «Jana Kochanowskiego, Satyr». Первое его сочиненіе, вышедшее въ 1563 г., по изд. Варш. 1861, стр. 168—170.

своихъ предковъ. Не рассчитывайте на праздность Турковъ: они—себѣ-на-умѣ; вѣдь, послѣ затишья на морѣ бываетъ сильная буря. Не знаю, что за пріязнь у васъ съ Нѣмцами, что за самонадѣянность; знаю только то, что они съ васъ глазъ не спускаютъ и съ каждымъ годомъ все ближе къ вамъ присосѣживаются. Копайте-же каналы, свозите изъ боровъ къ Вислѣ корабельный матеріалъ, обращайтесь въ пепель лѣса, рубите, и я увижу, куда припрутъ васъ, Поляковъ, такъ прозванныхъ отъ полей²⁾, куда вы скроетесь. Нѣтъ у васъ ни коней, ни хорошаго оружія, ни надлежащей подготовки, а безъ этого плохо воевать. Посмотрите-же, куда васъ привели эти богатства: вы совсѣмъ забыли военную науку, а отъ нея зависятъ не только ваши помѣстья, но и жизнь и вольность ваша. Пусть себѣ другіе, какъ хотятъ, разумѣютъ право, пусть себѣ умѣютъ красно писать и говорить: все пустяки, если на границѣ не будетъ надежнаго воина. Если же золотомъ хотите быть грозны сосѣдямъ, то тѣмъ скорѣй они пожалуютъ къ вамъ въ гости. Но и богатства у васъ я не вижу: гораздо больше между вами такихъ, что разстались съ своими деревнями и отцовскую утварь дали Жидамъ на храненіе. Тяжело нуждаться, а еще тяжеле поневолѣ убираться изъ дома. Какая же тому причина, ради Бога, что вы—такіе козява—терпите нужду? Роскошь, сосѣдушка, роскошь, которая, какъ море ненасытное, все пожираетъ: мало ей на разъ все годовое гумно, съѣсть она иногда вмѣстѣ съ нимъ и землю, и хлопковъ, а наконецъ и пана: вотъ что это за гостья! Хоть пропади, никому не уступить. Даетъ кто пятьдесятъ блюдъ—онъ³⁾ дастъ втрое; ты его напоишь, а онъ и слугъ твоихъ; ты въ рысей шубѣ, а онъ въ собольей; у тебя золото на шапкѣ, а у него и на башмакахъ, хотя-бы была грязь на улицѣ; шаровары у него шире, чѣмъ у кого; за кафтанъ сто золотыхъ—это еще не дорого; а когда онъ нарядится по-гусарски, узнаешь по воротнику, на который пошла цѣлая шкура звѣриная... Сколько-бы онъ ни проигралъ, никогда не смутится, да еще остатки разбросаетъ пажамъ; его дворъ—льстецы, а совѣтники—сводники; привратниковъ ему не нужно—его ворота стерегутъ кредиторы. Вотъ кому вы служите, вотъ кто вводитъ васъ въ долги, выживаетъ изъ деревень и обращаетъ въ слугъ. Бѣдность вашихъ пред-

²⁾ Polak od pola gzeszon, rozpolite głosu.

³⁾ Здѣсь поэтъ олицетворяетъ роскошь—z b u t e k (по-Польски муж. рода). Въ переводѣ, по необходимости, удержанъ мужескій родъ, такъ какъ поэтъ олицетворяетъ роскошь въ образѣ мужчины.

вовъ была лучше нынѣшнихъ богатствъ. Кто теперь заложить замокъ? кто построить монастырь? кто подарить королю городъ и значительную сумму денегъ? а это бывало часто при вашихъ отцахъ, которые отечество любили больше самихъ себя. А нынѣ скорѣе возьмутъ, чѣмъ дадутъ королю или священнику...»

Клѣновичъ, въ извѣстной уже читателямъ поэмѣ «Victoria deorum» ¹⁾ говорить, что въ роскоши и изнѣженности Поляки превзошли Сибаритовъ и Клѣопатру: «всѣ домогаются чрезвычайнаго и гнушаются обычнымъ,—чуть не начинаемъ выжимать сокъ изъ ягодъ, чуть не растворяемъ въ уксусѣ жемчугъ». Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Мѣшокъ Іудинъ» (Worek Judaszow) ²⁾, Клѣновичъ называетъ изнѣженность и страсть къ роскоши источникомъ всего злаго, и представляетъ намъ нѣсколько образовъ, схваченныхъ съ натуры: картѣжника, плута, вора и разбойника, ханжу, сутягу и т. п. Все это люди, непривыкшіе къ труду и промотавшіе свое состояніе въ пьянствѣ, роскоши и развратѣ. Между ними находимъ и такихъ, которые обогащались на счетъ государства. «Есть еще и теперь такія государства, въ которыхъ вельможные сенаторы получаютъ обильные доходы. Ни кто имъ не завидуетъ, никто ихъ не упрекаетъ: глупая и слабая зависть бессильна противъ нихъ. Какъ встарину, такъ и теперь говорятъ: пойдѣмъ на золотое жниво (eamus ad messem auream), какъ совѣтовалъ Дромоклидъ Стратоклесу, когда съ алчностью завывалъ его на такое жниво. И нынѣ между корыстолюбивыми раздаются такіе голоса: будемъ жать золотую пшеницу, будемъ жать золотые колосья,—будемъ доить государство, будемъ рѣзать золотое гроздіе: вѣдь виноградникъ богатъ, а вымя полное. На такихъ мѣстахъ можешь и разбогатѣть, и утратить доброе имя и душу» ³⁾.

О людяхъ, покулавшихъ государственныя должности, поэтъ такъ отзывается: «Не знаю, что ты покупаешь, несчастный; не знаю, долго-ли ты, невольникъ, просидишь на своемъ княжествѣ. Вотъ тотъ купилъ бургомистерство въ большомъ городѣ, чтобы слупить

¹⁾ Cap. XXI, p. 122.

²⁾ «Worek Judaszow to iest zle nabycie mairętności». Эта сатира въ первый разъ вышла въ Краковѣ въ 1600 году. Названіе объясняется эпиграммой изъ евангелія отъ Іоанна, 12: «Indas fur erat, et oculos habens, ea quae mittebantur portabat». Раздѣлена на 4 части: 1-я—волчья шкура или тайное любостыжаніе, 2-я—лисья или присвоеніе чужой собственности хитростью, 3-я—рысья или присвоеніе чужой собственности подъ видомъ права и купля и 4-я—львиная или присвоеніе чужаго насиліемъ.

³⁾ По Краковскому изданію 1607 г. В. 4. (изд. Туровск. стр. 74—75).

съ другихъ, что дать за свой выборъ. Онъ продаетъ справедливость, беретъ взятки, потому что эту должность купилъ безмѣрно дорого» ⁴⁾. А вотъ изображеніе чиновника-казнокрада и плута ⁵⁾: «Иной, получивъ государственную должность, завѣдуетъ городскимъ имуществомъ или судомъ въ цѣлой области: общественные доходы присвоиваетъ собѣ, притѣсняетъ королевскихъ подданныхъ,— пугая своимъ мундиромъ, вымышляетъ всякія штуки—winy, deputacye, ramiętne i sosze ⁶⁾ и забираетъ неповинные гроши съ проставовъ, которые не смѣютъ, или не умѣютъ противиться кривдѣ...»

Страсть къ роскоши, говоритъ Модржевскій ⁷⁾ порождаетъ лобостыжаніе и влечетъ ко многимъ порокамъ. «Мы хвалимся измѣною, обманомъ, пьянствомъ, обжорствомъ, распутствомъ и всякаго рода пороками. Сдѣлать наѣздъ, овладѣть чужою собственностью, убить человѣка, попирать божеское и человѣческое право считается у насъ славнымъ».

Ограничиваясь вышеприведенными отзывами лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка (чтобъ исчерпать весь матеріалъ находящійся у насъ подъ руками, не достаётъ намъ ни времени, ни мѣста) о томъ, какъ вліяла домашняя жизнь шляхты на Польское общество и государство, постараемся проникнуть въ «святая-святыхъ» шляхтича, посмотримъ, какъ онъ жилъ и проводилъ время въ кругу своей семьи и друзей.

Устройствомъ домъ шляхтича мало отличался отъ панскаго палаццо или замка: вся разница была въ размѣрахъ, въ придаточныхъ видахъ, въ роскоши. Домъ шляхтича обыкновенно былъ деревянный, одноэтажный, но иногда имѣлъ еще *gađe* (этажъ). По угламъ въ немъ были двѣ комнаты (*izby*), а посрединѣ сѣни. Во дворъ, находившійся передъ домомъ, вели высокія ворота. Обыкновенной величины домъ назывался дворомъ; если же онъ былъ большихъ размѣровъ и имѣлъ при себѣ флигели (*officyny*), то его величали палаццо; если же былъ построенъ изъ камня на холмѣ и окруженъ водою или рвами и валомъ, то звался замкомъ. Панскіе палаццо и замки строились изъ прочнаго камня и имѣли обыкновенно два, рѣдко три этажа. Фасадъ украшался гербами и вензелями владѣтеля или владѣтельницы. Фронтонъ поддерживался колонами. Галерея (*ambit, krużganek*) иногда окружала все зда-

⁴⁾ Ibid. f. C. (Туровск. стр. 76). ⁵⁾ Ibid. f. C. 2 (Туровск. 78—79).

⁶⁾ Названія налоговъ и пошлинъ.

⁷⁾ «De republ. emend.», lib. I, cap. XXIII, p. 79.

«Славяноскій Сборникъ», томъ III, отд. I.

ніе; по угламъ были барьеры, у подъѣзда крыльцо со столбами (balasy); надъ галереєю бывали балюстрады и балконы. Надъ палаццо или замкомъ возвышались башни, на одной изъ которыхъ были часы, съ металлическими, иногда золочеными шпилями, съ разнообразными флюгерами. При палаццо или замкѣ находились: каплица, павильоны, разныя службы и кордегарда (сторожка), съ турмою или козою (карцеромъ). Посреди обширнаго двора былъ прудъ, съ бьющимъ фонтаномъ. Внутреннее расположеніе покоевъ было слѣдующее: обширныя сѣни вели въ переднюю (antikaмера), за которою слѣдовала цѣлая амфилада комнатъ разныхъ названій, разной величины, съ разнообразною обстановкою. Порогъ былъ высокій, откуда произошла поговорка: «za wysokie te progie na moje nogi» (эти пороги слишкомъ высоки для моихъ ногъ). Высокія же двери покрывались дорогими портъерами. Полъ былъ каменный, мраморный или деревянный. Лѣпною работою изъ гипса или воска украшались двери, окна и потолокъ, расписанный золотомъ или красками. Стекла въ окнахъ обыкновенно были круглыя, зеленыя; бѣлыя, Венеціанскія были большою рѣдкостью. Стѣны покрывались Цареградскими коврами или расписывались картинами и арабесками. Иногда на стѣнахъ изображались портреты Польскихъ королей, но чаще—предковъ владѣльца палаццо или замка. Покрывали также стѣны парчею, атласною или бархатною матерією, или же шпалерами съ историческими изображеніями (гобеліны). На стѣнахъ висѣли зеркала, сначала металлическія, а потомъ стеклянныя. У оконъ были занавѣси, марезы и ставни. Мебель подъ цвѣтъ обоевъ была самая разнообразная; аптечки, шкапы, столы, лавки съ матрацами, кресла, стулья, диваны, этажерки съ дорогою посудою и разными бездѣлушками изъ кипариса и слоновой кости, башенки съ часами, бившими или игравшими. На каминахъ и столикахъ (иногда мраморныхъ) стояли дорогіе подсвѣчники и жирандоли; на потолокъ висѣло люстро. Столы и полъ покрывали Турецкими, Персидскими и Англійскими коврами. Широкая роскошная лѣстница вела въ женскую половину, отдѣланную съ меньшею роскошью.

Необходимую принадлежность палаццо составлялъ садъ, въ которомъ разводились рѣдкія заграничныя растенія и цвѣты. Такіе сады назывались *wiridarze* или *dziarduny* (съ Итальянскаго *giardino*). Они украшались фонтанами, каскадами, бюсками, бельведерами, гротами, руинами и т. п. Дубовый заборъ отдѣлялъ цвѣточный садъ отъ фруктоваго. Съ другой стороны палаццо былъ рыбный

прудъ, обруженный липами, а при немъ иногда роща съ множествомъ птицъ, зайцевъ, кроликовъ, сѣрни и оленей ¹⁾.

Въ немногихъ словахъ Рей ²⁾ описываетъ наружность замка: «Увидѣль на горѣ замокъ особенной красоты: съ высоты онъ блестялъ, какъ цвѣтокъ. Какія правильныя крыльца! Какія прекрасныя башни! мастерски расположенныя, одна другую стережетъ. На позолоченныхъ шпиляхъ скрипять флюгеры—точно музыка играетъ...»

А нѣсколько ниже онъ такъ изображаетъ домъ простаго шляхтича: «Подошли къ дому: онъ былъ огороженъ, и за приличнымъ заборомъ были насажены деревья — каштаны, фиги, померанцы, сливы, персики. Между ними стоятъ красивыя розы, бѣлыя и красныя,—а далѣе красуются огурцы, арбузы и разныя ягоды. Посреди течетъ ручеекъ, окаймленный зеленою травкою. По деревьямъ летаютъ фазаны, а цыплята, какъ муравьи, подъ ними копошатся. Скачутъ кролики и зайчики. Подъ самымъ заборомъ течетъ красавица-рѣка, переливаясь по камнямъ золотою струею. Плаваютъ по ней рыбки и, преслѣдуя червяковъ, скачутъ на зеленые кустарнички. Вошли потомъ въ домъ: всего полно, вездѣ чистота. Стоитъ опрятная кровать, покрытая одѣяломъ, а за нею въ головахъ *lilium convalium*. На столѣ лежатъ книжки и стоятъ часы».

Въ другомъ мѣстѣ Рей подробно описываетъ панскій садъ и внутренность панскихъ покоевъ ³⁾: мы не будемъ вслѣдъ за поэтомъ перечислять всѣ растенія, большею частью—рѣдкія, которыя украшали панскій садъ; пройдемъ молчаніемъ заморскихъ птицъ и животныхъ, содержавшихся для панской потѣхи; остановимся только на постройкахъ. «По угламъ чудныя бесѣдки, построенныя съ большими издержками. Онѣ украшены рѣзными изображеніями изъ кипариса и слоновой кости въ новомъ вкусѣ. Мебель изъ дорогаго дерева съ мозаикою изъ камней и жемчуга. Полъ изъ серебряныхъ досокъ, покрытыхъ лазурью, а потолокъ въ дивныхъ цвѣтахъ весь позолоченный. Шпалеры на стѣнахъ изъ серебра, изъ золота, такой чудной работы, что въ глазахъ рябитъ. На нихъ изображены Ахиллесы, Парисы, Язонъ, Гекторъ, Улиссъ и Пріамъ, Елена въ драгоценной одеждѣ, Дидона, Пенелопа, прекрасная Эксиона. Какъ живые, они стояли предъ очами удивленнаго зрителя. Разныхъ видовъ столы, дорогіе буфеты были украшены дорогими камнями и разно-

¹⁾ L. Gołębiowskiego, «Domy i dwory» (Warszawa 1830) str. 7—27, 145—156.—W. Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow i zwyczajow», t. II, str. 231—240.

²⁾ «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (Krakow, 1558), Rozdz. VI, 64—65. ³⁾ Ibid. Rozdz. III, 23—25.

образною позолотою. Тарелки, миски, ложки изъ чистаго хрустала, а кораловыя вилки оправлены въ золото. Куда ни помотришь, вездѣ блестяло...»

По словамъ Петра Збылитовскаго ¹⁾, стѣны съ верху до низу и даже камни покрывались дорогими коврами; кровати были на винтахъ, перины атласныя, а подушки изъ золотой парчи. -

Еще больше роскоши было въ одеждѣ, и это съ отдаленнѣйшихъ временъ. По свидѣтельству перваго Польскаго лѣтописца, Мартына Галла ²⁾, паны и пани при дворѣ Болеслава Храбраго носили дорогія одежды и шубы, крытыя парчею; паны украшали шеи тяжелыми золотыми цѣпами, а золотыя украшенія пань были такъ тяжелы, что ихъ должны были поддерживать, чтобъ онѣ не упали подъ тяжестью металла. Въ правленіе Альбрехта и Александра Ягеллончика еще болѣе развилась роскошь въ одеждѣ: носили длинныя одежды изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, драгоценныя шубы, и отпускали длинные волосы. Позже (съ 1515 г.), въ подражаніе Татарамъ, стали носить короткія одежды. Польскіе короли изъ иностранцевъ (Вячеславъ Чешскій, Лудовикъ Венгерскій, Степанъ Баторій) и кровные Поляки на иностранныхъ престолахъ (Владиславъ Варненчикъ и сынъ Казимира Ягеллончика), путешествія молодыхъ людей за границу и служба Поляковъ при иностранныхъ дворахъ—развили въ Польшѣ страсть къ иностраннымъ одеждамъ, преимущественно Итальянской, Французской и Испанской. Заимствовали одежду даже у непріятелей (Турокъ, Волоховъ, Татаръ) на память о побѣдахъ, одержанныхъ надъ ними. Сигизмундъ-Августъ любилъ одѣваться по-Испански; Степанъ Баторій распространилъ въ Польшѣ Мадьярскую одежду. Только Нѣмецкая одежда возбуждала въ Полякѣ отвращеніе, и въ Бохнѣ простолюдинъ до сихъ поръ говорить:

Nie cуń gzechu niecystego,
Staez się stroju Niemieckiego ³⁾.

Объ одеждѣ Польской шляхты въ XVI вѣвѣ современники-Поляки и иностранцы, описывавшіе Польшу, оставили нѣсколько любопытныхъ извѣстій.

Янъ Красинскій въ «Описаніи Польши», посвященномъ

¹⁾ «Zehadzka ziemiańska» (первое изданіе въ Краковѣ 1605 г.), по изд. Туровск., стр. 26. ²⁾ Lib. I, cap. 6, 12, 16.

³⁾ Gołembowskięo, «Ubiory w Polsce» (Krakow, 1861), str. 7.

Генриху Валуа въ 1574 году ⁴⁾, говорить: «Шляхта и паны носить весьма дорогія одежды изъ парчи, обшитой перлами, подбитой собольимъ или куньимъ мѣхомъ, съ отворотами, шитыми серебромъ и золотомъ. На пальцы одѣваютъ серебряные позолоченные и золотые перстни съ жемчугомъ. Весьма дорогіе кривые мечи, называемые Персидскими саблями, въ серебряныхъ или золотыхъ ножнахъ, припоясываютъ къ боку; ножны и рукоятки украшаютъ драгоценными камнями».

По словамъ другаго современника, Мартына Кромера ⁵⁾, одежда у Поляковъ чрезвычайно разнообразна. Многимъ нравится иностранная одежда. Съ недавняго времени женщины стали носить мужскіе плащи. Замужнія носятъ на головѣ кисейныя или газовыя покрывала, а дѣвушки по старому обычаю ходятъ съ открытыми головами, украшая ихъ золотыми, жемчужными и шелковыми повязками и вѣнками цвѣтовъ; но теперь женщины, подобно мужчинамъ, стали носить на головѣ шелковыя шапки, отороченныя мѣхомъ. Нѣсколько далѣе (стр. 76) Кромеръ говоритъ: «Вошло въ обычай одѣваться не только въ иностранныя сукна и мѣха, но также въ шелкъ и пурпуръ и украшаться серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями. Примѣру богатыхъ пановъ страстно подражаютъ шляхта и мѣщане».

Бывшій на Польской службѣ при Степанѣ Баторіѣ, Итальянецъ Александръ Гваньини ⁶⁾ говоритъ: «Поляки носятъ одежду различныхъ народовъ, въ особенности же Итальянцевъ,

⁴⁾ Впоследствии секретарь Степана Баторія; умеръ въ 1592 году. Его «Polonia» издана въ 1574 г., въ Болоньѣ, гдѣ онъ въ то время учился.—Польскій переводъ Будзинскаго (Варшава, 1852), стр. 21.

⁵⁾ «Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae» (Coloniae, 1577). Lib. I, pp. 63—64. Знаменитый Польскій историкъ и дипломатъ, Мартынъ Кромеръ (1512—1589) учился сначала въ Краковской академіи, а потомъ за границую (въ Германіи и Италіи). По возвращеніи на родину получилъ мѣсто секретаря короля Сигизмунда-Августа, который въ 1552 году пожаловалъ его въ шляхтичи и далъ ему Варминскую канонию. Съ тѣхъ поръ онъ принялъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и нѣсколько разъ былъ отправленъ посломъ къ заграничнымъ дворамъ (къ папѣ Павлу III, императорамъ Карлу V и Фердинанду) и на Тридентскій соборъ. По смерти извѣстнаго кардинала Гозія, былъ назначенъ Варминскимъ епископомъ. Славился ученостію и дипломатическими способностями. Въ 1555 году въ Базелѣ онъ издалъ свою исторію Польши «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX». Она доведена до 1506 года и отличается критическими приѣмами и образцовымъ языкомъ. Другое его сочиненіе «Polonia» (Описание Польши и ея жителей) издано въ первый разъ въ Кельнѣ въ 1577 г.—Кромеръ оставилъ также много политическихъ рѣчей и посланій и сочиненій богословскихъ (противъ Лютерана). См. о немъ монографію Киприана Валевскаго: «Marcin Kromer» (Warszawa 1874)

⁶⁾ «Sarmatiae Europaeae descriptio» (Cracoviae, 1578). Poloniae descriptio f. 77 r°.

Испанцевъ и Мадьяръ (одежда этихъ послѣднихъ наиболѣе распространена); иные одѣваются по-Нѣмцамъ, по-Турецки, по-Московски и по-Чешски; ибо, странствуя по разнымъ, даже отдаленнымъ странамъ, они заносятъ въ отечество чужіе обычаи».

Другой Итальянецъ, Антонъ Граціани въ жизнеописаніи кардинала Коммендони¹⁾, бывшаго папскимъ легатомъ въ Польшѣ: подъ конецъ правленія Сигизмунда-Августа и при Генрихѣ Валуа, также свидѣтельствуетъ о разнообразіи одежды Польской шляхты: «одни носятъ народную одежду, другіе—Мадьярскую, Татарскую, многіе—Итальянскую, нѣкоторые—Французскую. Одни съ луками, стрѣлами и кривою саблею, другіе съ копьями и щитами, иные въ панцыряхъ и шлемахъ; немногіе тяжело вооружены, почти всѣ составляютъ легкую конницу. У нѣкоторыхъ были бритыя головы, у другихъ стриженныя, у многихъ были отпущены длинныя волосы; у однихъ была длинная борода, у другихъ бритые подбородки и длинныя усы. Разнообразіе одеждъ, голубыя, зеленыя и красныя платья, дорогіе мѣха, блестяшіе шелкомъ и золотомъ, поражали взоръ зрителей».

Менѣе обстоятеленъ въ описаніи одежды Польской шляхты Юлій Руджери, состоявшій нунціемъ папы Пія V при дворѣ короля Сигизмунда-Августа съ 1566 по 1568 годъ²⁾: «Вся шляхта одѣвается богато въ разноцвѣтныя платья, преимущественно Мадьярскія, иногда Итальянскія, не только изъ шелка, но также изъ парчи, подбитыя дорогими мѣхами».

Венеціанскій посолъ, Геронимъ Липпимано, возвратившись изъ Польши въ 1573 году, въ представленной имъ въ Венеціанскій сенатъ реляціи³⁾ говоритъ, между прочимъ, объ одеждѣ

¹⁾ Польскій переводъ въ изданіи Нѣмцевича: «Zbiór pamiętnikow historycznych o dawnéj Polsce», t. I, str. 249.

²⁾ «Relatione data al S. S. N. papa Pio V da monsig^r Giulio Ruggieri protonato apostolico ritornato nuntio di S. S. dal serenissimo rè di Polonia nell' anno 1568». (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, стр. 10): «Usano nondimeno li nobili tutti di andare riccamente vestiti, et de varii colori, con habiti per il più all'Ungaresca, benchè alle volte vestano ancora all'Italiana, con drappi non solo di seta, ma d'oro ancora e fodre di pelle molto honorate». — Польскій переводъ изд. Рыкачевскаго, «Relacye nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce 1548—1690 г.», t. I, str. 170.

³⁾ «Relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomano l'anno 1575». (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, листъ 12): «Vestano tutti li nobili pomposamente, e non solo di seta, ma d'argento ancora e d'oro, usando le fodre di perle preziose, ed abiti alcuni all'Italiana, ma per il più all'Unghera, siccome si radano il capo alla medesima usanza, costumando scarpe ferrate, e portando l'estate berretini alla Schiavona, e l'inverno di veluto o d'altro panno fodrati di pelle, adornandoli d'oro e d'argento, con le staffe d'argento, mostrando l'istessa pompa nelle scimitare ed in gran spadoni,

шляхты слѣдующее: «Вся шляхта одѣвается роскошно, не только въ шелкъ, но также и въ серебрянную и золотую парчу, и украшаетъ одежду драгоцѣннымъ жемчугомъ. Нѣкоторые носятъ Итальянскую одежду, но большая часть—Мадыарскую. Подобно Мадыарамъ, брѣютъ голову. Сапоги подковываютъ. Лѣтомъ носятъ шапки Далматинскія, а зимою изъ бархата или другой матеріи отороченныя мѣхомъ, съ золотыми и серебряными украшениями. Съ такою же роскошью украшаютъ сабли и огромные палаши, которые носятъ за ними ихъ слуги....»

Приведемъ, наконецъ, свидѣтельство извѣстнаго Французскаго историка, De Th'ou ⁴⁾. Онъ такъ описываетъ одежду Польскихъ пословъ, прибывшихъ въ Парижъ къ Генриху Валуа: «Парижане съ удивленіемъ смотрѣли на такихъ видныхъ мужей. Ихъ благородный и нѣсколько гордый взглядъ, ихъ сановитость, длинныя и густыя бороды, соболя шапки, мечи, украшенные драгоцѣнными камнями, сапоги съ серебряными подковками, луки, колчаны—все приводило въ удивленіе и очарованіе».

Лучшій комментарий къ сообщеннымъ нами извѣстіямъ современниковъ находимъ въ произведеніяхъ Польскихъ поэтовъ и публицистовъ. Бѣда тому государству, въ которомъ размножится и крылья распуститъ корыстолюбіе, говоритъ Рей ⁵⁾; ибо вмѣстѣ съ нимъ возсѣдаютъ несправедливость и грабительство. И какъ-же всему этому не размножиться при нашихъ издержкахъ, при нашихъ излишествахъ въ питѣѣ, въ ѣдѣ, въ посудѣ, въ одеждѣ и въ экипажахъ,—для иныхъ и названія не приберешь. «Если вспомнишь дивныя чухи ⁶⁾, фальзарухи ⁷⁾, страдіотки ⁸⁾, делія ⁹⁾ съ дивными воротниками, жупаны ¹⁰⁾, различные вымыслы Итальян-

che si fano portare dietro da loro servitori...» Въ напечатанномъ Рыкачевскимъ Польскомъ переводѣ (op. cit. I, 251—252) есть значительныя ошибки и пропуски.

⁴⁾ Niemcewicz, «Zbior pamiętn. histor.» t. I, str. 231.

⁵⁾ «Żywot poszeiwego człowieka» (Краков. изд. 1538 г.), kn. II, kap. VI, II. 57—58.

⁶⁾ Czuchy—шуба, крытая иногда красною кашкою. Въ нихъ щеголяли молодые люди и пани. Ксендзы носили Турецкія шубы вмѣсто реверенды (Стрыковский). Чуха до сихъ поръ въ употребленіи у Карпатскихъ Лемковъ (см. «Славянскій Сборникъ», томъ I, 37).

⁷⁾ Неизвѣстно, какой родъ одежды. Упоминается только Реемъ. Быть можетъ также, что falzuga—длинная Турецкая одежда.

⁸⁾ Родъ куртки, употреблявшійся для верховой ѣзды.

⁹⁾ Делія, у Турокъ телей,—плащъ съ широкими рукавами, подбитый рысьимъ или инымъ мѣхомъ, съ огромнымъ мѣховымъ воротникомъ. Чъмъ больше былъ воротникъ, тѣмъ пышнѣе считался нарядъ.

¹⁰⁾ Стародавняя Польская одежда, почетная, въ употребленіи до сихъ поръ кое-гдѣ у простолудинновъ.

скіе и Испанскіе, дивныя плащи, саяны ¹⁾, колеты ²⁾, оберцухи ³⁾, становится страшно о нихъ говорить: иныхъ назвать и заказать себѣ не умѣешь, а только прикажешь портному, чтобы сшилъ модное платье. И я слышалъ, что въ иностранныхъ краяхъ, когда случится нарисовать каждый народъ, изображаютъ Поляка нагаго съ ножницами въ рукахъ и кускомъ сукна передъ нимъ—крой себѣ, какъ хочешь! А сколько дивныхъ понталиковъ ⁴⁾, феретовъ ⁵⁾, эмалевыхъ цѣпочекъ, пестрыхъ беретовъ ⁶⁾ съ различными бубенчиками ⁷⁾. Есть такіе, что не только на головѣ, но и къ ногамъ привѣшиваютъ эти понталы и фереты. Кто-же можетъ достаточно удивиться этимъ чуднымъ вымысламъ, отыскивая которыя, мы исколесили землю и море, чтобы присвоить ихъ себѣ? А посмотри, сколько блага Божія тратится на эти золоченныя нитки, на эти форботы ⁸⁾, на эти теперелли ⁹⁾, на эти ткани и шитья, рисунковъ для которыхъ не можетъ уже болѣе выдумывать художникъ. Кто могъ-бы перечислить и запомнить всѣ эти различныя петлицы, строчки, затѣйливыя пуговицы и дивныя шпуръ съ кистями? Если бы десять покроевъ выдумалъ въ одну недѣлю, все-таки каждый найдетъ своихъ поклонниковъ. Если будетъ платье съ большимъ воротникомъ по самый поясъ, то скажутъ: хорошо, красиво и удобно—и отъ вѣтра можно прикрыться, и спина не такъ почувствуетъ палочный ударъ. У другаго платья не будетъ воротника и на палецъ,—все таки хорошо: можно свободно оборачиваться на всѣ стороны, и воротникъ не будетъ кусать шею. Если платье съ длинными рукавами, иногда съ тремя, все-таки хорошо: придаетъ важности, когда ѣдешь на лошади, а рукава раздуваются. Если у платья рукава до локтя, все-таки хорошо: движенія свободнѣе и легче сѣсть на коня. Если платье будетъ длинное до земли, все-таки хорошо: кажешься рослымъ, идешь-ли пѣшкомъ, ѣдешь-ли верхомъ, и вѣтеръ не такъ гуляетъ около колѣнъ; если будетъ короткое—по поясъ, все-таки хорошо: чувствуешь себя легче и сво-

¹⁾ Saja n—Итальянская куртка на распаху.

²⁾ Kolet—короткая одежда изъ лосей шкуры для верхней вязды.

³⁾ Obercuch, съ Нѣмецкаго,—верхнее платье, распущенное или шнурованное.

⁴⁾ Pontal, pontalik—серебряныя и золотыя украшенія въ родѣ бусъ на шеѣ, въ ушахъ и на платьѣ.

⁵⁾ Feret, fereta—пряжка изъ золота или серебра.

⁶⁾ Bieret, biret—старинная рогатая шапка первоначально духовенства и академиковъ, а впоследствии также женщинъ и мужчинъ вообще, даже Жидовъ (желтыя).

⁷⁾ Czętki, cętki—бубенчики металлическіе, янтарные и стеклянные.

⁸⁾ Forbot—кружева, вывозившіяся преимущественно изъ Голландіи бывали даже золотыя и серебряныя. ⁹⁾ Terperelle, treperelle—жабѣ.

боднѣ пѣшкомъ и на конѣ. Если будутъ шпоры въ пол-локтя, также хорошо: красивѣ кажешься на лошади и легче на ней держаться; если будутъ такія, что едва замѣтны на пяткахъ, также хорошо: и легче, и въ травѣ не завязнешь, если лишишься коня. Я увѣренъ, что если-бы кто приставилъ себѣ ко лбу позолоченные рога, то и это нашли-бы также хорошимъ, потому что все хорошо, что появилось сегодня и чего мы не видѣли вчера. А сколько будетъ стоить это хорошее, спросите у кошелька—пусть онъ отвѣтитъ. Одна работа стоить теперь столько, сколько прежде вся одежда порядочнаго шляхтича и его челяди».

Такою роскошью въ одеждѣ отъ богатыхъ пановъ заразилась шляхта средней руки, говоритъ Рей въ другомъ сочиненіи, изданномъ десятью годами раньше ¹⁰⁾: подобно панамъ, она украшается рубинами и жемчугомъ, одѣвается въ атласъ и парчу, хотя бы пришлось для этого заложить жиду свою деревеньку.

На страсть Поляковъ подражать въ одеждѣ иностранцамъ, преимущественно итальянцамъ, жалуется Мартынъ Бѣльскій въ извѣстной уже читателямъ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ ¹¹⁾». «Когда глухие Поляки не обращаютъ вниманія на дороговизну, пусть продаютъ (Нѣмцы и Итальянцы) какъ можно дороже. Будь самое дорогое платье, скажи только—Итальянское, и Полякъ купитъ, хоть-бы пришлось подъ залогъ занимать. Пока Поляки не знали этихъ итальянцевъ, до тѣхъ поръ давали хорошій отпоръ неприятелю. А нынѣ самый ничтожный шляхтичъ считаетъ нужнымъ ѣхать въ Италію—посмотрѣть свѣтъ, хотя-бы долженъ для этого заложить вотчину. А вѣдь это народъ изнѣженный, ибо въ маскахъ ходитъ, и въ военномъ дѣлѣ намъ не наставники. Прежде, у насъ этихъ итальянцевъ не бывало: они занесли къ намъ Французскую болѣзнь (francsa), мускусъ и салатъ. Эти широкіе панталоны (pludgy ¹²⁾, чулочки, горчицу недавно къ намъ принесъ гордый Итальянскій народъ».

Далѣе поэтъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ то-варяхъ, продававшихся въ его время въ суконномъ ряду (sukien-нице) въ Краковѣ ¹³⁾. «Если пойдешь въ тотъ прекрасный сукон-ный рядъ, то тамъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ ¹⁴⁾ прозвали дорогое Итальянское сукно, чтобъ лу-

¹⁰⁾ «Wizerunek żywcą człowieka poczciwego» (ed. 1558), Rozdz. II, 15—16. Cnf. Y, 53 r°. ¹¹⁾ «Dwie rzadkości bibliograficzne», str. 19.

¹²⁾ Pludgy—заимствованный не отъ итальянцевъ, а отъ Шведовъ.

¹³⁾ Ibid. 19—21.

¹⁴⁾ Съ Нѣмецкаго fein-Holländisch, тонкое Голландское сукно.

каво сводить съ ума бѣдныхъ Поляковъ. Другое сукно для прелатовъ—зовуть Итальянцы *per cento*, чтобы побольше выманить денегъ. Навозили котныровъ ¹⁾, чтобы обрѣзывать кошельки: купите, милые Поляки, есть въ чемъ показаться; а купивши, щипли по перышку съ барвы, продай за это платье старыхъ воловъ и овецъ: есть еще у насъ, слава Богу, иной скоть. Куда вы дѣли стаметы ²⁾, двойные кольтрыши ³⁾, Мехельнскія ⁴⁾, Амстердамскія, Фламанскія сукна? Все это вы промѣняли на болѣе дорогія, за которыя Нѣмцы деруть съ васъ Польскіе золотые.... Пойдеш ли черезъ суконный рядъ на рынокъ, кричить торговца: купите, баринъ, брыжи; есть у меня двойная китайка, тонкое полотно; скажите только, что вамъ нужно....»

Вслѣдствіе страсти къ роскоши и предпочтенія иностраннаго своему родному настала страшная дороговизна на всѣ товары и развилось мошенничество купцовъ: что прежде стоило два гроша, продавали за 30, и при томъ низшаго качества.

«Но вернемся къ шляхтѣ, продолжаетъ поэтъ. Какая расточительность! Хотя много въ крюкъ свели годы, все-таки онъ хочетъ перещеголять другаго въ одеждѣ, имѣть Турецкаго коня, золоченую сбрую. Чтобы справиться для своего коня серебряную упряжь, онъ заложитъ деревеньку съ усадьбою. Его Турецкое платье должно быть до земли; Венгерскіе полусапожки (*сізпу*) и огромныя шпоры настали въ наши лѣта. Огромный воротникъ на кудомъ платьѣ прикрытъ шапкою: вѣтеръ и сзади, и сверху поддуваетъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Польшѣ настали эти огромные воротники, перевелись у молодыхъ людей денежки (*halerze*, нѣмецкое *Häller*, мелкая монета): воротникъ больше стобитъ, чѣмъ все платье. У иныхъ висятъ они до колѣнъ: ихъ оставляютъ въ наслѣдство женамъ вмѣсто недолговѣчныхъ полей....»

А женщины?—«Что за дива строятъ,—людей не стыдятся, Бога не боятся! Принялись читать книги, оставили веретено: отъ того такъ вздорожало у насъ полотно на рубахи. Какіе роскошные наряды каждый годъ вымышляютъ,—удивительно, какъ мужья это допускаютъ. Если нѣтъ своихъ платьевъ, идѣ занимается.... Ибо онѣ сто разъ въ день перемѣняютъ наряды, а если нечего перемѣнить, притворится больною и лежитъ до вечерни.... Всѣ шляхтянки хотятъ имѣть кружевные рукава, хотя-бы пришлось зало-

¹⁾ Ворсъ на сукнахъ. ²⁾ Легкая шерстяная матерія.

³⁾ Простое сукно. ⁴⁾ Изъ города Мехельна въ Голландіи.

жить деревню. Юнкеры ⁵⁾, салтарелле ⁶⁾, ментлики ⁷⁾, индераки ⁸⁾ приводят несчастныхъ людей въ разореніе.... Посмотри-жь, что стобить жемчужная рубашка, а на перстень и золотую цѣпочку идетъ послѣдній грошъ....»

Замужнимъ подражаютъ дѣвушки: онѣ отправляются по воскресеньямъ на балъ въ атласъ; подъ тяжестью золотыхъ цѣпей едва могутъ ходить; зашнурованы такъ, что едва дышать.

До насъ дошла весьма ѣдкая сатира Петра Збылитовскаго ⁹⁾ на страсть Полежъ къ роскошнымъ иноземнымъ нарядамъ. Она начинается такъ: «Что со мною дѣлается? куда и занесенъ? Во Францію, въ Италію, или въ инныя страны? Вѣдь ты, сосѣдшка, просилъ меня къ себѣ на свадьбу, а я вижу удивительные наряды въ здѣшнемъ женскомъ кружкѣ и не замѣчаю тутъ ни одной Польки. Не знаю, кому кланяюсь, кого угощаю. Вотъ тамъ сидитъ Венеціанка, а тутъ—въ одеждѣ Испанской страны; тамъ, вѣроятно, Французенка, а тутъ—въ нарядѣ Нидерландскомъ или Флорентинскомъ. Одна прикрѣпила себѣ къ темени прозрачное покрывало.... другая одѣла на голову блестящую корону, шляпу съ перьями, съ которой ниспадаетъ великолѣпное покрывало, а высоко на лбу стоитъ кудрявая мушка ¹⁰⁾—настоящая чужеземка; третья пришила на голову какіе-то воротнички (kreziki) и проткнула ухо жемчужнымъ кольцомъ: жаль, что у носа она не привѣсила чего-нибудь — цѣнную жемчужину, или дорогой рубинъ! На шеѣ ожерелье изъ драгоценныхъ алмазовъ: какъ выносить шея такой жесткой гальсбандъ! У той на шеѣ настоящая сѣтка, у другой Фламандское, у третьей газовое покрывало. Одна спустила его на плечи, а другая подставила подъ него серебряный обручъ. А та, посмотри, что въ углу, какой воротникъ одѣла на шею: концы его спустились до самаго пояса. Ну а та въ дорогомъ платьѣ ужаснаго покроя: кругомъ—хоботы ¹¹⁾ не дадутъ ей пошевелиться; шесть рукавовъ виситъ у нея, она усыпана жемчугомъ и разными драгоценностями. А какъ ту охватилъ Португальскій нарядъ! мнѣ даже больно смотрѣть на нее. А когда наклонится, всѣ ноги видны....» Далѣе въ числѣ жен-

⁵⁾ Неизвѣстный нарядъ, неупоминаемый Голембѣвскимъ. Вислоцкій производитъ отъ Латинскаго *junge*—едва ли правдоподобно.

⁶⁾ *Saltarella*—извѣстный Итальянскій танецъ. Здѣсь разумѣется одежда, вѣроятно, заимствованная у Итальянокъ.

⁷⁾ *Mentlik*,—съ Нѣмецкаго *Mantel*, плащъ.

⁸⁾ *Inde rak*, съ Нѣмецкаго *Unterrak*, юбка.

⁹⁾ «*Przygana wymyslnym stroiom białołowskiem*» (Krakow, 1603).

¹⁰⁾ *Muszcza kędzierzawa*—вѣроятно, особый головной уборъ, а не мушки, которыя налѣпляли на лице. ¹¹⁾ Расстопыренная юбка.

скихъ нарядовъ поэтъ упоминаетъ высокій биверъ, какъ у Турка, какой-то головной уборъ, называемый *korzufas*, и Испанскій хвостатый козубъ (*Hispański kozub ogonisty*).

По словамъ Андрея Збылитовскаго ¹⁾, нигдѣ въ чужихъ краяхъ нельзя найти такихъ замысловатыхъ нарядовъ, какіе въ Польшѣ. Женщины подражаютъ мужчинамъ. «Одни одѣваются по-Турецки, другіе по-Персидски, третьи по-Татарски, четвертые по-Итальянски (миѣ такія фигуры совсѣмъ не нравятся, такъ какъ онѣ имѣютъ въ себѣ что-то подозрительное); есть такіе, что носятъ козацкое или Московское платье. Одинаково одѣваются паны и ихъ слуги. Одинъ далъ себѣ сдѣлать купый кафтанъ, другой—шаровары, какъ мѣшки, третій—плащъ съ широкими рукавами (телея), четвертый—обрѣзанную делію, въ которой ходитъ, какъ полуоципанннй гусь...»

Збылитовскій, подобно Бѣльскому, осмѣивая страсть къ роскоши и къ иноземнымъ нарядамъ современной ему шляхты, вспоминаетъ старыя времена, когда носили простую народную одежду, но зато имѣли денегъ въ изобиліи и не щадили ихъ на нужды государства.

Объ утратѣ народной одежды скорбитъ и Гурниціѣй; но онъ не имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы возстать противъ модныхъ одеждъ, и совѣтуетъ только держаться въ предѣлахъ умѣренности и не впадать въ излишества и крайности ²⁾. «Нынѣ такъ много у насъ нарядовъ, что нѣтъ имъ числа: Итальянскій, Испанскій, Брауншвейгскій, гусарскій двойкій—старый и новый, козацкій, Татарскій, Турецкій и много иныхъ нарядовъ, которыхъ я не знаю. Кромѣ того, одни брѣютъ бороды и отпускаютъ усы, другіе стригутъ бороду по-Чешски, третьи подстригаютъ по-Испански. И усы носятъ различно: одни спускаютъ внизъ, другіе задираютъ вверхъ. Если-же кто совсѣмъ не стрижетъ бороды, то и этому находятъ оправданіе. Хотѣлъ-бы я знать, что-же лучше? Трудно дать на это отвѣтъ. Было-бы желательно, чтобы дворянинъ одѣвался какъ большинство; но, при необыкновенномъ множествѣ нарядовъ, трудно сказать, который болѣе употребителенъ: при томъ-же мы, Поляки, черезчуръ пристрастны къ иностраннымъ нарядамъ... Не знаю, хорошо-ли это, или дурно, что мы, Поляки, не имѣемъ своего собственнаго наряда: вѣроятно онъ былъ прежде, но потомъ омерзѣлъ намъ, когда мы стали гоняться за модами. Охотни намъ не нравятся, а между тѣмъ они пахнутъ честною и святою свободою Польскою, которая была соединена съ

¹⁾ Ibid. 23—26. ²⁾ «Żywot szlachcica we wsi», str. 7—8.

³⁾ «Dworzanin Polski», ks. II, str. 92—95 (изд. Туровскаго).

здоровьемъ государства, тогда какъ нынѣшніе новые наряды сіяютъ распутнымъ нахальствомъ, — источникомъ всего злаго, которое, сохрани Боже, чтобъ не привело къ Польской неволи...»

«Богъ знаетъ, продолжаетъ авторъ, принесетъ-ли что добраго намъ существующее въ Польшѣ разнообразіе нарядовъ; если же бы разорвали Польшу всѣ тѣ, наряды которыхъ мы носимъ, не знаю, что бы ей осталось. Поэтому нужно просить Бога, чтобы не было у насъ ни столь разнообразныхъ нарядовъ, ни столь дивнаго тщеславія. Возвращаясь-же къ предмету, о которомъ была рѣчь, скажу, что дворянинъ долженъ не уклоняться отъ общепринятаго обычая и одѣваться, сообразно съ своимъ призваніемъ. Если онъ будетъ гусаромъ, то пусть не носитъ огромныхъ воротниковъ и шпоръ (хотя бы находили въ томъ, не знаю—какую, пользу), потому что онъ можетъ быть виднымъ гусаромъ безъ этихъ крайностей. Кому нравится итальянщина, пусть броситъ слишкомъ короткую одежду—саянъ на распашку и одѣвается какъ можно приличнѣе. Прежде все сіяло, а теперь, не знаю почему, вошелъ въ моду черный цвѣтъ—знакъ скорби и печали: хорошо-бы было, если-бы онъ уступилъ мѣсто веселому и блестящему цвѣту, гдѣ это нужно, какъ-то на турнирахъ, на охотѣ, въ маскарадахъ: эти блестящіе цвѣта, если они хорошо расположены, имѣютъ въ себѣ грацію, оживляютъ и веселятъ взоры зрителей. Но, кромѣ этихъ случаевъ, пусть одежда дворянина будетъ не слишкомъ пестра ему слѣдуетъ одѣваться степенно, потому что по одеждѣ судятъ о людяхъ. Не даромъ у насъ говорятъ: *«iako cię widza, tako cię pisza»* (какъ тебя видятъ, такъ тебя и пишутъ) или: *«szalony strój—szalona głowa»* (безумный нарядъ—безумная голова)...»

«Прежде всего дворянинъ долженъ заботиться объ опрятности въ одеждѣ; такая—мужская, а не женская—опрятность должна быть соблюдаема не въ одной какой-нибудь вещи, а во всѣхъ: есть люди, которые выбрѣютъ себѣ голову и вздернуть чуприну, а объ остальномъ не думаютъ; есть и такіе, что, разчешутъ себѣ бороду или одѣнутъ акуратные сапожки и мечтаютъ, что ужъ они щеголи. Есть еще и такіе, что заботятся только о головѣ, чтобы пляпа была съ пряжками, съ красивою запонкою и съ разноцвѣтными перьями. Чѣмъ щеголяютъ они, то кажется не ихъ собственностью, а заимствованномъ у другихъ; ихъ-же собственностью кажется то, что лежитъ на нихъ какъ ни попало...»

Въ томъ, что роскошь въ одеждѣ и страсть къ иностраннымъ нарядамъ имѣла развращающее вліяніе на нравы Поляковъ, согла-

сень съ Гурницкымъ знаменитый авторъ сочиненія «О преобразованіи Польскаго государства», Модржевскій¹⁾). Онъ говоритъ: «Честолюбцы, по большей части, живутъ въ чрезмѣрной роскоши и въ этомъ полагаютъ свою славу: понятно, какъ это вредно дѣйствуетъ на нравы. Какъ они тщеславятся богатствомъ и разнообразіемъ одежды—невозможно передать словами! Одежду, изобрѣтенную по необходимости для защиты отъ холода и жара или для прикрытія ерамныхъ частей тѣла, люди тщеславные и честолюбивые употребляютъ, какъ средство для возбужденія въ другихъ уваженія къ ихъ богатствамъ, знатному происхожденію или къ общественному ихъ положенію: безразсудно они желаютъ, чтобы блеску одежды считали ихъ великими. Стараясь передать матерію честь, должную доблести, они болѣе украшаютъ одежду, чѣмъ самихъ себя. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы не порицать небрежность и неопрятность въ одеждѣ, а чтобы внушить умѣренность и устранить излишнюю роскошь въ одеждѣ, которая, стоя такъ дорого, доказываетъ только пустоту ума, по слову поэта: «vestitum nimio indulges, nimium ineptus es» (ты слишкомъ заботишься объ одеждѣ, потому что ты слишкомъ глупъ). Разнообразіе формъ и цвѣтовъ одежды обнаруживаетъ разнообразіе и непостоянство нравовъ. Развѣ это не безобразіе, что въ одномъ и томъ-же домѣ члены одного и того-же семейства одѣваются различно—одни по-Нѣмецки, другіе по-Итальянски, а третьи по-Турецки, точно они родились въ различныхъ частяхъ свѣта? Но еще безобразнѣе, когда тотъ, кто утромъ ходилъ въ Итальянской шапкѣ, вечеромъ одѣваетъ Турецкую фалшурру, остроконечную шляпу и красныя загнутое сапожки съ желѣзными подковками²⁾). На перья тратится весьма много денегъ безъ всякой пользы и въ огромный ущербъ. Этотъ родъ украшеній простителенъ дѣтямъ, но мужей онъ не до-

¹⁾ «De republica emendanda», lib. I, cap. XXII, p. 74.

²⁾ Въ современномъ Польскомъ переводѣ Елипріана Базилика (1577 г.) слѣдуетъ любопытная вставка, дополняющая Латинскій подлинникъ: «Пять или шесть лѣтъ назадъ (слѣдовательно, послѣ 1570 года), наши (Польяки) стали носить одежды короче, чѣмъ иностранцы, не стыдятся показывать тѣ части тѣла, которыя должны быть закрыты. А такъ какъ природа устроила наше тѣло такъ, что нѣкоторыя части должны быть скрыты отъ глазъ людей, то слѣдуетъ хвалить длинное платье или доходящее до колѣнъ, какъ признакъ стыдливости и скромности; ибо не только женщины, но и мужчины оставивъ приличную одежду, теряютъ стыдъ. Развѣ не мерзко было бы, если бы женщины ходили въ платьяхъ немного ниже шагу? Старая пословица говоритъ: «и opuch niemasz szoła, и któguch wstyd zagasz!». А что-же это былъ бы за человекъ—безъ чела? Итакъ мы должны думать о стыдѣ, стараться заслужить доброе мнѣніе о себѣ и стыдиться взоровъ и сужденій людей». (По названію Туровскаго, стр. 123).

стоинъ. Не знаю, не вредить-ли добрымъ правамъ, что золотыя цѣпи—этотъ знакъ храбрости—носятъ одинаково люди храбрые и трусы. Въ Краагенѣ, во время его независимости, никому иному не было позволено носить перстней, кромѣ тѣхъ, которые отличались въ сраженіяхъ съ непріятелями: сколько кто совершилъ походовъ, столько перстней носилъ. Нынѣ-же настали такія времена, что не только перстни, но и цѣпи носятъ всѣ безъ разбора—не только люди честные, но и сводники, сутяги и ростовщики. Многимъ кажется, что ихъ мало уважають, если они не сіяютъ золотою цѣпью, и чѣмъ она будетъ цѣннѣе, тяжелѣе и длиннѣе, тѣмъ болѣе будутъ ихъ почитать; а на самомъ дѣлѣ это только тщеславіе богатствомъ и признакъ необразованности».

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, надѣмся, читатели могли познакомиться не только съ разнообразіемъ нарядовъ въ Польшѣ XVI вѣка, но также съ взглядомъ Польскихъ писателей того времени на вопросъ объ одеждѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ наше выраженіе: вопросъ объ одеждѣ; но кто поглубже вникнетъ въ то значеніе, какое имѣетъ одежда для народа, легко согласится съ нами, что такой вопросъ не только возможенъ въ наукѣ, но даже имѣетъ важное значеніе общественное и государственное. И это понимали Польскіе писатели XVI вѣка: они понимали, что нарядъ самъ по себѣ, какого бы онъ ни былъ покроя и происхожденія, дешево или дорого стоилъ, не имѣетъ никакого значенія для общества и государства, но что важно его вліяніе экономическое и нравственное на народъ. Всякій можетъ одѣваться, какъ ему хочется и нравится; но если для удовлетворенія его прихоти имѣтъ роскошныя и модныя наряды истощаются его средства, если онъ рѣшается, для приобрѣтенія щегольскаго наряда, заложить Жиду или Нѣмцу деревню, продать необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ скоть, какъ это бывало въ Польшѣ XVI вѣка, если потомъ разорившись онъ старается поправить свои дѣла насчетъ государственной казны или выжать послѣдніе соки изъ своихъ хлоповъ, что тоже было нерѣдко между Поляками того времени,—то цѣлое общество и государство заинтересовано въ томъ, чтобы положить предѣлъ такой пагубной страсти. Вотъ почему Польскіе писатели осмѣивали страсть шляхты XVI вѣка къ роскоши въ одеждѣ, указывали на дурныя послѣдствія экономическія такой страсти и напоминали своимъ современникамъ объ ихъ предкахъ, носившихъ простое платье, но зато располагавшихъ достаточными средствами, чтобы помочь ближнему

или принести свою лепту въ пользу церкви и отечества: «такъ бывало встарину, говорятъ они, а нынѣ шляхта не даетъ, а только беретъ». Такова экономическая сторона вопроса объ одеждѣ; но онъ имѣетъ еще другую—болѣе важную сторону—національно-политическую. И на эту сторону обращали вниманіе Польскіе писатели XVI вѣка: они скорбятъ, что современная имъ шляхта была народный нарядъ и иначе о немъ не вспоминаетъ, какъ съ презрѣніемъ, что подобно ребенку, она съ жадностью кинулась на всевозможные иностранные наряды; они утверждаютъ, что разнообразіе въ одеждѣ порождаетъ рознь въ нравахъ, обычаяхъ, мнѣніяхъ; они высказываютъ даже опасеніе, что зависимость отъ иностранцевъ въ модѣ можетъ кончиться зависимостью отъ нихъ политической, что со временемъ тѣ народы, у которыхъ Поляки заимствовали наряды, разорвутъ Польшу по клочкамъ, такъ что и слѣда ея не останется. Нѣтъ сомнѣнія, что высокомѣрная шляхта съ улыбкою снисхожденія или сожалѣнія слушала подобныя предсказанія; но увы! имъ суждено было исполниться.

Польская шляхта XVI вѣка отличалась роскошью не только въ украшеніяхъ жилищъ и въ одеждахъ, но также въ экипажахъ и лошадяхъ. Она пренебрегала породю Польскихъ и украинскихъ лошадей и разводила иностранныя породы: Арабскую, Турецкую, Татарскую (бахматъ), Трансильванскую (секель), Испанскую (дзянетъ), Нѣмецкую (фризъ), Англійскую и Итальянскую (Неаполитанскую) ¹⁾. Не жалѣя издержекъ на пріобрѣтеніе дорогихъ лошадей, шляхта не скупилась также на сбрую и упряжь, которыя блестѣли золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; сѣдла, чепраки, попоны покрывались бархатомъ, атласомъ и краснымъ Итальянскимъ сукномъ съ разными украшеніями. Лошадь убирала, какъ куклу, въ перья, ленты, цвѣты и металлическіе бубенчики. Красинскій говоритъ, что шляхта ѣздилла на коняхъ богато убранныхъ; ихъ шею и груди покрывали серебряными или золотыми бляхами и дорогими мѣхами; сѣдла-же, головы и хвосты украшены драгоценными камнями; многіе красили лошадей въ различные цвѣта. По словамъ Липомано ²⁾ шляхта украшала лошадей золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; стремяна бывали золотыя.

Экипажи были весьма разнообразны. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны колыбки (kolébka, т. е. колыбель), кораби (ко-

¹⁾ L. Gołębowski ego, «Domy i dwory», str. 164.

²⁾ «Polska», str. 21. ³⁾ «Relazione del regno di Polonia».

рабли) и кочи (Мадьярское kocsí—экипаж вообще). Колыбки были большія и малыя; вмѣсто рессоръ, которыхъ въ то время не знали, употребляли цѣпочки или ремни; онѣ обивались бархатомъ и атласомъ, а у наиболѣе богатыхъ были посеребренные или позолоченныя; подушки были набиты шерстью; покрывала для ногъ дѣлали изъ краснаго атласа. Кареты (кагосе, вывозились сначала изъ Вѣны) большихъ размѣровъ назывались кораблями, а коляски (kolasa) полуоткрытыя—кочи: снаружи онѣ обивались разноцвѣтнымъ атласомъ, а внутри серебряною или золотою парчею⁴⁾. На роскошь въ экипажахъ и лошадяхъ Рей такъ жалуется въ лучшемъ своемъ произведеніи⁵⁾. «Лошадь стоитъ 500 злотыхъ и столько-же сбруя. Какіе хальсбанды (alsz band съ Нѣмецкаго halsband), кисти, бахромы! дивно смотрѣть на эти страшные вымыслы нынѣшняго свѣта... Какія также разнообразныя и чудно раскрашенныя колыбки съ вывѣшанными коврами, съ подушками изъ золотой парчи, съ покрывалами изъ краснаго атласа, съ позолоченными львами! А сколько это стѣитъ, кто считаетъ? Какъ-же при этомъ не размножиться корыстолюбію и грабительству? Какъ-же при этомъ можетъ остаться правда и справедливость? возможна-ли при этомъ беззаботная и веселая жизнь? Доставай, гдѣ хочешь, fas или nefas, чтобъ только удовлетворить страсти къ роскоши и съ другими сравняться, хотя бы пришлось кривить совѣстью и занимать безъ отдачи».

Шляхетскіе экипажи запрягались обыкновенно шестернею, потому что, какъ тогда говорили,

Już teraz tuze m jezdzić i kwatrem i drużę
Tylko tym należę, co źebracko żyję

(т. е. ѣздить въ одну, четыре и три лошади считается теперь приличнымъ только тѣмъ, которые живутъ, какъ нищіе).

Андрей Збылитовскій⁶⁾ говоритъ, что шляхтичъ считалъ «необходимымъ имѣть коляску, внутри обитую телетомъ⁷⁾, а снаружи покрытую бархатомъ, запряженную въ шестерку лошадей. Пажи должны быть одѣты въ дорогой атласъ. Кто-же, спрашиваю, сидитъ въ коляскѣ? Одна только пани въ коронѣ; а я думалъ— королева, потому что шляхтянка не держитъ такъ роскошно убран-

⁴⁾ L. Gołębiowski, o. c. 174—176.

⁵⁾ «Żywot człowieka poczciwego» (ed. 1568), list. 58.

⁶⁾ «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго) str. 7—8.

⁷⁾ Telet, tylet, telej — родъ дорогой матеріи, изъ которой дѣлали платья. Локоть бархата стоялъ 20 талеровъ, парчи 100, а телета 50.

«Славянскій Сборникъ», томъ III, отд. I.

ныхъ пажей, и непристойно ей ходить въ такой коронѣ и впрягать въ коляску такихъ дорогихъ Турецкихъ коней... Богатня украшенія вашихъ колясокъ (в о ч и), обитыхъ дорогими коврами, показываютъ, что у васъ господствуетъ такая роскошь, какой нѣтъ у иныхъ народовъ. Вы болѣе ихъ украшаете, чѣмъ алтари въ костѣлахъ; вы дѣлаете изъ нихъ настоящія Армянскія лавки....»

Но какъ-бы ни были велики издержки на убранство домовъ, на одежду, на лошадей и экипажи, онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что тратилось на содержаніе дворовъ богатой шляхты, устроенныхъ по образцу королевскаго. Безпристрастный наблюдатель современныхъ нравовъ и обычаевъ, Кромеръ ¹⁾ говоритъ, что шляхтичъ иначе не выходилъ изъ дома, какъ въ сопровожденіи свиты (*assedis maribus*), а шляхтянку, кромѣ мужчинъ, сопровождали женщины. Съ этою цѣлью каждый содержитъ въ своемъ домѣ, сообразно со своими средствами, дворъ (*famulitium*): дворьянъ одѣваютъ въ однообразныя и одноцвѣтныя одежды, не щадя издержекъ. Болѣе почетные изъ нихъ сопровождаютъ пана пѣшкомъ, если онъ ѣдетъ верхомъ на лошади или въ экипажѣ въ городѣ или въ предмѣстьяхъ; сенаторовъ же окружаетъ цѣлая толпа на лошадяхъ и пѣшкомъ: передъ ними идутъ болѣе почетные, а за ними и остальные съ пажами. Шляхтянкамъ предшествуетъ мужская свита, а женская слѣдуетъ за ними. При выборѣ дворьянъ и слугъ обращается вниманіе не только на ихъ способности, но также на ростъ, красоту, щеголеватость (*elegantia*) и происхожденіе. Есть много молодыхъ шляхтичей, которые или для личнаго образованія, или по бѣдности, или же для снисканія покровительства за незначительное жалованье, или же даромъ служатъ при дворахъ не только знатныхъ пановъ и епископовъ, но даже равныхъ себѣ, а иногда и низшихъ по происхожденію, особенно же тѣхъ, которые или занимаютъ государственныя должности, или имѣютъ вліяніе при королевскомъ дворѣ, или же отличаются богатствомъ, умомъ и ученостью. Ихъ служба продолжается, пока имъ самимъ и господамъ нравится. Многіе принимаютъ къ своему двору на воспитаніе сыновей даже богатыхъ своихъ родственниковъ и друзей. Съ этою же цѣлью отдаются ко дворамъ и дѣвушки. Такая служба вовсе не считается постыдною и позорною: напротивъ, на нее смотрятъ, какъ на школу жизни. Нерѣдко случается, что тотъ, въ услуженіи котораго находится сынъ, служилъ его родителямъ. Полагаютъ,

¹⁾ «Polonia» (ed. 1576), pp. 87—89.

что такой способ воспитанія имѣеть хорошую сторону, ибо поддерживаетъ равенство между неравными по фортунѣ. Многіе низкаго происхожденія и бѣдные, пройдя эту школу, достигали вышихъ почестей и большихъ богатствъ, благодаря отчасти своимъ способностямъ, отчасти же покровительству своихъ пановъ....»

По словамъ другаго современника, Гваньини ²⁾, шляхта содержать невѣроятное множество дворянъ и слугъ, которые ничего инаго не дѣлають, какъ только сопровождаютъ пана, если онъ куда-нибудь отправляется, или исполняютъ его порученія. Механическую работу дворяне-шляхтичи считаютъ позорною: ее исполняютъ хлопы, содержимые съ этою цѣлью при панскихъ дворахъ. Вопреки западно-Европейскому обычаю, панамъ служить шляхта, большею частью равнаго съ ними происхожденія и воспитанія. Отъ того, когда панъ садится за столъ, садятся вмѣстѣ съ нимъ дворяне въ порядѣ, предписанномъ этикетомъ, занимая иногда три или четыре стола; имъ подають роскошныя блюда въ такомъ количествѣ, что каждый изъ нихъ своею порціею можетъ прокормить еще трехъ слугъ: обыкновенно, наѣвшись досыта, дворянинъ передаетъ блюдо стоящему за нимъ слугѣ. Тотъ дворянинъ считается у Поляковъ лучшимъ, который болѣе пьетъ за здоровье пана. При каждомъ дворянинѣ находится нѣсколько слугъ и пажей, у которыхъ опять есть свои слуги и пажи, и это соблюдается до четвертой степени. Всѣ они получаютъ столъ и жалованье отъ пана. Большая ихъ часть служить только при столѣ. По окончаніи обѣда или ужина, насытившись, они преклоняють колѣна предъ паномъ, снимають шапки и уходятъ, куда хотять. Случается, что слуга три—четыре дня или же цѣлую недѣлю пируетъ въ корчмѣ въ веселой компаніи и не показывается на глаза пану. Рѣдко когда онъ спросить о причинѣ долгаго отсутствія своего слуги, и въ такомъ случаѣ получаетъ отвѣтъ: «весело пилъ за здоровье пана»,— и панъ съ улыбкою поблагодарить его и еще щедро наградить. Когда-то случилось, что одинъ епископъ раздавалъ черезъ своего подскарбія (казначея) жалованье дворянамъ и слугамъ, разставленнымъ въ извѣстномъ порядѣ; въ ихъ ряды втерся какой-то тушеядецъ, который никому не служилъ, а только ежедневно ѣлъ и пилъ за епископскимъ столомъ; слуги пришли въ негодованіе отъ его нахальства и стали ворчать, что онъ, ни кому не служа, желаетъ получать жалованье. Услышавъ это, епископъ спросилъ

²⁾ «Sarmatiae Europae descriptio» (Poloniae descriptio), ff. 78 r° — 79.

его, кому онъ служить и какой родъ его службы. «Вашему преосвященству служу, отвѣчалъ онъ, и усердно исполняю то, что и другіе». Когда-же епископъ спросилъ, въ чемъ состоитъ его служба, отвѣтилъ: «ежедневно два раза за вашимъ столомъ весело ѣмъ и пью». И епископъ разсмѣявшись заплатилъ ему жалованье.

Итальянецъ Фульвій Руджери (Ruggieri), сопровождавшій въ Польшу папскаго нунція, кардинала Коммендони, въ своей реляціи, помѣченной 1565 годомъ¹⁾, говоритъ, что много бѣдной шляхты находится на службѣ у болѣе богатой и что ни одинъ шляхтичъ не принимаетъ къ себѣ въ услуженіе хлопковъ, которые занимаются только обработкою земли... Шляхта живетъ обыкновенно съ большою роскошью, любитъ содержать много слугъ и лошадей, такъ-что многіе шляхтичи имѣютъ ихъ сто и болѣе: слуги сопровождаютъ пановъ въ путешествіи верхомъ на лошадяхъ, а въ городѣ идутъ за ними пѣшкомъ. Сенаторамъ предшествуютъ дворяне, а толпа слугъ сопровождаетъ ихъ; мужчины идутъ передъ панями, а женщины слѣдуютъ за ними. Другой Итальянецъ, Иеронимъ Липпомано²⁾ говоритъ, что шляхта старается держать какъ можно болѣе слугъ и что на роскошное ихъ содержаніе тратитъ болѣе, чѣмъ дозволяютъ средства.

Какъ были многочисленны панскіе дворы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: при дворѣ князя Константина Острожскаго было 2000 шляхты подъ начальствомъ гофмаршала-воеводы, получавшаго ежегодно 70,000 злотыхъ (на нынѣшнія деньги 1,100,000 злотыхъ) за то, что онъ два раза въ годъ—въ торжественныхъ случаяхъ являлся къ нему на службу; у Яна Замойскаго было нѣсколько сотъ нажей, множество шляхты и большое придворное войско; дворецъ Станислава Любомірскаго состоялъ изъ 6000 дворянъ, слугъ и воиновъ, а на войну онъ водилъ 9000 человекъ; у Станислава Яблоновскаго, воеводы Русскаго, было 7000 дворянъ, слугъ и воиновъ³⁾. Естественно, что при столь многочисленныхъ дворахъ должно было соблюдаться извѣстное чиноначаліе. Меньшіе дворы состояли изъ дворянъ и слугъ; при дворахъ знатныхъ пановъ были, кромѣ того, дружина и войско.

Дворяне (dworzanie) служили одному только пану. Между ними бывали богатые шляхтичи, жившіе при панскомъ дворѣ на соб-

¹⁾ «Relacye nuncyuszów apostolskich», t. I, str. 125, 127.

²⁾ «Relazione del regno di Polonia», 1575 (Рук. библ. сн. Марка). У Рычачевскаго въ Польскомъ переводѣ, I, 252.

³⁾ L. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 198, 202. Морачевскаго, «Dzieje Rzeczyposp. Polsk.», t. VI.

ственномъ содержаніи и служившіе только ради собственной своей пользы: ихъ называли панскою дружиною (*drużyna pańska, assistentia*). Менѣе богатые получали содержаніе отъ пана: ихъ называли вообще дворянами. Начальникомъ двора былъ маршалъ (*marszałek*), которому были подчинены дворяне-маршалы. За ними слѣдуютъ старосты, ключники, канцлеры и цѣлая вереница такъ называемыхъ официалистовъ (*officyaliści*), занимавшихся хозяйствомъ пана. Важное мѣсто между дворянами занимали есендзъ-капеланъ, докторъ (часто иностранецъ), гувернёръ панскихъ дѣтей и секретарь, который иногда бывалъ посвященъ въ тайны политики. Въ числѣ дворянъ непрѣменно также находился шутъ (*błazen или stańczyk*), потѣшавшій пана шутками и позволявшій себѣ иногда рѣзкія выходки противъ дворянъ⁴⁾.

День при панскомъ дворѣ начинался слушаніемъ богослуженія въ костѣлѣ, какъ говоритъ Петръ Збылитовскій⁵⁾: «Рано вставши, отправлялись въ костѣлъ помолиться Богу, а потомъ собирались передъ панскимъ покоемъ въ ожиданіи приказаній и порученій пана».

Иногда дворянамъ приходилось долго подпирать своими плечами панскія двери, какъ выражается Андрей Збылитовскій⁶⁾, и они отъ бездѣлья пускали на вѣтеръ пухъ и, какъ лошади, стучали въ землю подковами, брэнча шпорами. Вообще дворяне проводили въ ирразности время, которое могли бы употребить съ пользою для себя и для отечества, и тратили здоровье въ неумѣренныхъ попойкахъ; а потому поэтъ сожалеетъ, что шляхтичи отдають своихъ дѣтей ко дворамъ, вмѣсто того, чтобы приучать ихъ къ сельскому хозяйству⁷⁾.

Не то было въ старину: тогда паны не тратились на роскошную одежду для своихъ дворянъ и награждали ихъ по заслугамъ, а дворяне были дѣятельны, трезвы и здоровы. Такъ противопологаетъ современнымъ дворянамъ дворянъ стараго времени Петръ Збылитовскій⁸⁾: «У каждаго даже незначительнаго пана дворяне

⁴⁾ Ibidem, 203—205.—*Maciejowskiego*, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 241—243, 249—250.

⁵⁾ «Schadzka ziemiańska» (изд. Туровскаго), str. 21.

⁶⁾ «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго), стр. 6:
Nie pragnę ja podpierać cudzych drzwi ramiony,
I biegać za nastużką pańską, jak szalony...
Czupryny wygoliwazy na piórka dmuchali,
Podkówkami jak szkapę w ziemię kołatali,
Ostrogami brząkając...

⁷⁾ Ibid. p. 11. ⁸⁾ «Zchadzka ziemiańska», str. 19—22

такъ одѣты, какъ прежде не бывало: у одного хранится въ ларцѣ цвѣтная дѣля на рысьемъ мѣху, у другаго парчевая на куньемъ или на собольемъ мѣху. Но лучше было прежде ходить въ сѣромъ жупанѣ, въ лосей шкурѣ, или въ старомъ кафтанѣ, потому что паны старались тогда обезпечить каждаго своего слугу на будущее время, смотря по его заслугамъ: они дарили не шелковыя матеріи, а деревни; кто-же менѣе заслужилъ, тому давали хорошее солтыство или войтовство, мельницу или корчму, и эти панскіе дары перешли къ внукамъ, которые понынь хорошо живутъ получаемыми съ нихъ доходами... Въ то время, когда паны такъ награждали своихъ дворянъ, ихъ содержаніе обходилось гораздо дешевле: ихъ одежда не стоила цѣлыя тысячи; значительный шляхтичъ получалъ жалованья двѣ гривны въ кварталъ (три мѣсяца); не подавали на столъ множества блюдъ; бутылку вина ставили только передъ паномъ, маршалу едва давали одну рюмочку, а молодому дворянину ничего. И это не по скупости, а по привычкѣ къ трезвости. Послѣ обѣда бывали приличныя забавы, а не легкомысленные разговоры. Парни отличались передъ паномъ въ верховой ѣздѣ, въ гимнастическихъ играхъ, въ стрѣльбѣ, въ фехтованіи. И зато былъ народъ здоровый и тѣломъ, и умомъ: не нужно было водки для пищеваренія, ни заморскихъ травъ для возбужденія аппетита... И было пріятно пану имѣть дѣло съ такими слугами—исправными, трезвыми, вѣжливыми. А теперь для чиновниковъ у великаго пана настоящее чистилище, особенно-же для старшаго слуги (маршала). Да и самому пану бываетъ бѣда отъ многочисленнаго двора: вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть въ своихъ палатахъ и заниматься важными государственными дѣлами, онъ часто долженъ сердиться на неисправныхъ слугъ. А въ какой бѣдѣ старшій слуга: ни днемъ, ни ночью онъ не имѣетъ покоя. Тѣ ночью подрались, другіе двери выбили, третьи чуть не подожгли панское мѣстечко. Тотъ въ шутку приколотилъ пивничаго, а другой столкнулъ съ лѣстницы эконома. Чтò дѣлать маршалу противъ такого своеволія? Наказать рукою, сохрани Боже; словами не урезонишь пьянаго. Станетъ мирить подравшихся, а разбившихъ двери штрафуетъ... Итакъ, по двумъ причинамъ въ старину каждый богатый панъ держалъ болѣе многочисленный дворъ и такъ щедро награждалъ своихъ слугъ: во-первыхъ, имъ лучше служили, чѣмъ теперь, а во-вторыхъ—легче было содержать слугъ, потому что они отличались трезвостью. А теперь—хорошо это знаютъ имѣющіе въ своихъ рукахъ хозяйство пановъ—какъ

дорого обходится содержаніе панскаго двора, какъ всѣмъ хочется ежедневно пировать, напиваться до безобразія, имѣть весь столъ заставленнымъ блюдами—варенымъ и жаренымъ мясомъ, дичью и тортами: всего этого вдоволь у дружины. Каждый хочетъ имѣть роскошное платье—изъ бархата, атласа и дорогаго пурпура. О, безуміе! лучше было прежде, когда цѣлый годъ ходили въ сѣрой одеждѣ; ибо теперь дворяне тѣмъ и ограничиваются, что пышно одѣваются, попиваютъ вино, приправляютъ кушанья пряностями. И хотѣлъ бы панъ обезпечить своего слугу, чтобы привязать его къ себѣ на долгое время или вѣрнѣе до смерти, какъ это бывало въ старину; но теперь (дворянинъ) едва прослужить четверть года, чтобы дожидаться только шелковаго жупана, и уходить къ другому пану: обдираютъ только пановъ, а сами ничего не имѣютъ...»

Дворяне чиновные, т. е. занимавшіе придворныя должности, не только обдирали, но и обкрадывали своего пана, какъ пишетъ Рей¹⁾. «Этого знатнаго князя зовутъ Зелаторомъ: повѣрь мнѣ, онъ много ломаетъ себѣ голову, чтобы не унижить своего сана, и отъ того онъ такъ блѣденъ. Его замокъ на горѣ называютъ Tumultus: повѣрь, что въ немъ бываетъ не одинъ stultus; ибо гдѣ разбучуетъ своеволие, тамъ изъ костѣла станеть вертепъ разбойниковъ. Изъ тѣхъ двухъ, что ѣдутъ впереди, одного зовутъ Invidus, а другаго Cupidus: это важные дворяне, которые имѣютъ великое попеченіе о цѣломъ замкѣ. По правой рукѣ ѣдетъ панъ Avagus: онъ все загребаеть, что только попадется. Если-бы ты посмотрѣлъ на его совровища, подумалъ-бы, что пришелъ въ домъ знатнаго князя; но ничѣмъ онъ не пользуется, все гниеть въ ожиданіи его смерти. По лѣвой рукѣ ѣдетъ Simulator—сильный пана Procurator. При немъ съ другой стороны Adulator—его племянникъ. Оба получаютъ большіе доходы съ своихъ должностей, какъ всѣ это знаютъ. Того, что несетъ жезль, называютъ Superbia: гордо на всѣхъ смотреть, никого не знаетъ и никто его не знаетъ, только всѣ пальцемъ на него указываютъ, какъ на шута... За нимъ ѣдетъ панъ Привать—первый совѣтникъ: повѣрь, что и онъ имѣеть не мало въ кладовой, потому что, подъ видомъ попеченія о всѣхъ, онъ печется только о самомъ себѣ. Всѣ это знаютъ, но никто не смѣеть доложить объ этомъ пану. А вотъ стороною ѣдетъ панъ Riha—извѣстный нахаль и забіяка, съ искривленною губою, съ выбитыми зубами. За нимъ ведетъ запаснаго коня Козырь—пріятный собе-

¹⁾ «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (изд. 1538 г.), Rozdz. VI, 74—75.

сѣдникъ, который получаетъ иногда пишки на лбу, не смотря на трехъ королей и на трехъ тузовъ. Передъ гвардіею бьетъ въ барабанъ Nugas—парень знатнаго рода, родной племянникъ Симулятора: и онъ не скрывается отъ пирушекъ и, какъ мудрецъ, пользуется, чѣмъ можетъ. Старосту замка зовутъ Забираломъ (Sobiegar-nem): это хитрая голова; онъ постоянно грѣбеть себѣ руки, никогда не упуститъ поживиться, чѣмъ можно, и часто чужой кошелькъ къ нему заблудится. Онъ не думаетъ о справедливости: только-бы нажитья, хотя бы и кривдою. Не мало тамъ иныхъ чиновниковъ—всякаго сброда: каждый хватаетъ, что попадется, и лакомъ до кошелька, какъ ястребъ до падали; ибо корыстолюбіе тамъ въ большой силѣ, и каждый помышляетъ о поживѣ болѣе, чѣмъ о панѣ...»

Конечно, не всѣ дворы были одинаковы: каковы были панѣ, таковы были обыкновенно его дворяне. У пана пьяницы, картежника и развратника дворяне проводили дни и ночи въ кутежѣ и за картами; но были и такіе паны, дворъ которыхъ былъ настоящею школою для молодыхъ людей: тамъ они учились наукамъ и литературѣ, знакомились со свѣтскими обычаями или изучали военное искусство. Такимъ, напримѣръ, былъ дворъ Короннаго канцлера, епископа Краковскаго, Самуила Мацѣвскаго, описанный Гурницкимъ въ его «Дворянинѣ». «У Кракова, надъ рѣчкою Прондникъ, говоритъ онъ, ¹⁾ Самуиль Мацѣвскій, епископъ Краковскій и канцлеръ Коронный, построилъ прекрасный домъ въ Итальянскомъ вкусѣ, между прочимъ, для того, чтобы имѣть гдѣ принимать и угощать иностранцевъ и пословъ великихъ державъ, ибо, занимая высокое положеніе въ государствѣ, онъ долженъ былъ держать открытый домъ, что было не такъ удобно въ самомъ городѣ, какъ въ его окрестностяхъ, и это не для наслажденій или изъ чванства, которымъ онъ гнушался, а ради чести короля и славы Польскаго народа. Для достиженія столь похвальной цѣли, природа щедро надѣлила его необходимыми качествами внѣшними и внутренними: осанка у него была настоящая панская; его приятное лице выражало искренность и добродушіе; онъ отличался проницательностью ума, опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и неутомимою дѣятельностью; въ счастья онъ не былъ гордъ, въ несчастія не падалъ духомъ; но болѣе всего заслуживаетъ похвалы его самообладаніе: онъ не стремился къ приобрѣтенію богатствъ,

¹⁾ «Dworzanin Polski» (изд. Туровск.), str. 10 — 12. (По Варшавскому изданію 1761 г., стр. 1—4).

не расточалъ значительныхъ своихъ средствъ, не былъ грознымъ, имѣя власть, должность свою исполнялъ богобоязненно, жилъ примѣрно, такъ-что никто не зналъ и не слышалъ о какихъ нибудь грубыхъ его недостаткахъ. Человѣческое чувство такъ мудро въ немъ соединилось съ сенаторскимъ достоинствомъ, что нельзя было узнать, что въ немъ преобладаетъ. Онъ былъ настоящимъ паномъ не потому, что былъ богатъ, а потому, что умѣлъ владѣть собою. Этотъ епископъ, какъ второй Сократъ, окружалъ себя людьми честными, учеными и дѣятельными; не жалѣя ни издержекъ, ни стараній на привлеченіе такихъ къ своему двору, который былъ знаменитою школою для шляхты, и жилъ съ ними не какъ панъ съ слугами, а какъ отецъ съ сыновьями, радуясь всякому, кто желалъ провести свою молодость при его особѣ. А такъ какъ онъ постоянно жилъ при королевскомъ дворѣ, то знатнѣйшіе шляхтичи старались быть въ домѣ епископа Мацѣвскаго не гостями, а своими. Тамъ можно было и другихъ послушать, и себя показать въ кругу тѣхъ знаменитыхъ людей, которыми былъ полонъ его дворъ. Глядя на своего пана и удивляясь въ немъ столь великимъ дарамъ Божиимъ, прямотушю, умѣренности, добротѣ, стыдливости, благочестію, всѣ постоянно брали съ него примѣръ, и каждый, кто хоть сдалека могъ приблизиться къ этому идеалу, становился современемъ великимъ человѣкомъ и пользовался любовью согражданъ. Такъ, на примѣръ, доблестный Пржерембскій, который изъ дворянъ Мацѣвскаго сталъ сначала Короннымъ подканцлеромъ, потомъ епископомъ Холмскимъ и, наконецъ, архіепископомъ Гнізненскимъ съ великою для себя честью и славою, заслужилъ всеобщую любовь, потому что къ своимъ природнымъ доблестямъ—къ уму, къ трудолюбію, къ необыкновенной дѣятельности и къ инымъ добрымъ качествамъ—присоединилъ нѣкоторые обычаи своего пана... Я не намѣренъ перечислять тѣхъ, которые изъ школы Мацѣвскаго достигли высшихъ должностей въ церкви и государствѣ, а скажу только, что изъ Троянскаго коня не вышло столько храбрыхъ воиновъ, сколько изъ дома епископа Мацѣвскаго добрыхъ, доблестныхъ и способныхъ людей».

Самъ Гурницкій былъ дворяниномъ Мацѣвскаго; при его дворѣ возникъ въ головѣ Гурницкаго тотъ идеалъ Польскаго дворянина, который онъ представилъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи, столько-же замѣчательномъ по образцовому языку, сколько по тѣмъ даннымъ, которыя въ немъ содержатся для характеристики современныхъ автору дворянъ. Гурницкій жалуется, что дворяне обык-

новенно подражаютъ пану въ томъ, что есть въ немъ дурнаго и смѣшнаго. «При дворѣ графа Гурки, кастеляна Познанскаго, говоритъ онъ ¹⁾, есть дворянинъ, который старается подражать своему пану не въ хорошихъ его качествахъ, а въ произношеніи въ носъ. Вообще-же есть много такихъ дворянъ, которые полагаютъ, что много выиграли, если умѣютъ что дѣлать, какъ панъ; но, желая подражать ему въ обычаяхъ, обыкновенно перенимаютъ то, что достойно въ немъ порицанія». Восхваляя нравы и обычаи дворянъ прежняго времени, Гурницкій ²⁾ скорбитъ, что «между дворянами не только совсѣмъ исчезла братская любовь и порядочная жизнь съ добрыми обычаями, но что даже нигдѣ нельзя найти болѣе зависти, злобы, разврата, измѣны, лицемерія и всякихъ пороковъ, какъ при дворахъ».

«Мнѣ было уже двадцать лѣтъ, говоритъ онъ далѣе ³⁾, жалуюсь на испорченность современныхъ нравовъ,—а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и потомъ еще много лѣтъ я не зналъ, что такое foemina, а теперь мальчишки, дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время взрослые люди». Далѣе Гурницкій излагаетъ правила придворной жизни, почерпнутыя имъ при дворѣ Мацѣевского: дворянинъ долженъ держать себя съ достоинствомъ, избѣгать во всемъ крайностей и постоянно имѣть въ виду честь и славу не только самого себя, но и пана, которому онъ служитъ ⁴⁾; онъ долженъ помнить, что онъ не болѣе, какъ слуга, и что онъ обязанъ любить и чтить своего пана, какъ земнаго бога, и стараться во всемъ угождать ему ⁵⁾; волю пана онъ долженъ исполнять безъ прекословія и безъ лести; изъ угожденія пану онъ долженъ переломить себя и дѣлать даже то, къ чему чувствуетъ отвращеніе; предъ лице пана онъ долженъ являться съ веселымъ челомъ, оставивъ всякую злую мысль дома; онъ долженъ остерегаться сплетенъ и не говорить ничего дурнаго о панѣ, если бы даже былъ имъ обиженъ; пусть онъ избѣгаетъ разврата, не разноситъ новостей; пусть будетъ остороженъ въ разговорѣ, не упорствуетъ, не спорить, не хвастаетъ, а держитъ себя скромно и съ

¹⁾ Ibid. 59—40. ²⁾ Ibid. 68. ³⁾ Ibid. 70. ⁴⁾ Ibid. 73—76.

⁵⁾ Ibid. 83: «Towarzystwo między dworzaninem a panem zda się jakoby żadną miarą być nie mogło; to dla tego, iż sobie są nierówni. Ale jednak tak się to porówna; kiedy dworzanin będzie zawsze na to pamiętał, iż on jest sługą, a pan panem,—k'temu iż pana swego prawdziwe miłować, i we czci, jako ziemskiego boga, mieć będzie, wszystko się stosując k'temu obyczajami, sprsobem życia, chcąc szczerą. aby mu się co najwięcej pobobał».

достоинствомъ; пусть не дозволяетъ себѣ фамильярности въ обращеніи съ паномъ подобно тѣмъ, которые, имѣвъ разъ случай говорить съ какимъ-нибудь знатнымъ воеводою, при встрѣчѣ съ нимъ бѣгутъ къ нему съ ужимками и усмѣшками; пусть ничего у пана не просить для себя и безъ его приказанія не входитъ въ его комнату, а когда панъ позоветъ его къ себѣ, пусть старается развлечь его пріятною бесѣдою и остерегается наскучить ему пустою болтовнею»⁶⁾.

Подобно Гурницкому и многимъ другимъ своимъ современникамъ, Модржевскій⁷⁾ смотрѣлъ на дворъ, какъ на отличную школу для шляхты; но при этомъ сознавалъ, что дворы его времени далеко не соответствовали его идеаламъ. При дворахъ, говорить онъ, есть много молодыхъ людей, которые съ легкостью усваиваютъ себѣ придворные нравы и обычаи, но, къ сожалѣнію, рѣдко съ пользою для себя; ибо при дворахъ господствуютъ тщеславіе, необыкновенная роскошь въ посудѣ, одеждѣ и пирахъ, зависть и интриги, глупость и злоба; дворяне забавляются любовными пѣснями и посланіями, и кто въ нихъ не находитъ удовольствія, того считаютъ дуракомъ; они проводятъ время въ игрѣ въ кости, въ развратѣ и попойкахъ, или забавляются съ шутами, или занимаются сплетнями; они гнушаются не только ремеслами, но и науками. Въ такомъ развращеніи придворныхъ нравовъ Модржевскій винить пановъ, которые, вмѣсто того, чтобы обуздывать и карать молодежь, сами подаютъ ей дурной примѣръ своимъ поведеніемъ.

Говоря о дворянахъ, нельзя забыть шута (błazen, trefnis или stańczyk), который былъ необходимымъ украшеніемъ какъ королевскаго, такъ и панскаго двора. Шутовъ называли и называютъ до сихъ поръ Поляки «станьчиками» по знаменитой, исторической личности, называвшейся этимъ именемъ (Stańczyk уменьшительное отъ Станиславъ) и бывшей придворнымъ шутомъ Альбрехта, Александра и Сигизмунда I. Кохановскій, Гурницкій и Бѣльскій сохранили довольно много образцовъ его остроумія. Хорошо зная всѣхъ при королевскомъ дворѣ, онъ говорилъ, что въ Польшѣ есть только два человѣка, которые не выдадутъ тайны — архіепископъ Гамратъ и епископъ Самуиль Мацѣвскій: первый, ничего не зная, показываетъ видъ, будто-бы все знаетъ, а второй, все зная, притворяется, что ничего не знаетъ. Указывая на пьявки, которыя

⁶⁾ Ibid. 84—86.

⁷⁾ «De republica emendanda», lib. I, cap. VII, pp. 23 — 24 (ed. Basileae 1554).

ставили больному Сигизмунду, Станьчикъ свазалъ: «вотъ настоящіе дворяне и друзья короля». Находясь въ Варшавѣ, онъ замѣтилъ, что почти за каждою панею слуга несъ въ костѣль подушку (на которой становились на колѣни), и, какъ бы не зная назначенія этихъ подушекъ, спросилъ: «развѣ эти пани будутъ спать въ костѣль?» Подобныхъ остроумій Станьчика современники записали довольно много, а это показываетъ, что онъ мѣтко попадалъ въ цѣль. При раздражительномъ Сигизмундѣ-Августѣ онъ впалъ въ немилость, потому что его остроумія иногда попадали въ больное мѣсто короля.

Современникомъ Станьчика былъ шутъ Гонска (Gaška, Гусакъ), дожившій до 80 лѣтъ. Кохановскій почитилъ его эпитафіею, начинающеюся словами:

Już nam, Gaška nieboże, nie będziesz błaznował ¹⁾.

Роль придворнаго шута была не такъ ничтожна, какъ кажется съ перваго взгляда: онъ не только забавлялъ, но въ шутливой формѣ высказывалъ горькую правду самому даже королю; это была совѣсть двора.

Слугъ называли барвою (b a r w a съ нѣмецкаго F a r b e), потому что они носили ливрею одинаковаго цвѣта, именно таковаго, какой принять въ домъ ихъ пана. Старшихъ возрастомъ называли *rascholkami*, младшихъ *rascholętami* и *chłopiętami*. Въ услуженіе брали не только Поляковъ, но и иностранцевъ—Мадьяръ, Турковъ, Татаръ, Козаковъ, Негровъ, Цыганъ и т. д. Мужская прислуга находилась подъ начальствомъ гофмаршала, а женская, называвшаяся фрауцимеромъ, подъ начальствомъ старой пани или экономки. Каждый слуга вписывалъ въ свой реестръ (*rejestr*) обязанности, возложенныя на него гофмаршаломъ, и свыше положеннаго ничего не хотѣлъ дѣлать. Отъ трудной работы каждый отказывался, а на легкую бросалось нѣсколько человѣкъ разомъ. Гурницкій ²⁾ говорить: когда панъ плюнулъ, трое слугъ подтирали его платину,—когда онъ умывался, четверо подавали ему полотенце. Случалось, что изъ многочисленной прислуги не было человѣка, который во время могъ бы услужить пану. Отсюда поговорка: «ка-

¹⁾ L. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 229—241. — Seweryna Gołębiowskiego «Czasy Zygmunta Augusta» (Wilno, 1851), Część II, str. 316—319. — Наружность шута такъ описываетъ Peй («Wizerunek», т. 39): «A za nimi błazenek w kukle a s czepami—Zową go Stulticia, a pas okowany.—Uszy iak u sarny, na nich wiszą dzwonki, — A czepy na pstrym kiju z lisiami (гонки)». ²⁾ «Dworzanin Polski».

zał rap, musiał sam» (панъ приказалъ, а исполнить долженъ самъ ³⁾). Слуги отличались неисправностью, лѣнностью, непослушаніемъ и вели самую распутную жизнь, чему не мало способствовали сами паны. Кромерь ⁴⁾ говорить: «когда пьютъ господа, не воздерживается отъ чарви прислуга. Считается скрягою тотъ хозяинъ дома, который не позаботится о томъ, чтобы слуги его гостей были хорошо накормлены и напоены». Вслѣдствіе щедрого панскаго угощенія нерѣдко происходила драка между прислугою его гостей. Особенно много хлопотъ было съ пажамъ. Маршалъ не сѣкъ ихъ, а сажалъ въ карцеръ (kosz): отъ того ихъ называли koszowemi guseg z a m i ⁵⁾.

Паны разорялись на богатя ливреи для своихъ слугъ. «Такой роскоши не было при доблестныхъ вашихъ предкахъ, говоритъ Андрей Збылитовскій ⁶⁾, она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга (rascholek) не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атласа, дорогаго пурпура и тонкаго Голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты. Поэтому вы на нихъ тратите деревни и города, а иногда и здоровье, и все ваше имущество». Другой Збылитовскій, Петръ ⁷⁾, восклицаетъ: «А какая ливрея у пановъ и шляхты! Теперь дорога, а современемъ будетъ еще дороже. У одного изъ бархата, у другаго изъ атласа, а черезъ годъ будетъ навѣрно изъ драгоцѣнной Турецкой матеріи (altębas). Мѣха куньи и даже цвѣтные рысьи, а для лѣта красивыя шерстяныя пошевки ⁸⁾. И это не только у пановъ, но и у небогатой шляхты. У инаго увидишь до десяти пажей въ атласѣ, иль въ камкѣ. Сравни старыя времена: бывало-ли тогда что-нибудь подобное, щеголяли-ли тогда такъ, какъ теперь? Вспомни самъ, носилъ-ли ты когда такую ливрею, въ какой ходитъ твой сынъ? Какую-жъ награду получалъ прежде дворянинъ отъ пана? Долго онъ служилъ изъ-за сѣраго жупана иль лосей шкуры, да и то прятали въ ларецъ на случай выѣзда».

У каждаго пана было свое войско, называвшееся choągiew padwojna. Оно шло съ паномъ на войну, а въ мирное время ходило на караулъ къ панскимъ покоямъ, сопровождало пана въ путешествіяхъ и въ торжественные дни выходило на парадъ. Въ

³⁾ Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 243—249. ⁴⁾ «Polonia», p. 74. ⁵⁾ Górnicki, «Dworzanin Polski».

⁶⁾ Żywot szlacheica we wsi», str. 6. ⁷⁾ «Schadzka ziemiańska», str. 8—9.

⁸⁾ Poszwa, poszewka—родъ Сербской струки и нашего пхеда.

послѣднемъ случаѣ оно являлось во всемъ своемъ блескѣ, какъ видно изъ словъ Петра Збылитовскаго ¹⁾: «Если ты былъ когда-нибудь на военномъ парадѣ, то видѣлъ, какъ каждый ротмистръ показываетъ свою роту, какъ каждый унтер-офицеръ (towarzysz) выводитъ свой взводъ, какъ каждый красиво сидитъ на своемъ конѣ. Сбруя блеститъ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Виднѣются бѣлые бунчуки. Одинъ накинулъ на плечи дорогую леопардовую шкуру, другой шелковый плащъ. На одномъ дорогой телей, на другомъ чудно вышитая делюра ²⁾. У ногъ блестящій палашь, литая сабля». Въ такомъ-же блескѣ являлось панское войско во всякомъ торжественномъ случаѣ, напримѣръ, при въѣздѣ въ Варшаву иностранныхъ пословъ, при королевской коронаціи и т. д.

Павель Муканте ³⁾, описывая въѣздъ въ Варшаву папскаго посла, кардинала Гаэтано (1596 г.), говорить, что его сопровождали придворные чины и государственные сановники, каждый со своимъ отборнымъ войскомъ. «Впереди ѣхали шесть трубачей. За ними несли большое знамя изъ красной китайки, на которой былъ вышитъ серебряный орелъ. За тѣмъ слѣдовалъ Коронный хорунжий съ 200 всадниками, въ рукахъ у которыхъ были пивы гораздо длиннѣе Итальянскихъ съ красными значками; на нихъ были латы, при боку кривой палашь, верхняя одежда изъ чернаго бархата, сапоги со шпорами, сзади еъ сѣдлу были прикрѣплены два большія крыла изъ огромныхъ птичьихъ перьевъ.

«За ними шелъ другой отрядъ изъ 200 всадниковъ съ вождемъ на челѣ; на длинныхъ копьяхъ развивались значки изъ пунсовой и желтой китайки; зеленые бархатные плащи по краямъ были обшиты золотомъ; у лува сѣделъ были серебряные молотки; съ боку кривые мечи.

«За нимъ вожь вель иныхъ 200 всадниковъ, также съ коньями, въ стальныхъ панцыряхъ съ широкими рукавами изъ золотой сѣтки; плечи были покрыты тигровыми шкурами; у сѣдла серебряные молотки, мечи съ боку. Передъ ними ѣхали два воина, одѣтые по Турецки, въ чалмахъ на головѣ; одинъ держалъ дротикъ, другой лукъ со стрѣлами; ихъ одежда была изъ дорогихъ мѣховъ; у сѣдла висѣла сѣкира. Лошади были убраны въ пунсовый сафьянъ, ши-

¹⁾ «Zchadzka zemiańska», str. 8.

²⁾ Волошская делія или еерезія обыкновенно пунсоваго или краснаго цвѣта.

³⁾ Niemcewicz a, «Zbiór pamiątek w historycznych o dawney Polsce», tom II, str. 153—155.

тый золотомъ. Пять иныхъ отрядовъ въ столь-же роскошномъ вооруженіи слѣдовали одинъ за другимъ.

«За этими отрядами ѣхалъ обер-гофмаршалъ въ черной бархатной одеждѣ съ большимъ гофмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ. На головѣ у него была маленькая Польская шапка; подъ нимъ воиной Турецкій конь. За нимъ шли 50 воиновъ съ копьями, на которыхъ развивались красные значки. Посреди несли бѣлое знамя съ гербомъ гофмаршала. На нихъ были позолоченные панцири, покрытые сзади леопардовыми шкурами; сбоку висѣли мечи ⁴⁾».

На встрѣчу Генриху Валуа, когда онъ вѣзжалъ въ Краковъ, по современному извѣстію ⁵⁾, ѣхали Польскіе паны со своими войсками. Всего было до 32 отрядовъ, каждый приблизительно въ 300 человекъ, вооруженныхъ по-Французски, по-Нѣмецки или по-Мадьярски. Это послѣднее вооруженіе состояло изъ шлема, кольчуги, огромнаго щита до самой головы и копій. Лошади были покрыты медвѣжьей или леопардовою шкурою ⁶⁾. Какъ всадники, такъ и лошади были убраны въ такое множество большихъ перьевъ и, кромѣ того, въ орлиныя крылья, расписанныя золотомъ, что казались скорѣе привидѣніями или масками, чѣмъ воинами. Еще болѣе странный видъ придавали имъ длинныя значки, развивавшіеся на копьяхъ. Музыка состояла изъ трубъ, роговъ и небольшихъ мѣдныхъ барабановъ. Четвертый родъ вооруженія—козацкій: употребителенъ на Литвѣ и Руси. Онъ состоитъ изъ пистъ и колчана со стрѣлами. У козаковъ лошади быстрые, какъ вѣтеръ. Ко вѣзду короля въ Краковъ не успѣли воевода Русскій (Юрій Язловецкій), пріѣхавшій позже съ 500 козаками, и Самуиль и Христофоръ Зборовскіе, каждый съ 200 всадниками ⁷⁾.

Современный Польскій историкъ Святославъ Оржельскій ⁸⁾ говоритъ, что Французы, сопровождавшіе Генриха Валуа, при вѣздѣ его въ Познань и особенно въ Краковъ до такой степени были поражены роскошнымъ убранствомъ войска Польскихъ пановъ, что недоумѣвали, простые ли это смертные, или небесныя силы, нигдѣ еще невиданныя.

Изъ другихъ источниковъ ⁹⁾ извѣстны болѣе точно военныя

⁴⁾ Войско было одѣто въ черныя цвѣты по случаю траура при дворѣ.

⁵⁾ Напечатано въ Польскомъ переводѣ Будзинскимъ въ III приложеніи къ Красянскаго «Польшѣ», стр. 158—159.

⁶⁾ Едва ли вѣрнѣе въ томъ мѣствъ Польскій переводъ. Обыкновенно медвѣжи и леопардовыя шкуры набрасывали на плечи воины, а не покрывали ими лошадей. ⁷⁾ Ibid. 163. ⁸⁾ Świątosława Orzelskiego «Bezkrólewia ksiąg osmioro» (1572—6). Wyd. Wł. Spasowicza. Petersburg. 1856, t. I, str. 190, 206. ⁹⁾ Moraczewski, «Dzieje Rzeczyposp. Polsk.» t. VI.

силы, приведенныя Польскими панами на встрѣчу Генриху Валуа: при насъ имѣлъ 200 гусаровъ, епископъ Красинскій 200 всадниковъ въ атласныхъ одеждахъ, Фирлеи, Зборовскіе, Ласкіе, Мелецкіе, Мацѣевскіе, Тенчинскіе, Гербурты и иные по нѣскольку сотъ всадниковъ; у Русскихъ бояръ были козаки, у Прусскихъ пановъ Нѣмецкіе рейтары; у вастеляна Коморовскаго было до тысячи собственной пѣхоты; Гурки привезли съ собою значительную артиллерию.

Такова была *chocagiew nadworna* Польскихъ пановъ! Какъ дорого она имъ обходилась и насколько была пригодна на войнѣ, всякій самъ пойметъ.

Чѣмъ знатнѣе былъ панъ, тѣмъ многочисленнѣе былъ его дворъ. Окруженный дворянами-льстецами, утопавшій въ нѣгѣ и роскоши, привыкшій къ необузданному произволу, панъ воображалъ себя чуть не земнымъ богомъ, по выраженію Гурницкаго ¹⁾. Хотя этотъ придворный писатель самъ проповѣдывалъ обоготвореніе пановъ, тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ и подмѣчалъ ихъ пороки и слабости, и до такой степени они были далеки отъ его идеаловъ, что онъ сравнивалъ ихъ съ гробами, снаружи блестящими, а внутри наполненными гнилью, прахомъ и смрадомъ. Но они еще хуже такихъ гробовъ, прибавляетъ онъ, потому что гробы, вмурованные въ стѣны, стоятъ на прочномъ фундаментѣ и изнутри скованы желѣзомъ, такъ что не могутъ упасть, а паны не имѣютъ подъ собою почвы, внутри ни чѣмъ не сдерживаются, а потому должны падать отъ собственной тяжести и отъ одного порока переходить къ безчисленному множеству другихъ. Ихъ неспособность и глупость въ соединеніи съ ложнымъ мнѣніемъ о себѣ, о своей непогрѣшимости, о своей силѣ приводятъ ихъ къ присвоенію себѣ чужаго: какъ короли захватываютъ чужія королевства, такъ паны—земли и имущества своихъ своихъ крестьянъ... А отъ неспособности управлять людьми происходитъ много злого: убійства, разрушеніе городовъ, неволя, пожары, опустошеніе земли ²⁾... Надменный панъ ходилъ по своимъ повоямъ, задравъ къ верху голову и не обращая ни на кого вниманія; привыкши къ праздности, онъ цѣлый день ухаживалъ за

¹⁾ «Dworzanin Polski» (изд. Туровскаго) 239: «Panowie mimo to, że niewiedzą prawdy w żadnej rzeczy, uprawiają się ona swowolną swobodą, która im ztąd rośnie, iż się panu czują, zawróciwszy sobie mózg dostatkiem, przywając i ledwie nie topiąc się w rozkoszach, tak się bardzo zdradzają sami, tak się barzo w wnątrz na umyśle każą, widząc iż im wszyscy ulatają, iż się im kłaniają, iż ich ledwie nie za bogi chwala...» Cnf. 240: «mniemają... żeby je ledwie nie za bogi u siebie mieli!..»

²⁾ Ibid. 240—243.

соколомъ, котораго держалъ, какъ необходимое украшеніе своего палатца, а не для нужды, потому что на охоту не ходилъ ³⁾). Хозяйствомъ онъ не занимался; жилъ въ своемъ домѣ, но былъ въ немъ только тѣнью, по выраженію Мацѣвскаго ⁴⁾). Проводя праздную и беспорядочную жизнь, онъ часто нуждался въ деньгахъ на угощеніе знатныхъ пановъ дорогими яствами и напитками, потерявъ кредитъ, закладывавъ Жиду или продавалъ за безцѣнокъ золотыя цѣпи, доставшіяся ему отъ предковъ, за цѣпями шли помѣстья, а когда ужъ нечего было заложить, отдавалъ подъ залогъ своихъ дѣтей, какъ свидѣтельствуешь Рей. «Ты видѣлъ, говоритъ онъ ⁵⁾), этого блѣднаго князя: его доходовъ далеко не хватаетъ на удовлетвореніе его страсти къ роскоши; если-бы онъ имѣлъ мѣшокъ до неба, то все бы изъ него высыпалъ... Ты слышалъ музыку, ты слышалъ трубачей; при ихъ, хотъ пріятномъ, звукѣ не одинъ заплачетъ. Этотъ звукъ призываетъ къ платежу барщины: дѣла пана идутъ такъ плохо, что вскорѣ придется закладывать дѣтей».

Полякъ стараго времени отличался гостепріимствомъ. Гостю онъ былъ чрезвычайно радъ. «Гость въ домъ—Богъ въ домъ», говоритъ Польская пословица. Сидѣть въ заперти было не по душѣ Поляку. Передъ гостемъ растворялись настежь ворота. Его кормили и поили до упаду ⁶⁾). Поляки необыкновенно гостепріимны, говоритъ Кромеръ ⁷⁾: даже незнакомыхъ и чужестранцевъ они не только охотно угощаютъ, но даже сами заываютъ къ себѣ.

Полякъ любилъ угощать и угощаться, но, къ сожалѣнію, не въ мѣру: угощеніе обращалось въ обжорство и пьянство, а слишкомъ щедрое гостепріимство разоряло амфитріоновъ. На столы подавали множество дорогихъ блюдъ, расписанныхъ въ добавокъ золотомъ, какъ пишетъ Рей ⁸⁾). «Посмотри на роскошь изысканныхъ нашихъ кушаний... Посмотри на эти различные соусы, которые называютъ с а п о р а м и (съ Итальянскаго s a p o r i): по истинѣ «сапоры», потому что обожравшіяся ими сопить, какъ боровъ въ берлогѣ. Посмотри на разныя приправы, на позолоту, на краски, на дивную живопись, и быть можетъ, ты подумаешь, что это не кушанья, а какія-нибудь картины. На одномъ блюдѣ позолоченный баранъ, на другомъ левъ,

³⁾ G ó r n i c k i, «Dworzanin Polski».

⁴⁾ «Polska pod względ. obycz.» t. II, str. 268.

⁵⁾ «Wizerunek żyw. człow. pocziw.» Rozdz. VI, 69.

⁶⁾ S e w e r. G o ł ę b i o w s k i e g o, «Czasy Zygm. Aug.» t. II, str. 259—260.—Cnf. Ż u k. G o ł ę b i o w s k i e g o «Domy i dwory», str. 101—102.

⁷⁾ «Polonia» p. 66.

⁸⁾ «Żywot człowieka pocziwego», ks. II, kap. VI, л. 58—59 (ed. 1568). По изд. Туровскаго стр. 122—124.

на третьемъ пѣтухъ, на четвертомъ какая-то разодѣтая барыня. Ихъ окружають дубы съ желудями, позолоченныя розы и разныя цвѣты. Все блеститъ золотомъ—курицы, орлы, зайцы, а за позолотою—гипсъ и слизъ: гораздо лучше и вкуснѣе они были-бы, если-бы изъ горшка выложили ихъ прямо на блюдо. Вотъ тотъ, что съ позолоченными ушами, еще въ пятницу варился, и только въ воскресенье его подали на столъ. Вотъ тортъ изъ хлѣба и миндалей, склеенныхъ клсемъ: онъ приготовленъ уже нѣсколько дней назадъ. Одно жаркое высохнетъ, пока испечется его товарищъ. Если же подадутъ какую-нибудь жареную рѣдкость, то сверху ея скорлупа, а что въ срединѣ, тѣмъ могъ бы накормить ястреба. Какъ же быть при этомъ здоровымъ? какъ-же при этомъ не разболѣться и кошельку вмѣстѣ съ паномъ? какъ же не размножиться при этомъ корыстолюбію? Иногда на ужинъ бываетъ педочетъ въ блюдахъ: ихъ радушно пристроилъ у себя Жидокъ, хотя и смердятъ они свиноюю, которую онъ не ѣстъ. Какомъ долженъ быть желудокъ. чтобъ переварить эти склеенныя, замороженныя и сожженныя кушанья, облитыя виномъ и ликерами? Потомъ лей въ горло соки. витпахеры, розекеры, ривулы, мальвази, мускателли ¹⁾: какъ же отъ этого не сгорѣть? какъ же можно при этомъ долго жить? иной, какъ обожравшійся песь, едва дотащится до своей берлоги, и еще хорошо, если за столомъ же не издохнетъ ²⁾.

Богатымъ панамъ подражали шляхта средней руки и мѣщане: они старались подавать на столъ какъ можно больше блюдъ, и притомъ по возможности дорогихъ, а столы покрывали узорчатыми скатертями. Рей рассказываетъ, что одна пани, увидѣвъ на столѣ у шляхтича скатерть, на который былъ вышитый такой же узоръ, какъ и у нея, сказала: «не знаю, что ужъ и придумать, чтобъ отличаться отъ васъ, развѣ жемчугомъ вышивать скатерти». На это шляхтянка отвѣчала ей: «вышьемъ и мы такой же узоръ жемчугомъ. хотя помельче».

Обжорство, говоритъ Рей ³⁾, влечетъ за собою пьянство. «Когда напекуть и нажарятъ себѣ этихъ тортовъ... то ужъ на ногахъ не держатся, а иногда въ растяжку на землю падаютъ и валяются,

¹⁾ Witpacher—дорогое заграничное вино.—Rozekier—вино, пахнувшее розами.—Ruw i Źa—вино, привозимое моремъ изъ Франціи, Итали и Испаніи.—Malnazu—вино изъ гора Napoli di Malvasia въ Морев.—Muszkatel—Македонское (? не вѣрите ли Итальянское?) вино. L. Golebowski, «Domy i dwory», 108—109.

²⁾ Cnf. «Wizerunek», rozdz. II, л. 14—15.

³⁾ «Zywot czlow. pocziw...», л. 61 (у Туровск. стр. 127—129). Cnf. «Wizerunek», rozdz. II, л. 15, rozdz. III, л. 30.

какъ свиньи, продолжая лить себѣ въ горло. Иной три раза за-вернетъ за уголь и еще хорошенько губъ себѣ не вытретъ, а ужъ кричить: «налей еще!» Блюютъ, чтобъ пить, и опять пьютъ, чтобъ снова блевать. Это, по истинѣ, прекрасная приправа къ хорошей бесѣдѣ. Говорятъ, что такъ дружба скрѣпляется. Что это за дружба, мы видимъ во очю. Одинъ имѣлъ что-то противъ другаго цѣлый годъ, но, пока былъ трезвъ, молчалъ, а подпивши все высказалъ, и вотъ они поссорились и валять другъ друга подъ лавку. Слугамъ насильно лютъ въ горло, приговаривая: «осуши же за здоровье твоего милостиваго пана»; а панъ едва дышетъ гдѣ-нибудь у забора или подъ лавкою».

Кто видитъ въ словахъ Рея поэтическое преувеличеніе, тому мы можемъ указать на свидѣтельства современниковъ-Поляковъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу. Крэммеръ ⁴⁾ говоритъ, что на неумѣренныхъ попойкахъ (*intemperantioribus comotationibus*) происходитъ иногда жестокая драка между собутыльниками-друзьями и родственниками, большею частію вслѣдствіе ссоръ между ихъ прислугою... Многие истрачиваютъ всѣ свои доходы на пиры и попойки. Напиваются не только на бесѣдахъ, но и въ корчмахъ (*in sauronis*). Въ пьянствѣ одинъ не хочетъ уступить другому, и у болѣе знатныхъ роскошь въ пищѣ и напиткахъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. По словамъ Гваньини ⁵⁾, Поляки разоряются на неумѣренные пиры и попойки. По обычаю, когда пьютъ за здоровье, высушиваютъ до дна большую чашу (изъ стекла, дерева или глины) и потомъ разбиваютъ ее о свою голову: отъ того просыпаются на другой день со страшною головною болью. Пьютъ, хотя бы претяло, по очереди одинъ за здоровье другаго. Заставляютъ, особенно въ Мазовшѣ, силою пить, предлагая на выборъ или выпить за здоровье, или драться на дуэли. Такъ они разстраиваютъ свое здоровье. Иеронимъ Липпомано ⁶⁾ удивлялся пьянству и обжорству Поляковъ. По его словамъ, они пролѣживали по 7 и 8 часовъ за столомъ. Хозяинъ считалъ для себя обидою, если гость не пилъ; а между гостями часто происходили драки, окончивавшіяся иногда убійствомъ того, который отказывался пить за здоровье.

Модржевскій ⁷⁾ скорбитъ, что пьянство распространилось между всѣми сословіями въ Польшѣ и что нѣтъ средствъ искоренить

⁴⁾ «Polonia» pp. 74—75. ⁵⁾ «Descriptio Poloniae», f. 78 r°.

⁶⁾ «Relazione del regno di Polonia» (по моей рукописи л. 12 об.).

⁷⁾ «De republ. emend.» lib. 1, p. 76.

этотъ порокъ. «Есть люди, говоритъ онъ, которые наканунѣ пира принимаютъ рвотное, чтобы побольше мѣста приготовить въ желудкѣ для яствъ и напитковъ; вообще-же не стыдятся уходить изъ-за стола для очищенія желудка, и совершивъ эту операцію, снова принимаютъ пировать, снова ѣдятъ и пьютъ». Какъ для возбужденія аппетита, такъ и для очищенія желудка, загроможденнаго яствами и напитками, прибѣгаютъ къ помощи медицины, «и не только сами пьютъ, но и возбуждаютъ къ пьянству другихъ, уже изнемогающихъ, состязаясь съ ними въ количествѣ выпитыхъ бокаловъ: пьютъ за здоровье другихъ, чтобы самимъ сдѣлаться нездоровыми». Пили за здоровье стоя, чтò, при множествѣ безпрестанно повторявшихся тостовъ, было въ высшей степени утомительно.

«Хозяинъ пьетъ за здоровье», говоритъ Янъ Кохановскій ¹⁾, «вставай, гость: а за чье? За королевское: встанемъ и также выпьемъ». «За здоровье королевы: нужно встать и выпить, вѣдь это обычный второй тостъ». «За здоровье королевны: ужъ я стою, подай живѣй мою (чашу)»... «За здоровье епископа: встанемъ, или лучше не будемъ садиться». «За здоровье маршала: вставай снова, гость». «За здоровье графа: встанемъ опять, но отдохнуть ли когда ноги? Хозяинъ держитъ въ рукахъ чашу,—мы знаемъ обязанность нашу». «Эй, хлопъ, уברי мою лавку: ужъ я такъ простою обѣдъ».

Въ другой пѣснѣ ²⁾ поэтъ жалуется на навязчивость хозяина въ угощеніи: «Челомъ бью за честь, добрѣйшій мой сосѣдшукъ: не дай Боже бывать у тебя на бесѣдѣ ³⁾: ты заставляешь меня противъ воли пить твое прескверное пиво ⁴⁾ и, когда не выпиваю до дна, смотришь на меня косо».

«Все тебѣ мѣшаетъ: на носъ сѣла муха, и ты крутишь головою, думая, что она укусила тебя до крови. Жѣну прогналъ отъ стола, на прислугу кричишь, мечешь тарелки, опрокинешь и столъ».

«Подожди, достанется тутъ и гостямъ: гнѣвайся, сколько хочешь, не бей только, пане! Въ твоємъ пивѣ я не нахожу наслажденія: здоровье мнѣ дороже тебя, куфля (кружки) я не принимаю».

«Если идетъ о славу, кто больше можетъ выпить, охотно уступаю и иду спать: будь ты рыцаремъ, побѣждающимъ пиво; а не убѣжишь ли ты предъ хлопомъ, этого не знаю».

¹⁾ XXVII пѣснь первой книги (по изд. Варшавскому 1864 г. стр. 38).

²⁾ XXI пѣснь второй книги, стр. 65—66.

³⁾ *Wesłada* то же, чтò посидѣлки, пирושка.

⁴⁾ Пиво и медъ—обыкновенный напитокъ Польскаго шляхтича, изгнанный изъ панскихъ палацовъ; но за здоровье пили вино, и притомъ Венгерское, держась поговорки: *non est vinum nisi Hungaricum*.

«Если ты такъ намѣренъ угощать меня, то знай, что ты меня мучишь, а не угощаешь: вотъ тебѣ моя благодарность. Хочешь угостить меня? — такъ оставь меня въ покоѣ дома, чтобъ мнѣ не наливать поневолѣ никому».

«Напрасно даешь мнѣ рвотное: я не буду блевать, хотя бы очень былъ радъ выпить вчерашнее пиво; знаю, что твои псы меня бы стерегли: какъ только бы легъ, стали бы лизать мнѣ губы».

«На это я не охотникъ: на это пристануть тѣ, что грызутъ недопеченную свиную шкуру (szperki) и твердый сыръ, что оstrarь себѣ горло на невинное пиво рыжиками, селедками, огурцами; не знаю, въ чемъ оно передъ ними провинилось».

«И когда трезвы, немного у нихъ ума въ головѣ; хотять и остатокъ залить въ этомъ миломъ весельи: пусть лучше ничего не будетъ, чѣмъ мало, а то пожалуй еще съ ума сойдетъ».

«Ну, вотъ бой безъ вызова: хозяинъ мечется, а гости рвутся, какъ на смерть: я разнималъ васъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому не досталось; бейтесь же, сколько хотите, мнѣ все равно».

«Куфли летять, какъ градъ. Вотъ тотъ ужъ стонеть: угодили въ него боченкомъ, такъ что на лбу его остались обручи. Но вотъ схватили ружья... Такова ваша бесѣда? Если вамъ такъ весело, изъ-за чего же вы ссоритесь?»

«Назавтра мирятся и снова пьютъ; безголосый поетъ передъ панами: «помнишь, моя душенька, ходилъ я въ чудной красной шапочкѣ».

«Услышишь тамъ пять басовъ, двѣнадцать дискантовъ, шесть альтовъ, восемь теноровъ, двѣнадцать вагантовъ. Потомъ отъ мелодіи заснуть на столѣ; а другіе кричать: на дворъ, на дворъ!»

«Богъ дай вамъ, милые пьяницы, смрадъ въ ротъ и угри на лице—въ угоду вашимъ женамъ, кривыя ноги на старость, неповоротливую шею; авось когда-нибудь уцѣтесъ до смерти.»

Еще болѣе мрачными красками изображаетъ пирушки Польской шляхты Петръ Збылитовскій ⁵⁾. «На каждой свадьбѣ или на похоронахъ мы не толкуемъ о своихъ нуждахъ, нѣтъ у насъ иной забавы, какъ только пьянство. Выпить одинъ стаганъ и я не прочь, но тебя заставляютъ разомъ высушить шесть и десять стагановъ. Если ты отговариваешься, то навѣрно тебѣ скажутъ: «не трать словъ попустому, а выпей поскорѣе». А вотъ другой предлагаетъ выпить за твое здоровье: встануть всѣ, какъ на службу, и ты пей за свое здоровье, хотя бы это была конская моча. И если у тебя

⁵⁾ «Zchadzka zemiańska», str. 23—24.

не лошадиная и не коровья голова, то сколько здоровья потратишь ты въ одинъ день. Подъ вечеръ неминуемая ссора, ибо нѣтъ трезвой души: и самъ пьянъ, и его слуга. Если не онъ самъ, то слуга начнетъ ссору. Одни спокойно сидятъ за столомъ, а другіе гасятъ свѣчи, и у печки начинается ужъ потасовка. Изъ свѣней бѣжитъ прислуга, бѣжитъ и кучеръ; всѣ смѣшались. Ты ничего не понимаешь, кто затѣялъ ссору—братъ-ли твой, или шуринъ, кому помогать,— видишь только красный капишонъ (кровь) на лбу. Хамы кричатъ, и одинъ другому перерѣзалъ губу. Часомъ и ты въ потьмахъ получишь такой ударъ въ лобъ, что едва удержишься за ближайшую стѣну. Если же въ то время, какъ началось побоище у печки, случится при тебѣ жена, заверещитъ несчастная: «гдѣ сидитъ мой мужъ, гдѣ онъ, живъ ли, Бога ради, куда онъ дѣлся!» Часомъ бѣдная протискается къ тебѣ черезъ столъ, при чемъ нерѣдко сама получить шишку. Иная въ такой суматохѣ потеряетъ цѣпочку, и все ея платье обольютъ и испачкаютъ. Часомъ убьютъ кого, котораго ты едва зналъ, а тебѣ бѣда изъ-за него: его сторонники назовутъ тебя пособникомъ и, хотя ты съ нимъ и не сидѣлъ никогда вмѣстѣ, обвинять тебя въ соучастіи, а его родственники требуютъ съ тебя удовлетворенія, какъ съ виноватаго. И ты долженъ заплатить за убійство и сидѣть въ тюрьмѣ, или же дорогою цѣною откупиться».

Въ другой идилліи, «Разговоръ Польскаго шляхтича съ чужеземцемъ»¹⁾, поэтъ говоритъ: «Ты меня спрашивалъ объ изысканныхъ и дорогихъ кушаньяхъ, о крѣпкомъ винѣ и дорогой малвазін, на которыя столько денегъ тратится въ наше время. Наши предки такихъ крѣпкихъ напитковъ не пили, а были всегда здоровы. Нынѣ же наши дома сверхомъ переполнились всякаго рода излишествами. Смѣется надъ нами воздержный Испанецъ, издѣвается ученый Итальянецъ, всѣ страны знаютъ о нашихъ излишествахъ, не одинъ фунтъ перцу отвѣсилъ Армянинъ, не одинъ лоть шафрану отпустилъ Гданчанинъ (житель Гдавска или Данцига)... Не хватаетъ кораблей для дорогихъ заморскихъ кореньевъ, которыми мы такъ щедро приправляемъ кушанья, какъ бы они у насъ родились или доставались намъ за полцѣны... а при такой приправѣ неудивительно, что вмигъ выходитъ бочка Венгерскаго... Если гость придетъ къ шляхтичу или даже мѣщанину, тотчасъ на столъ три блюда, а четвертое—дорогая закуска... Разлей, налей, вотъ ужъ и

¹⁾ «Rozmowa szlachecka Polskiego z cudzoziemcem» (первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1600 году), по изд. Туровскаго, стр. 36—38.

конецъ обѣда, а хозяинъ и не думаетъ вставать изъ-за стола. Каждый взявъ двух-ушный куфель дорогаго вина, сидитъ въ углу: таковъ ужь порядокъ вездѣ».

Представленныя Реемъ, Кохановскимъ и Збылитовскимъ, картины Польскихъ пировъ возбуждаютъ въ насъ одно отвращеніе; но есть поэтъ, который съ древне-эпической простотою и объективною изображаетъ ихъ величіе и роскошь: это — Клеповичъ. «Дѣло кипитъ, говоритъ онъ въ своей Латинской поэмѣ ²⁾, сіяетъ кухня отъ сильнаго огня. На вертелехъ торчитъ мясо; жарятся тучныя тельцы: шипящія плечи обращаются около яркаго пламени и несутся обнаженныя внутренности; отъ обильнаго жира дымить раскаленный уголь. Жириный запахъ и гарь несутся изъ кухни. На трещанцемъ огнѣ дрожатъ неизмѣримыя сковороды. Кипящая вода, не вмѣщаясь въ сосудѣ, идетъ черезъ край, и въ глиняныхъ горшкахъ прыгаетъ вареное мясо. Что только питаетъ море, земля и неосязаемый воздухъ, все стараемся мы выставить на нашихъ столахъ. Триста кушаньевъ стараемся подать на ужинъ и нагрузить столъ множествомъ блюдъ. Начинать быковъ и свиной жаренными птицами и приностями научило насъ ненасытное обжорство. Кухни не вмѣщаютъ огромныхъ чревъ, и тучная дичь жарится подъ открытымъ небомъ; подъ ихъ тяжестью сгибаются воткнутые во внутренность колы. Не довольствуемся тяжелыми блюдами и немногими мисками по обычаю предковъ, но часто окружаемъ огромныя блюда тарелками. Стоять лакомства для горла и изнѣженнаго нѣба, и уже давно гостя смущаетъ запахъ кушаньевъ. Лишь только пробудилась жажда, приносятъ на столъ изъ темной кладовой пѣнящіяся бокалы — играетъ въ нихъ старое вино. Лице гостя оживляется при видѣ тароватости хозяина. Вдругъ увидиши серебряныя чаши, наполненныя чистѣйшимъ виномъ, и какъ изъ обильнаго источника льются потоки вина и текутъ свободныя рѣчи. Уже огромный стаканъ и большой сосудъ о двухъ ухахъ смотреть съ презрѣніемъ съ высокаго стола на низенькія кружки: старое вино шипитъ и горитъ въ червонномъ золотѣ. Высокій бокалъ, сопровождаемый тысячею рюмокъ, гордится ученою рѣзбою и находящимися на немъ изображеніями. Уже разноцвѣтный, оправленный въ золото кубокъ среди стола превышаетъ всѣ чаши, до чиста опорожненныя, и нѣтъ ни одного кубка безъ ментора».

Въ другомъ мѣстѣ ³⁾ поэтъ снова обращается къ описанію рос-

²⁾ «Victoria deorum», cap. XXI, pp. 123—124.

³⁾ Ibid. cap. XXXV, pp. 375—377.

кошныхъ пировъ Польскихъ пановъ XVI вѣка: «Богатства, нажитыя дѣдами и отцами, тратятся на изысканныя яства, испускающія благоуханія. Купанья разставлены; вереница пышно одѣтыхъ, слугъ суетится, подобно странствующимъ журавлямъ. Стоять длиннымъ рядомъ многочисленныя блюда, и паръ подымается съ нихъ густымъ облакомъ. Мяса, рѣдкія рыбы (*mull*) и шестьсотъ мучныхъ чудовищъ въ тысячѣ образовъ, на подобіе Протея, пекутся и жарятся, возбуждая аппетитъ, щечоча гортань. Омаръ и ракъ, варясь, прыгаютъ въ кастрюль, и на блюдахъ краснѣется пища подъ цвѣтъ лица гостей: бобровые хвосты ¹⁾, свиное вымя и фрикасэ. Разные соусы и приправы, на видъ невзрачныя, но на вкусъ пріятныя. Тысяча мисокъ занята разными супами. Какъ роскошны и разнообразны пиры! Продолжительныя завтраки и обѣды среди постоянного излишества смѣняются ужинами; за ужиномъ слѣдуютъ десерты, которыхъ касается розовыми перстами благодѣтельная заря, проникая въ скважины затворенныхъ ставень и украдкою привѣтствуя гостей своимъ сіяніемъ и блескомъ; а полусѣдненныя ужины покрываютъ своими парами утренніе завтраки. Такъ вращается хаотическій рядъ роскошныхъ наслажденій, и за пирами слѣдуютъ безчисленныя пиры»...

Далѣе въ числѣ лакомыхъ блюдъ, подаваемыхъ на панскихъ столахъ, поэтъ упоминаетъ морскія чудовища (*frutti di mare*, какъ называютъ Итальянцы), озерныхъ лягушекъ, кривыхъ моллюсковъ и лѣвивыхъ черепахъ.

Кто желалъ-бы провѣрить сообщаемыя Клёновичемъ свѣдѣнія о Польской кухнѣ и о панскихъ пирахъ, тому мы посовѣтывали бы обратиться къ извѣстному сочиненію Луки Голембѣвскаго, «*Domu i dworu*», гдѣ на стран. 32—60 онъ найдетъ перечень нѣсколькихъ сотъ блюдъ, бывшихъ въ употребленіи у Поляковъ, и расчетъ блюдъ по числу гостей: оказывается, что дѣйствительно на панскихъ столахъ подавалось до трехъ сотъ блюдъ, считая прибавленіе къ каждому блюду, приправы и такъ называемые цоварскіе секреты (*sekreta kucharskie*). На стр. 103—110 авторъ перечисляетъ множество напитковъ, употреблявшихся въ старой Польшѣ, а на стр. 84—95 представляетъ описаніе знаменитѣйшихъ въ Польской исторіи пировъ. Мы не будемъ повторять сообщаемыхъ Голембѣвскимъ свѣдѣній: въ сущности они мало прибавляютъ къ тому, что уже намъ извѣстно изъ современныхъ писателей и только

¹⁾ Бобровый хвостъ (*plusk*) считался лакомымъ блюдомъ. См. *L. Golebiewskiego*, «*Domu i dworu*», стр. 40.

подтверждают ихъ извѣстія о необыкновенной роскоши и продолжительности Польскихъ пировъ XVI вѣка. Въ дополненіе къ приведеннымъ нами выдержкамъ изъ Польскихъ писателей скажемъ только, что пышные панскіе пиры сопровождались не только музыкою, пѣніемъ и танцами, но также маскарадами и театральными представленіями; а подь вечеръ пускали фейерверкъ ²⁾.

Къ числу обычныхъ развлеченій принадлежала игра въ кости и въ карты ³⁾, занесенная въ Польшу изъ Венгріи. Бывали отчаянные игроки, проигрывавшіе все свое состояніе.

Такъ проводила время Польская шляхта XVI вѣка. Бывали, конечно, исключенія, но весьма рѣдкія. Число пановъ, занимавшихся науками, литературою и изящными искусствами, было чрезвычайно ограничено: отъ того такъ мало извѣстій дошло до насъ о частныхъ библіотекахъ, картинныхъ галереяхъ и музеяхъ ⁴⁾.

Тунеядство, роскошь, обжорство, пьянство и развратъ составляютъ отличительныя черты домашней жизни Польской шляхты XVI вѣка ⁵⁾.

ВИКЕНТІЙ МАВУШЕВЪ.

Варшава, 28 января 1876 года.

²⁾ Могасzewski, «Dzieje gzeszy rozp. Polsk.» t. VI.—О музыкѣ, пѣніи и танцахъ на панскихъ пирахъ вспоминаютъ Рей («Wizerunek», л. 25, 27) и Модржевскій («De republ. emend.» lib. I, p. 77).

³⁾ Клёновича, «Worek Judaszow» (по Браковскому изданію 1607 г. л. 3, по изд. Туровскаго стр. 93).

⁴⁾ Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 267—271.

⁵⁾ Модржевскій возставалъ противъ господствовавшаго въ его время разврата («De republ. emend.» I, p. 77). Противъ пьянства и обжорства современной шляхты Кіевскій бискупъ Осипъ Верещинскій издалъ въ Браковѣ въ 1585 году брошюру: «Gościniec rewny nieromiernymъ moczogędomъ a obmierzłymъ wudytnikułomъ świata tego» (перешчатана Туровскимъ въ его «Польской Библіотекѣ»). Противъ тѣхъ-же пороковъ писали: Андрей Волянъ, секретарь Сигизмунда III, противникъ Скарги, въ брошюру «O wolności gzeszuropolitiej albo szlacheckiej» (1-е изд. 1606 г., по изд. Туровск. стр. 59) и неизвѣстный авторъ брошюры «Votumъ szlacheica Польского» (написана въ 1589 г.; по изд. Туровскаго стр. 17).